

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского»**

На правах рукописи

Институт международных отношений и мировой истории

Новосельцев Сергей Владимирович

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМАТИРОВАНИЯ
ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Научная специальность 5.5.4. – Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
д.и.н., доцент
Рыжов Игорь Валерьевич

НИЖНИЙ НОВГОРОД, 2022

Оглавление

Введение.....	1
Глава 1. Теоретические аспекты анализа роли территориальных споров в Южно-Китайском море в форматировании Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений	24
1.1. Тенденции развития современных международных отношений и механизмы форматирования современного регионального пространства ..	24
1.2. Причины роста интереса мировых и региональных держав к региону Восточной Азии и их роль в форматировании регионального порядка.....	34
1.3. Теоретические дискуссии вокруг ситуации в ЮКМ.....	40
Глава 2. Конфликт в Южно-Китайском море в контексте глобальных политических процессов: нормативно-правовой, историко-политический и геоэкономический аспекты	43
2.1. Нормативно-правовой аспект	43
2.2. Историко-политический аспект.....	54
2.3. Геоэкономический аспект	60
Краткие выводы.....	75
Глава 3. Внешнеполитические приоритеты ведущих мировых и региональных держав в Восточной Азии в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море.....	77
3.1. Китай: основные элементы позиции по проблеме ЮКМ	77
3.2. Государства-участники территориальных споров.....	86
3.3. Страны ЮВА, не участвующие в конфликте в ЮКМ	104
3.4. Многосторонние усилия по линии АСЕАН	112
3.5. Мировые державы.....	118
Краткие выводы.....	150
Заключение	153
Список использованных источников и литературы	159
Приложения	207

Введение

Политические и социально-экономические трансформации (прежде всего стремительный экономический рывок), имевшие место в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР) в конце XX – начале XXI столетия, привели к объективному росту его геополитического значения. Именно здесь проходят и, очевидно, будут и в дальнейшем протекать значимые политические процессы, способные привести к заметным трансформациям существующего мирового порядка.

В этой связи особую значимость приобретают неразрешенные политические конфликты и территориальные споры, возникшие в основном во второй половине XX в. и представляющие серьезную угрозу стабильности и безопасности в регионе. Одной из таких «болевых точек» является конфликт в Южно-Китайском море (ЮКМ), потенциал которого в контексте структурирования макрорегионального пространства нельзя недооценивать. Китай, за последние десятилетия существенно укрепивший свое положение на международной арене и по ряду параметров приблизившийся к статусу державы-гегемона¹ (даже несмотря на политический и экономический ущерб от пандемии коронавируса COVID-19), используя территориальные споры в ЮКМ как повод, стремится в условиях сложного переплетения внешнеполитических задач и национальных интересов в рамках Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений (ВРП МО) и отсутствия в регионе действенной структуры многосторонней безопасности (функционирующие на основе консенсуса АРФ и АТССБ² в полной мере эффективными, на наш взгляд, считаться не могут), зафиксировать свой новый геополитический статус, устранить конкуренцию со стороны других «центров силы» (США, ЕС, Австралия, Япония, отчасти

¹ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

² Региональный форум АСЕАН и Азиатско-Тихоокеанский совет по сотрудничеству и безопасности

Россия), а также вписать государства ЮВА в свою систему «стратегических партнерств»³.

Ситуация осложняется и тем, что остальные омываемые ЮКМ государства, даже все вместе взятые (при том, что претензии друг к другу они также предъявляют) объективно не имеют достаточных ресурсов для успешного противостояния китайской позиции. Более того, притязания Китая на суверенитет практически над всей акваторией ЮКМ так и не смогли стать для АСЕАН объединяющим фактором по принципу «враг моего врага – мой друг», даже несмотря на изначально политическую подоплеку интеграционных процессов в регионе ЮВА. Представляется, что во многом это может быть связано с результатами многолетней политики Пекина по формированию устойчивой торгово-экономической зависимости стран-членов АСЕАН от КНР⁴, особенно успешной в отношении государств Индокитая.

Таким образом, необходимость анализа ситуации и перспектив развития событий в Южно-Китайском море, изучения возникающих там опасных международно-правовых прецедентов, а также уточнения интересов, военно-политических возможностей и подходов всех заинтересованных сторон к данной проблеме определяют **актуальность** настоящей диссертации.

Осуществление настоящего исследования не представляется возможным без предварительного определения и разграничения понятий «Азиатско-Тихоокеанский регион» (далее – АТР) и «Восточная Азия», а также обозначения рамок Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений.

Как справедливо отмечает российский исследователь О.А.Арин, само понятие АТР достаточно размыто как в отечественной, так и зарубежной

³ Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? / А.Д.Дикарев // Сравнительная политика. – 2018. - №3. С.75-87.

⁴ Янгель А.А. Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии: экономические и политические факторы (к созданию зоны свободной торговли Китай – АСЕАН) / А.А.Янгель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. - №2. – С.59-65.

научной литературе, в т.ч. и в отношении набора входящих в него государств – их число варьируется от 15 до 61⁵.

По мнению автора, наиболее удачным представляется следующее определение: «Азиатско-Тихоокеанский регион – это географическое пространство от Японии на севере до Новой Зеландии на юге, включающее в себя три основных субрегиона: Северо-Восточную Азию (Япония, Северная и Южная Корея, Китай, Тайвань, Монголия), Юго-Восточную Азию (Малайзия, Сингапур, Филиппины, Индонезия, Таиланд, Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма) и Южную часть Тихого океана (Австралия, Новая Зеландия и островные государства Океании), а в расширительном понимании это весь регион, ограниченный западным побережьем обеих Америк, восточным побережьем Азии и зоной Австралии»⁶.

Что же касается термина «Восточная Азия», то и к нему также существует несколько подходов. В традиционном понимании данный регион объединяет Северо-Восточную (к ней, в свою очередь, обычно относят Китай, включая Тайвань, Северную и Южную Корею, а также Японию) и Юго-Восточную Азию («десятка» АСЕАН)⁷. С некоторыми оговорками отдельные исследователи включают в него также Россию, Австралию, Новую Зеландию и ряд малых островных государств Тихого океана⁸.

В то же время в условиях постоянно усиливающегося влияния великих и региональных держав в изучаемом регионе, можно констатировать, что его взаимозависимость и взаимосвязанность с сопряженными регионами поступательно углубляется. Одними из первых на этот феномен обратили

⁵ Арин О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. / О.А.Арин. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 435 с.

⁶ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

⁷ Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под редакцией А.Д. Воскресенского. — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 528 с.

⁸ Там же.

Б.Бузан и О.Уэвер в сформулированной ими концепции региональных комплексов безопасности (т.н. эффект «перелива»)⁹.

В этой связи А.Д.Воскресенский отмечает, что ряд геополитических и геоэкономических факторов, а также углубление интеграционных процессов и взаимодействия в области безопасности привели к фактическому «стяжению» Северо-Восточной, Южной, Юго-Восточной и Центральной Азии «в единый макрорегион Большой Восточной Азии (БВА)»¹⁰. Аналогичное определение понятию «Большая Восточная Азия» дает и другой отечественный востоковед С.И.Лунев¹¹.

В то же время очевидно, что в настоящее время процесс образования макрорегиона БВА пока находится только в начальной стадии, окончательный круг его участников и их роли в нем еще окончательно не определены, а складывающаяся там подсистема международных отношений слабо структурирована, не имеет четкого формата и требует дальнейшего форматирования.

Весьма вероятно, что ее центральным элементом станет Китай, уже общепризнанный в качестве экономического и отчасти политического лидера Восточной Азии, со структурированием всей проблематики прилегающих пространств вокруг него. Новое значение в этой связи получают и существующие в БВА геополитические риски, в т.ч. территориальные споры в Южно-Китайском море. Вырабатываемые в ходе решения этих проблем модели взаимодействия могут стать «шаблонными» в отношениях между государствами как в уже существующем восточноазиатском регионе, так и формирующемся макрорегионе Большой Восточной Азии.

Таким образом, в данном исследовании Восточноазиатская региональная подсистема международных отношений (далее – ВРП МО)

⁹Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

¹⁰ Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. – 416 с.

¹¹ Лунев С.И. Успехи высшего образования в Большой Восточной Азии // Сравнительная политика. – 2016. – № 3. – С. 121-135

рассматривается как совокупность связей, контактов и иного взаимодействия между государствами региона Восточной Азии в его расширенном понимании, а ее форматирование – как постепенно происходящие в этой подсистеме изменения в контексте трансформации регионального пространства в макрорегион Большой Восточной Азии. В этой связи представляется оправданным включить в ВПР МО Индию (о росте ее участия в восточноазиатских делах говорит хотя бы уже повсеместное использование в мировых научно-политических кругах понятия «Индо-Тихоокеанский регион» вместо АТР) и единственную мировую сверхдержаву США с учетом их традиционно высокого уровня военно-политической и экономической вовлеченности в региональные дела, военно-политические союзы и процессы азиатско-тихоокеанской интеграции.

Объектом исследования являются территориальные споры в акватории Южно-Китайского моря как самостоятельная историческая и международно-политическая проблема региона Восточной Азии.

В качестве **предмета** исследования рассматривается влияние данного конфликта на процессы структурирования макрорегионального пространства и форматирования регионального порядка в Восточной Азии.

Цель данной работы – обосновать причины и спрогнозировать возможные последствия превращения территориального конфликта в Южно-Китайском море из классического территориального спора во внешнеполитический инструмент, используемый в целях форматирования Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений и трансформации макрорегионального пространства.

Для достижения цели определены следующие **задачи**:

1. Уточнить теоретическую базу, используемую в рамках анализа процессов, связанных с форматированием регионального порядка и региональной подсистемы международных отношений, а также тенденции развития современных МО.

2. Выявить причины роста интереса мировых и региональных держав к тематике территориальных споров в Южно-Китайском море.
3. Определить специфику нормативно-правовой составляющей конфликта в ЮКМ с учетом исторической ретроспективы вопроса.
4. Оценить значение экономического и геополитического аспектов терспоров в ЮКМ в контексте трансформации регионального порядка и возникновения новых потенциальных угроз безопасности.
5. Выделить основные элементы официальных позиций участников конфликта в Южно-Китайском море, а также приоритеты стран-участниц АСЕАН и наиболее значимых государств ВРП МО, побуждающие их к изменению существующей системы.
6. Определить специфику отношения коллективного АСЕАН к конфликту в ЮКМ, а также оценить способность данной организации противостоять новым вызовам в Восточноазиатском регионе.

Научную проблему, исследованию которой посвящена работа, можно сформулировать следующим образом: почему территориальные споры в Южно-Китайском море, существовавшие как вызов региональной безопасности минимум с середины XX века, в современный период приобрели новый геополитический смысл и стали использоваться великими и региональными державами как инструмент воздействия на региональную подсистему международных отношений?

Основная гипотеза исследования.

Поскольку территориальные споры в Южно-Китайском море носят многосторонний характер и происходят в условиях формирования реальной полицентричности как в локальном регионе, так и в мире в целом, можно предположить, что вырабатываемые совместно правила взаимоотношений в ЮКМ не только влияют на формы и методы форматирования Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений в условиях постепенной трансформации регионального пространства в макрорегион Большой Восточной Азии, но и при определенных условиях

могут стать моделью этого форматирования, как минимум, в среднесрочной перспективе.

Практическое значение исследуемой темы обусловлено возможностью определения наиболее эффективных механизмов и направлений для консолидации усилий всех заинтересованных государств в целях снятия напряженности, что может быть также применимо и к другим спорам, касающимся разграничений и использования водных пространств и континентального шельфа.

Кроме того, основные выводы исследования могут быть использованы при выработке и корректировке внешнеполитического курса России в ЮВА и АТР в целом, а также при выстраивании и расширении двустороннего взаимодействия со странами региона.

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование и полученные выводы соответствуют паспорту специальности 5.5.4. «Международные отношения»: 2.Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин. 3.Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики. 8.Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность. 12.Внешняя политика и дипломатия.

Научная значимость и новизна исследования обусловлены следующими факторами.

Во-первых, автором был сделан комплексный обзор новейших тенденций и трендов современных международных отношений с упором на ситуацию в Восточноазиатском регионе. Кроме того, были уточнены и систематизированы причины роста «удельного веса» Восточной Азии в мире

и, как следствие, существенно усилившегося интереса к этому региону мировых и региональных держав,

Во-вторых, в данном исследовании была продемонстрирована четкая взаимосвязь внешнеполитических действий государств, направленных на изменение регионального порядка в своих интересах, с событиями, имевшими место в рамках территориальных споров в Южно-Китайском море с учетом их исторической, экономической и геостратегической подоплеки. Одновременно на конкретных примерах показана двусторонность данного процесса (трансформация региональной подсистемы МО вынуждает государства корректировать свою внешнюю политику) и сделана попытка прогнозирования дальнейшего развития ситуации в регионе. Анализ производился с помощью комплексного междисциплинарного теоретико-методологического инструментария, включающего в себя различные теории и концепции международных отношений.

В-третьих, в данном исследовании были детально рассмотрены нормативно-правовые аспекты территориальных споров в ЮКМ, включая последние двусторонние и многосторонние договоренности вовлеченных в них государств, а также решения национальных органов власти и международных судов, некоторые из которых пока не получили достаточного освещения в исследовательской литературе, «в увязке» с происходящими в Восточной Азии геополитическими и геоэкономическими процессами.

Во-четвертых, автором предложен новаторский подход к рассмотрению территориальных споров в Южно-Китайском море не как самостоятельной проблемы международных отношений, а как инструмента внешней политики великих и региональных держав, используемый ими в целях форматирования Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений и структурирования макрорегиона Большой Восточной Азии в своих интересах.

Наконец, диссертантом произведен практический анализ изменения расстановки сил в регионе в зависимости от происходящих в Южно-

Китайском море событий, даны рекомендации по оптимизации внешней политики России в данном регионе.

Хронологические рамки диссертационного исследования определяются его целью и задачами. Они охватывают период с середины 1970-х гг., когда произошли первые вооруженные столкновения между КНР и ее соседями за суверенитет над архипелагом Спратли, до конца 2020 г., на который пришелся не только очередной виток напряженности в Южно-Китайском море, но и наиболее значимые за последние десятилетия попытки урегулирования споров на основе разрабатываемого кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море.

Теоретико-методологическая основа исследования.

Комплексность и многофакторность изучаемой проблематики, очевидно, требует ее разностороннего рассмотрения с использованием комплексного подхода. С учетом того, что особый фокус в настоящей диссертации сделан на межгосударственные территориальные споры, а также характерной для азиатских (особенно – восточноазиатских) стран высокой роли государства, в его основе лежит парадигма структурного реализма (неореализма), позволяющая определить изначальные позиции участников ВРП МО и их эволюции, а также оценить изменения «баланса сил» в регионе. В свою очередь элементы теоретического аппарата неолиберализма, также применяемые для достижения отдельных задач исследования, позволяют дать более точные оценки влияния экономических факторов, в т.ч. процессов экономической интеграции, на региональные политические процессы; конструктивизма – проанализировать видение государствами регионального порядка.

В связи с тем, что настоящее исследование сфокусировано на изучении регионального уровня международных отношений (помимо него, как правило, выделяются еще глобальный и национальный уровни¹²), в качестве основы

¹² Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

методологии автором был выбран системно-структурный подход, разработанный классиками политической науки Д.Истоном и Т.Парсонсом, а затем получивший развитие в работах Д.Алмонда¹³, А.Д.Богатурова¹⁴, А.Д.Воскресенского¹⁵, М.А.Хрусталева¹⁶ и других исследователей.

Системно-структурный подход вводит понятие системности в организацию мирового и регионального пространства, позволяет разделить процессы, происходящие на разных уровнях международных отношений, а также рассматривать Восточную Азию как сложную разноуровневую систему, в которой, по определению теоретика международных отношений Э.А.Позднякова, переплетаются взаимосвязи между входящими в нее элементами (как правило, это государства), а также их связи со средой (региональной или глобальной) и с самой системой¹⁷.

С учетом того, что особое внимание в диссертации уделяется тематике территориальных споров и угроз международной безопасности, весьма востребованным для анализа регионального измерения международной политики был методологический аппарат, предложенный Б.Бузаном и О.Уэвером¹⁸ в рамках теории комплексов региональной безопасности. Представляется, что применительно к Восточной Азии сложившийся там региональный комплекс безопасности можно рассматривать как структурообразующий элемент региональной подсистемы международных отношений, что в свою очередь, основываясь на постулатах упомянутых авторов, позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие, происходящее на

¹³ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Б. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

¹⁴ Богатуров А.Д. Очерки теории политического анализа международных отношений / А.Д.Богатуров, Н.А.Косолапов, М.А.Хрусталева. – М.: Мысль, 2002. – 380 с.

¹⁵ Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под редакцией А.Д. Воскресенского. — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 528 с.

¹⁶ Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений : Учеб.пособие / М. А. Хрусталева. – М. : МГИМО, 1987. – 115 с.

¹⁷ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения / Э.А.Поздняков. – М. : Наука, 1976. – 158 с.

¹⁸ Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

фоне проблем безопасности в Южно-Китайском море, может оказывать влияние на ее форматирование.

С целью осуществления всестороннего анализа процессов, происходящих в рамках Восточноазиатской подсистемы международных отношений, а также возможных последствий обострения обстановки в ЮКМ активно задействовались инструментарий концепции многофакторного равновесия А.Д.Воскресенского¹⁹ и концепция А.Д.Богатурова²⁰ о плюралистической многополярности. Первая концепция позволяет проанализировать межгосударственные отношения в широкой исторической перспективе на основе баланса интересов в полицентрическом мире и построить возможные сценарии развития отношений между ними, вторая – проследить динамику и дать оценку характеру отношений стран с наибольшим влиянием в Восточноазиатском регионе – КНР и США – с другими расположенными там государствами.

Для объяснения поведения изучаемых государств в работе используется теория рационального выбора, исходящая из предпосылки о том, что акторы действуют рационально в зависимости от своих интересов и стремятся к максимизации своей выгоды²¹.

В контексте анализа концептуального оформления участниками ВРП МО своего внешнеполитического курса весьма востребована была предложенная экспертами ИМЭМО методология определения иерархии идей о будущей региональной архитектуре с точки зрения их привлекательности и практической реализуемости²².

Эмпирическая база исследования включает в себя широкий круг источников, многие из которых в предшествующих данному исследованию

¹⁹ Воскресенский А.Д. Китай во внешнеполитической стратегии России / А.Д.Воскресенский // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия. Том третий. – М.: МГИМО, 2002. – С.267-279.

²⁰ История международных отношений. 1945-2008: Учеб.пособие для студентов вузов / А.Д.Богатуров, В.В.Аверков. - М.: Аспект Пресс. – 2012. – 520 с.

²¹ Грин Д.П. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? / Д.П.Грин, И.Шапиро // Полис. – 1994 – №3. – С. 59-74.

²² Там же.

научных трудах практически не использовались. Тематически их можно разделить на несколько разделов.

Первый раздел включает в себя концептуальные документы и заявления, публикуемые правительствами, министерствами иностранных дел и другими ведомствами государств-участников ВРП МО²³, внутренние законодательные акты, затрагивающие статус спорных территорий²⁴, наиболее значимые совместные заявления стран-членов АСЕАН²⁵, участников Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ)²⁶ и других структур многостороннего диалога, а также итоги многочисленных заседаний и встреч по тематике ЮКМ.

Во второй раздел входят основные международные и двусторонние соглашения, а также судебные решения, прямо или косвенно имеющие отношение к проблематике территориальных споров в Южно-Китайском море, прежде всего, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.²⁷, принятая в 2002 г. Декларация поведения сторон в ЮКМ²⁸ и решение Гаагского арбитража по иску Филиппин против КНР²⁹. Работа с этими документами позволяет посмотреть на ситуацию в регионе глазами сторонников неукоснительного соблюдения международного права и оценить возможность правового урегулирования конфликта. В распоряжение автора также попали

²³ 《中国的亚太安全合作政策》白皮书（全文）（Белая книга «Политика КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР»）[Электронный ресурс] // официальный сайт Госсовета КНР. - 2017. - 11 января. - Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1539907/1539907.htm> (дата обращения: 05.07.2018); Historical proof of Chinese rights for Spratly islands [Electronic resource] // MFA China website. - Mode of access: <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t10648.htm> (last visited: 05.07.2018).

²⁴ 中华人民共和国法律领海和毗邻区域（Закон КНР о территориальном море и прилегающей зоне）[Электронный ресурс] // официальный сайт ВСНП КНР. - 2000. - 5 декабря. - Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/05/content_4562.htm (дата обращения: 05.07.2018).

²⁵ 32nd ASEAN Summit - Outcome Documents [Electronic resource] // ASEAN website. - 2018. - April 27. - Mode of access: https://www.asean2018.sg/Newsroom/Press-Releases/Press-Release-Details/Summit_Outcome_Documents (last visited: 05.07.2018).

²⁶ ASEAN Regional Forum Documents [Electronic resource] // ARF website. - Mode of access: <http://aseanregionalforum.asean.org/> (last visited: 05.07.2018).

²⁷ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. - Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

²⁸ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Electronic resource] // ASEAN. - 2012. - October 17. - Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (last visited: 28.08.2017).

²⁹ The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) [Electronic resource] // PCA. 2016. - July 12. - Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801> (last visited: 01.02.2018).

выдержки из чернового варианта находящегося на стадии межгосударственного согласования кодекса поведения сторон в ЮКМ, который в отличие от вышеупомянутой Декларации должен иметь юридически обязывающий характер (по неоднократным заявлениям китайской стороны, этот документ планировался к подписанию в 2021 г.³⁰, однако пандемия коронавируса, очевидно, может отложить это событие на неопределенный срок), которые могут дать представление о ходе и характере ведущихся переговорах, обозначить приоритетные для сторон направления взаимодействия, а также показать степень внешнего влияния на этот процесс.

К третьему разделу можно отнести документы, содержащие статистические и справочные фактологические данные по региону Восточной Азии и миру в целом, в т.ч. доклады ООН и подведомственных ей структур³¹, данные Всемирного банка³², Всемирного экономического форума³³, базы CIA World Fact Book³⁴, Центра стратегических и международных исследований (США)³⁵ и других.

Наконец, четвертый раздел включает в себя сообщения ведущих национальных и международных СМИ по тематике исследования. Внимательное изучение данного источника информации дает возможность, во-первых, проследить динамику и тональность подачи информации о ситуации в ЮКМ в той или иной стране, а во-вторых, в режиме реального времени получать большой фактологический материал по изучаемой

³⁰ Full text of Premier Li Keqiang's speech at the 44th Singapore Lecture [Electronic resource] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. – 2018. – November 15. – Mode of access: http://english.www.gov.cn/premier/speeches/2018/11/15/content_281476391325308.htm (last visited: 26.09.2020).

³¹ Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде [Электронный ресурс] // UNEP/GEF South China Sea Project website. – Режим доступа: www.unepscs.org (дата обращения: 19.11.2017); Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. 2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i5555r.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).

³² World Bank Open Data [Electronic resource] – Electronic database – Mode of access: <https://data.worldbank.org/> (last visited: 05.07.2018).

³³ World Economic Forum Reports [Electronic resource] // World Economic Forum website. – Mode of access: <https://www.weforum.org/reports/> (last visited: 05.07.2018).

³⁴ The World Fact book [Electronic resource] // CIA website. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/> (last visited: 05.07.2018).

³⁵ Center for Strategic and International Studies [Electronic resource] // CSIS website. – Mode of access: <https://www.csis.org/> (last visited: 05.07.2018).

проблематике. Кроме того, в прессе нередко появляются соответствующие экспертные комментарии, также представляющие большой интерес.

Уровень научной разработанности темы.

В основе большого массива научных трудов, использовавшихся автором при подготовке данного исследования, лежат работы российских и зарубежных авторов, посвященные как эмпирическому анализу региона Восточной Азии, так и теоретическому осмыслению региональной подсистемы международных отношений. Для удобства рассмотрения весь ее массив представляется целесообразным разбить на три кластера.

В первый входит теоретическая литература, описывающая процессы регионализации, а также трансформации и структурирования регионального пространства. В этом контексте нельзя не упомянуть А.А.Ачарию и Э.А.Джонстона³⁶, Б.Бузана и О.Уэвера³⁷, А.Д.Богатурова³⁸, А.Д.Воскресенского³⁹, Н.Годехардта и Д.Наберса⁴⁰, Дж.Гэддиса⁴¹, Р.Гилпина⁴², О.Иэду⁴³, Ч.Кегли⁴⁴, Е.В.Колдунову⁴⁵, Ю.А.Никитину⁴⁶, В.В.Михеева⁴⁷,

³⁶Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective / Ed. by A.Acharya and A.I. Johnston. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007. – 318 p; Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. – 2007. – Vol. 59. – No.4. – pp. 629-652.

³⁷Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

³⁸ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д.Богатуров. – М.: Конверт-МОНФ, 1997. – 353 с.; Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе / А.Д.Богатуров // Международные процессы. – 2006. – № 3. – С. 5-15.

³⁹ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

⁴⁰Regional Powers and Regional Orders / ed. by N. Godehardt, D. Nabers. – New York: Routledge, 2011. – 256 p.

⁴¹Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War. / John Lewis Gaddis // International Security. –1992/93. – Vol.17. - №3. – P. 5-58

⁴² Gilpin R. The Political Economy of International Relations / Robert Gilpin. – Princeton, 1987. – 472 p.

⁴³ Ieda O. Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia: Focused on Eastern Europe // Regio: Minorities, Politics, Society. - Budapest, 2004. - Issue 1. - P. 3-22.

⁴⁴ Kegley C. A Multipolar Peace? Great Power Politics in the Twenty-First Century. / Charles Kegley, Gregory Raymond. – New York: Bedford/st Martins, 1993. – 228 p.

⁴⁵ Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. – М.: Навона, 2010. – 240 с.

⁴⁶ Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. – М.: Навона, 2009. – 200 с.

⁴⁷ Михеев В.В. Глобализация, регионализация и региональная интеграция // Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений : учеб. пособие для вузов / под ред. А.Д. Воскресенского ; МГИМО(У) МИД России. - М. : РОССПЭН, 2002. – С. 61-80.

И.В.Рыжова⁴⁸, С.В.Старкина⁴⁹, Б.Хэттне и Ф.Содербаума⁵⁰, Т.А.Шаклеину⁵¹, В.П.Федотову⁵², а также коллективные монографии под редакцией А.В.Торкунова⁵³, Г.И.Чуфрина⁵⁴, А.М.Хазанова⁵⁵ и др.

Работы этих авторов посвящены теоретическим и методологическим вопросам обеспечения глобальной, региональной, субрегиональной и национальной безопасности на современном этапе, а также процессам регионализации и региональной интеграции, раскрывают ключевые направления внешнеполитических стратегий государств АТР, содержат обстоятельный анализ объективных и субъективных факторов, влияющих на международную жизнь региона.

Второй кластер составляют более практически ориентированные работы, послужившие прочной основой для более узкого «точечного» анализа

⁴⁸ Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический "разворот" США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения (МЭМО). № 10. 2014. С. 49-56; Ryzhov I.V., Rogozhina E.M., Abidulin A.M., Savin I.S., Borodina M.Yu. Islamic Model of Political Leadership as a Potential Way to Start Negotiations Aimed at Resolving the Israeli-Palestinian Conflict // TARIH KULTUR VE SANAT ARASTIRMALARI DERGISI-JOURNAL OF HISTORY CULTURE AND ART RESEARCH. № 3. V. 8. 2019. P. 442-451.

⁴⁹ Starkin S.V. UNITED STATES MILITARY STRATEGY CONCEPTS WITH REGARDS TO CHINA // Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences. № 3. 2015. P. 81-108; Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический "разворот" США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения (МЭМО). № 10. 2014. С. 49-56; Старкин С.В. Индо-Тихоокеанское геостратегическое пространство во внешнеполитическом дискурсе Индии и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3. Т. 1. 2013. С. 348-354.

⁵⁰ Hettne B., Soderbaum F. Regional Cooperation: A Tool for Addressing Regional and Global Challenges // International Task Force on Global Public Goods, Achieving Global Public Goods. - Stockholm: Foreign Ministry, 2006 - pp. 179-244; Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regioness // New Regionalisms in the Global Political Economy / Ed. By Sh. Breslin, C.W. Hughes, N. Phillips and B. Rosamond. - N.Y.; Rountledge, 2002. - pp. 33-47; Hettne B. Beyond the "New" Regionalism // New Political Economy. - December 2005. - Vol. 10. - No. 4. - pp. 543-571.

⁵¹ Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т.А. Шаклеина, А.А. Байков, Э.Я. Баталов, Н.А. Симония и др.; под ред. Т.А.Шаклеиной и А.А. Байкова. - М.: Аспект Пресс, 2013. - 448 с.; Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы / Т.А.Шаклеина // Международные процессы. - 2011. - Том 9. - № 2. - С. 29-39.

⁵² Федотов В.П. Перспективы формирования систем многосторонней безопасности в Северо-Восточной Азии / В.П.Федотов // Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях глобализации. - М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. - С. 67-85.

⁵³ Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / [Т.А.Алексеева и др.] под ред. А.В.Торкунова. - М.: Просвещение, 2004. - 990 с.; Китай в мировой политике / редкол.: А.В. Торкунов (отв. ред.), А.Ю. Мельвиль, М.М.Наринский; отв. ред.-сост.А.Д.Воскресенский; вступ. ст. А.В.Торкунова; МГИМО(У) МИД России. - М.: РОССПЭН, 2001. - 527 с.

⁵⁴ Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. чл.-корр. РАН Г.И.Чуфрин. - М.: Наука, 2004. - 282 с.

⁵⁵ Роль региональных «центров силы» в Азии / отв. ред. А.М.Хазанов, К.О.Саркисов, Н.Б.Лебедева. - М.: Наука, 1991; Международные отношения в Азии и новое политическое мышление / отв. ред. ХазановА.М. - М.: Наука, 1990.

отношений между участниками ВРП МО в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море и комплексного рассмотрения правовых аспектов проблемы. Здесь важно выделить труды Г.Д.Агафонова⁵⁶, Е.П. Бажанова⁵⁷, Л.Бужински⁵⁸, Дж.Гарвера⁵⁹, П.А.Гудева⁶⁰, Е.А.Канаева⁶¹, И.Д.Комарова⁶², К.Н.Кулматова⁶³, Н.А.Косолапова⁶⁴, М.Лифера⁶⁵, Г.М.Локшина⁶⁶,

⁵⁶ Агафонов Г.Д. Правовые аспекты морепользования в АТР. / Г.Д.Агафонов – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2004. – 204 с.

⁵⁷ Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях глобализации: Темат. сб. / Дипломат.акад. МИД России. Ин-т актуал. междунар. проблем; [Редкол.: Е.П. Бажанов (отв. ред.) и др.]. – М.: Науч. кн., 2001. – 315 с.

⁵⁸ Buszynski L. ASEAN security dilemmas / Leszek Buszynski // Survival. Global Politics and Strategy. – 1992. – Vol. 34. – № 4. – P. 90-107.

⁵⁹ Garver J. China's Push through the South China Sea: the Interaction of Bureaucratic and National Interests / John Garver // The China Quarterly. – 1992. – №132. – P. 999-1028.

⁶⁰ Гудев П.А. Политико-правовые основы морских конфликтов в АТР / П.А. Гудев // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – №6. – С. 55-67; Гудев П.А. Американско-китайский антагонизм в использовании ресурсов мирового океана / П.А.Гудев // Пути к миру и безопасности. ИМЭМО. – 2013. – №1(44). с. 23-37; Гудев П.А. Россия и Китай в «ловушке» правосудия: как проигрыш Пекина в международном Арбитраже затронет интересы Москвы? Часть 1. – Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – № 1(38). – С. 35-52; Гудев П.А. Конвенция ООН по-китайски. – Новый оборонный заказ. Стратегии. – 2017. – № 3. – С. 22-25; Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО РАН, 2014, 201 с.

⁶¹ Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е.А.Канаев. – М.: Готика, 2007. – 324 с.; Канаев Е.А. Безопасность на основе сотрудничества в Восточной Азии и конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: дис. канд. ист. наук: 07.00.03 / Канаев Евгений Александрович; науч.рук. А.М.Родригес-Фернандес; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2008. – 426 с.

⁶² Лычагин А.И., Комаров И.Д. Некоторые особенности радикальных перемен в отношениях Китайской Народной Республики, Соединенных Штатов Америки и Тайваня в конце 60-х-начале 70-х годов // Россия-Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Издательство Академии наук РТ. 2017. С. 390-393; Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 3. Т. 17. 2017. С. 530-539.

⁶³ Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в локализующемся мире. / В.В.Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 360 с.

⁶⁴ Кулматов К.Н. Мир в начале XXI века / К.Н.Кулматов. – М.: Известия, 2006. – 340 с.

⁶⁵ Косолапов Н.А. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимодействия. / Н.А.Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. – 1992. – №11. – С.34-45.

⁶⁶ Liefer M. Chinese Economic Reform and Security Policy: the South China Sea Connection. / M.Liefer // Survival. Global Politics and Strategy. – 1995. – Vol. 37. – № 2. – P. 44-59.

⁶⁷ Локшин Г. М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия / Г.М. Локшин; отв. ред. Е. В. Кобелев; Ин-т Дал. Востока РАН. М., 2013. – 240 с.; Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море. / Г.М.Локшин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – №20. – С. 17-39; Локшин Г.М. Южно-Китайское море: острова раздора / Г.М. Локшин // Азия и Африка сегодня. – 2015. – №9. – С. 2-8.

А.И.Лычагина⁶⁷, В.В.Михеева⁶⁸, Н.П.Малетина⁶⁹, В.Д.Могилевского⁷⁰, Д.В.Мосякова⁷¹, К.В.Плешакова⁷², А.А.Рогожина⁷³, Т.И.Сулицкой⁷⁴, М.Самуэльса⁷⁵, И.Стори⁷⁶, В.В.Сумского⁷⁷, Ю.А.Райкова⁷⁸, Ф.Умбаха⁷⁹, Д.Хайнцига⁸⁰, Д.Шамбо⁸¹, Ши Чиюя⁸².

В них детально проанализированы процессы регионализации в Восточной Азии, а также вопросы, касающиеся отношений великих держав с

⁶⁷ Лычагин А.И. Проблемы Тайваня и его дипломатических союзников в контексте существования квазигосударств // Россия-Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции. - Казань: Изд-во Академии наук РТ, -420с. 2018. С. 215-219; Лычагин А.И. Тайвань и частично признанные субъекты международного права в контексте современных международных отношений // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 243с. 2019. С. 155-161.

⁶⁸ Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. / В.В.Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 360 с.

⁶⁹ Малетин Н.П. Южно-Китайское море – море раздора? / Н.П.Малетин // Территориальный вопрос в Афро-Азиатском мире. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 134-148; Малетин Н.П. ЮКМ – бурное море Тихого океана / Н.П.Малетин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №29. – С. 5-25.

⁷⁰ Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход / В.Д.Могилевский – М.: Экономика, 1999. – 251 с.

⁷¹ Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему / Д.В.Мосяков. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. - 220 с.; Мосяков Д.В. О международной конференции «Безопасность и сотрудничество в регионе Южно-Китайского моря» / Д.В.Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №21. - С. 8-15.

⁷² Богатуров А.Д. Динамика международной стабильности / А.Д.Богатуров, К.В.Плешаков // Международная жизнь – 1991. – №2. – С.35-46.

⁷³ Рогожин А.А. Россия–АСЕАН: проблемы и перспективы экономического сотрудничества / А.А.Рогожин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. - №31. – С.12-18.

⁷⁴ Сулицкая Т.И. Страны АСЕАН и международные отношения в Юго-Восточной Азии / Т. И. Сулицкая. - М.: Наука, 1985. - 135 с.

⁷⁵ Samuels M. Contest for the South China Sea / Marwyn Samuels. – London: Routledge, 2015. – 250 p.

⁷⁶ Storey I. Arctic Lessons: What the South China Sea Claimants Can Learn from Cooperation in the High North [Electronic resource] / Ian Storey // Academia. – 2013. – Mode of access: http://www.academia.edu/5435334/Arctic_Lessons_What_the_South_China_Sea_Claimants_Can_Learn_from_Cooperation_in_the_High_North (last visited: 05.07.2018).

⁷⁷ Сумский В.В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире / В.В.Сумский // Мировая экономика и международные отношения. - М., 2005. - № 4. - С. 60-67.

⁷⁸ Райков Ю.А. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов / Ю.А. Райков // Международная жизнь. - 2013. - № 6. – С. 38-51.

⁷⁹ Umbach F. Military Balance in the Asia-Pacific: Trends and Implications / Mely C. Anthony, Mohamed Jawhar Hassan // The Asia Pacific in the New Millennium. Political and Security Challenges. – Kuala Lumpur, 2001. – P. 331-386.

⁸⁰ Heinzig D. Disputed Islands in the South China Sea. Paracels, Spratlys, Pratas, Macclesfield Bank / Dieter Heinzig. - Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. – 58 p.

⁸¹ Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power / David Shambaugh. – Oxford University Press, 2013. – 409 p; Shambaugh D. The Insecurity and the Security: the PLA's Evolving Doctrines and Threat Perceptions towards 2000 / David Shambaugh // Journal of Northeast Asian Studies. - 1994. - Vol. 13. - № 1- P. 3-25.; Power shift: China and Asia's new dynamics / ed. by D.Shambaugh. – Berkeley: University of California Press, 2005. – 383 p.; International Relations of Asia / ed. by D.Shambaugh, M.Yahuda. - Rowman & Littlefield Publishers: Maryland, 2008. – 402 p.

⁸² Shih Chih-yu. China's Just World: The Morality of Chinese Foreign Policy //Shih Chih-yu. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1993. - 244 p.

региональными государствами, соотношения их геополитических и военно-стратегических потенциалов, подходы к территориальным спорам в ЮКМ.

Практический интерес вызвали выводы группы научных сотрудников Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО РАН под руководством В.В.Михеева и В.Г.Швыдко. В опубликованном ими в 2013 г. научном докладе, посвященном возможности и перспективам создания т.н. «Транстихоокеанского пространства безопасности и соразвития», региональные проблемы и противоречия рассматриваются как неизбежные следствия социальных, политических и экономических дисбалансов⁸³.

Весьма полезными для осуществления исследования были мысли, идеи и обобщения, а также подборки фактологического материала, содержащиеся в публикациях как молодых, так и опытных исследователей на портале РСМД и в научных журналах⁸⁴.

Отдельный интерес в рамках данного кластера представляют публикации авторов из стран, непосредственно участвующих в территориальных спорах в Южно-Китайском море (прежде всего, это исследователи из КНР⁸⁵, Вьетнама⁸⁶, Тайваня⁸⁷, Малайзии⁸⁸, Мьянмы⁸⁹ и Филиппин⁹⁰), т.к. они в значительной мере отражают официальные позиции,

⁸³Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад / Отв. ред. – В.В.Михеев, В.Г.Швыдко. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 74 с.

⁸⁴ Кашин В.Б. Южно-Китайское море — Гаагский суд и военная напряженность [Электронный ресурс] / В.Б.Кашин // РСМД. – 2016. – 14 июля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7924#top-content (дата обращения: 05.07.2018); Райков. Ю.А. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов / Ю.А.Райков // Международная жизнь. - 2013. - № 6. – С. 38-51; Зеленева И.В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И.В. Зеленева // Азия и Африка сегодня. - 2017. - №1. - С. 16-20.

⁸⁵ Лю Цинцай. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства / Лю Цинцай // Проблемы Дальнего Востока. - 2006. - №2. - С. 33-42; Чжай Кунь. 1991-2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее / Чжай Кунь // Проблемы Дальнего Востока. - 2005. - № 5. - С.32-43; Pan Shiying. The Nansha Islands: a Chinese Point of View / Pan Shiying // Window. – 1993. – September 3. - P. 23-37; Ji Guoxing. China versus South China Sea Security / Ji Guoxing // Security Dialogue. - 1998. - Vol. 29. - №1. - P.101-112.

⁸⁶ Нгуен Динь Лиём. Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря / Нгуен Динь Лиём // Проблемы Дальнего Востока. - №6. - 2016. - С. 68-79.

⁸⁷ Sheng Lijun. Beijing and the Spratlys / Sheng Lijun // Issues and Studies. - 1995. - Vol. 31. - № 7. - P. 18-46.

⁸⁸ Ho Khai Leong. ASEAN+1 or China+1? Regionalism and Regime Interests in ASEAN-China Relations / Ho Khai Leong // China and Southeast Asia / Ed. By Ho Khai Leong, Ku S. C.Y. – Singapore: Kaoshiung, 2005. - P. 195-210.

⁸⁹ Kipgen N. The Politics of South China Sea Disputes // Nehginpao Kipgen. – Routledge India, 2020. – 136 p.

⁹⁰ Baviera A. The Philippines and the South China Sea Dispute: Security Interests and Perspectives [Electronic resource] / Aileen Baviera. – Mode of access: <http://ac.upd.edu.ph/index.php/resources/faculty-publications-summaries/945-the-philippines-and-the-south-china-sea-dispute-security-interests-and-perspectives-by-dr-aileen>

характерные для соответствующих государств и в этой связи имеют большое значение для данного исследования.

В третий кластер входят работы авторов, сосредоточившихся на исследовании нормативно-правовых аспектов территориальных споров, прежде всего М.Валенсии⁹¹, П.Дуттона⁹², Г.Ф.Мурашевой⁹³, Л.Оппенгейма⁹⁴, Д.Скотта⁹⁵ и др., а также коллективной монографии под редакцией Э.Фелса и Труонг Мин Ву⁹⁶.

Отдельного упоминания заслуживают монографии и статьи Е.Д.Степанова⁹⁷, предложившего наиболее комплексный анализ различных аспектов территориальных споров в ЮКМ, включая их историю, позиции и взаимоотношения участников, моделирование возможных сценариев развития событий.

Положения, выносимые на защиту.

1. В условиях хаотичности и неопределенности, характерных для современной системы международных отношений, а также отсутствия в этой связи каких-либо отработанных и устоявшихся механизмов для ее структурирования или форматирования государства стремятся

baviera-2 (last visited: 05.07.2018); Kipgen N. The Philippines' South China Sea Flip-Flop [Electronic resource] / Nehginpao Kipgen // the Diplomat. – 2017. – March 02. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/03/the-philippines-south-china-sea-flip-flop/> (last visited: 05.07.2018).

⁹¹ Valencia M. Spratly Solution Still at Sea / Mark Valencia // The Pacific Review. - 1993. - Vol. 6. - № 3. - P. 155-170.

⁹² Dutton P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea / P. Dutton // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. – Ashgate, 2014. - 326 p.

⁹³ Мурашева Г.Ф. Есть ли альтернатива статус-кво в территориальном споре в Южно-Китайском море? / Г.Ф.Мурашева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – №20. – С.5-16.

⁹⁴ Оппенгейм Л. Международное право. Том I: Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм; Перевод с 6-го английского издания А.Н. Ивенского, И.Я. Левина и И.А. Моро под редакцией и с предисловием проф. С.Б. Крылова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 547 с.

⁹⁵ Scott D. Conflict Irresolution in the South China Sea [Electronic resource] / David Scott // WordPress. – 2017. – Mode of access: <https://dscottcom.files.wordpress.com/2017/03/scs-irresolution.pdf> (last visited: 17.02.2018).

⁹⁶ Fels E. Power Politics in Asia's Contested Waters Territorial Disputes in the South China Sea / Enrico Fels, Truong-Minh Vu. – New York: Springer, 2016– 536 p.

⁹⁷ Степанов Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949-1994 гг.) / Е.Д. Степанов; Ин-т Дальнего Востока РАН, Центр науч. информации и банка данных. – М.: Б.и., 1996. – 96 с.; Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море / Е.Д.Степанов. – М.: Международные отношения, 1980. – 160 с.; Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949-1984 гг.) / Е.Д.Степанов. – Москва, 1986. – 348 с.; Степанов Е.Д. Правовые аспекты территориальных споров в Южно-китайском море / Е.Д.Степанов. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1997. – 92 с.; Границы Китая: история формирования / Под общ.ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 470 с.

использовать в этих целях уже существующие проблемы, наполняя их новым содержанием.

2. Несмотря на то, что «удельный вес» и конфликтный потенциал территориальных споров в ЮКМ существенно меньше, чем у ядерной проблемы Корейского полуострова – главной угрозы безопасности в АТР, вырабатываемые в этой связи правила взаимоотношений имеют важное для Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений значение. Прежде всего, это обуславливается тем, что ядерная проблема Корейского полуострова (ЯПКП) решается преимущественно великими ядерными державами, обладающими сопоставимыми геополитическими возможностями, а ситуация в ЮКМ – странами разной «весовой категории», но формально равными в рамках ООН. В свою очередь неспособность ООН и ее органов (Совет Безопасности, Международный арбитраж по морскому праву и др.) каким-либо образом повлиять на ситуацию в ЮКМ (в отличие от той же ЯПКП) позволяют рассматривать эту ситуацию и как потенциальную угрозу современной системе международных отношений в целом.
3. Использование мировыми и региональными державами ситуации в Южно-Китайском море в качестве внешнеполитического инструмента фактически дает им возможность как минимум в локальном масштабе «обходить» общепризнанные и закреплённые в основополагающих международных документах правила и действовать по своему усмотрению без каких-либо существенных для себя последствий.
4. Сохраняющаяся десятилетиями неспособность современной ооноцентричной системы международных отношений адекватно отреагировать на вызов в ЮКМ в силу издержек и недостатков собственной структуры, а также неэффективность АСЕАН как политического объединения в данной ситуации дает основания ожидать в будущем большего тяготения государств к двусторонней дипломатии, нежели многосторонней.

5. Политика, проводимая Пекином в Южно-Китайском море, по сути, представляет собой попытку зафиксировать новый геополитический статус КНР в регионе Восточной Азии, а также свидетельствует о готовности обеспечить защиту собственных экономических интересов, в т.ч. военно-политическими методами.
6. Прецеденты, возникающие в ЮКМ в результате политики КНР и США (попытки изменить международно-правовой статус искусственных островов и международных вод, вмешательство в двусторонние конфликты третьих стран, в т.ч. путем демонстрации военной силы, и т.д.), могут оказать влияния на международные отношения и за пределами Восточноазиатского региона. В частности, признание аргументации и удовлетворение требований КНР в ЮКМ в среднесрочной перспективе может иметь последствия в вопросе границ Китая с государствами Центральной Азии, а в долгосрочной – в отношении Сибири и Дальнего Востока России.
7. Невыгодность для большинства акторов окончательного урегулирования ситуации в ЮКМ дает основания для ожидания дальнейшего роста напряженности в рамках ВРП МО.

Апробация результатов исследования. Основные итоги настоящего исследования были включены в текст коллективной монографии «Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы», а также отражены в статьях, опубликованных автором в научных журналах, рекомендованных ВАК – Сравнительная политика, Вопросы политологии, Азимут научных исследований, Конфликтология / *pota bene* и др., апробированы на профильных кафедрах МГИМО (У) МИД России и ННГУ им. Н.И.Лобачевского, в ходе научных конференций (конвенты РАМИ, международная конференция молодых востоковедов в ИДВ РАН, организованная РСМД международная конференция «Россия и Китай в меняющемся мире» и др.), а также в практической работе по линии МИД России.

Структура диссертации. Диссертация структурно состоит из введения, трех глав, разбитых на несколько параграфов, заключения,

библиографического списка и приложения. Во **введении** обосновывается постановка проблемы, актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, а также методология, понятийный аппарат и историография исследования, раскрываются цель и задачи исследования.

Первая глава – теоретическая – посвящена тенденциям развития современной системы международных отношений в целом и Восточноазиатской региональной подсистемы МО в частности, а также методологии анализа роли территориальных споров в Южно-Китайском море в формировании Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений. Особое внимание было уделено теоретическим аспектам анализа проблематики структурирования регионального пространства, а также рассмотрению основных подходов к роли государств-лидеров в формировании регионального порядка. В данной главе также определяются критерии, позволяющие сделать вывод о принадлежности того либо иного государства к группе глобальных или региональных лидеров, и делается вывод о существенном влиянии взаимоотношений последних на региональную подсистему международных отношений.

Вторая глава обосновывает актуальность и значимость тематики территориальных споров в Южно-Китайском море для региона Большой Восточной Азии. В первой ее части детально рассматриваются нюансы нормативно-правового аспекта данной проблемы, имеющие принципиальное значение для понимания позиций и логики действий сторон конфликта. Второй раздел посвящен историко-политическим аспектам проблемы с целью в динамике отследить усилия, предпринимаемые государствами, а также региональными и международными организациями в отношении данной проблемы, третий – геоэкономическим моментам, во многом определяющим высокую значимость территориальных споров в ЮКМ для их участников.

Заключительная **третья глава** имеет цель определить место территориальных споров в Южно-Китайском море в политике участвующих в них государств, их ближайших соседей, а также ведущих мировых и

региональных держав, оказывающих наиболее значимое влияние на развитие событий в ЮКМ и функционирование региональной подсистемы международных отношений в целом. Основной упор сделан на разборе подходов Китая, Вьетнама и Филиппин как ключевых участников территориальных споров, а также США, Японии, Индии, Австралии и России как стран, имеющих наибольший «политический вес» в изучаемом регионе. Кроме того, отдельное внимание было уделено Тайваню – единственному из всех конфликтующих сторон частично признанному государству. Кроме того, в данной главе даются оценки деятельности АСЕАН как центральной многосторонней организации в данном регионе.

Работа заканчивается **заключением**, в котором приводятся результаты исследования, а также библиографическим списком и приложением.

Глава 1. Теоретические аспекты анализа роли территориальных споров в Южно-Китайском море в формировании Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений

Изучение роли территориальных споров в Южно-Китайском море в процессах структурирования макрорегионального пространства и формирования Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений представляется затруднительным без предварительного определения теоретических предпосылок исследования регионального уровня в международных отношениях. Многочисленные теории, предложенные как отечественной наукой, так и за рубежом, дают возможность объективно изучать и сложившиеся в изучаемом регионе геополитические реалии, анализировать протекающие там процессы, а также делать прогнозы о дальнейшем развитии ситуации. Кроме того, подобные теоретические изыскания существенно способствовали выявлению и описанию многих базовых понятий, без которых невозможно проведение любого серьезного регионального исследования.

1.1. Тенденции развития современных международных отношений и механизмы формирования современного регионального пространства

В конце XX столетия мир впервые в истории одновременно столкнулся с целым рядом разноплановых явлений и процессов, которые привели к коренным изменениям архитектуры современной системы международных отношений. Развал относительно простой и понятной биполярной системы МО, последовавшие за этим изменения в военно-политической и экономической мощи государств (особенно стран Востока) и, как следствие, их стремление к проекции своего политического, цивилизационного и конфессионального влияния, ускоренная информатизация, беспрецедентный скачок в области науки и технологий, пандемия новой коронавирусной инфекции – это лишь некоторые из них.

Такое положение дел существенно ограничивает возможности долгосрочного планирования, что в свою очередь негативно сказывается на устойчивости союзнических отношений и приводит к быстрым и иногда непредсказуемым изменениям в балансах сил и интересов. Подобная неопределенность, хаотичность и мозаичность существующей системы МО подталкивает ее участников к периодическому, нередко вынужденному, переформатированию связей в ее рамках. Стоит отметить, что наиболее ярко данные процессы заметны именно на уровне региональных подсистем. Все это приводит к тому, что как сама система, так и её отдельные элементы, постепенно, но неизбежно размываются и трансформируются⁹⁸.

Другая значимая отличительная черта современных МО – хаотичность и неопределенность нарождающейся системы, а также отсутствие каких-либо отработанных и устоявшихся механизмов для ее структурирования или форматирования. Во многом это связано с тем, что даже после окончательного, как казалось в 1990-е гг., отхода мирового сообщества с завершением «холодной войны» от биполярной системы МО и декларирования новых принципов и правил взаимодействия, её основные идеи, атмосфера и институты сохранились⁹⁹, а в последние годы и вовсе подвергаются уже практически ничем не прикрытой реставрации.

Наиболее четкое определение такому состоянию нынешнего миропорядка дал британский исследователь З.Бауман, охарактеризовавший его как «состояние, когда старое уже не работает, а новое еще не народилось»¹⁰⁰. Эту идею гармонично развивают отечественные исследователи А.В.Гукasов и Г.В.Косов, добавившие, что в нынешних реалиях наблюдается тенденция к увеличению числа акторов, преследующих собственные (и не всегда согласованные друг с другом) интересы в

⁹⁸ Аватков В.А. Тенденции развития современных международных отношений / В.А.Аватков, Т.В.Каширина // Обозреватель – 2017. - №11. – С.5-15.

⁹⁹ Там же

¹⁰⁰ Бауман З. Текучая модерность: взгляд из 2011 года / З.Бауман [Электронный ресурс] // Полит.ру. – 2011. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 21.01.2022).

определенном регионе, что может приводить к нарушению статус-кво в конкретном регионе и разрушению и без того «хрупкой» региональной стабильности¹⁰¹.

В этом контексте, помимо всего прочего, новое наполнение получают старые, иногда существующие десятилетиями проблемы. Наиболее яркий пример вышеупомянутого процесса – территориальные споры в ЮКМ.

Проблема Южно-Китайского моря, мало кого интересовавшая на протяжении многих лет, в силу изменения «политического веса» ряда государств, имеющих не нее диаметрально противоположенные взгляды, внезапно превратилась в один из наиболее значимых элементов, дестабилизирующих и вносящих дисбаланс во всю ВРП МО. Отсутствие успехов в попытках найти ее решение как на основе диалога, так и военным путем, в итоге привело к тому, что на смену прямой конфронтации пришли различного рода пропагандистские кампании с применением все более агрессивных инструментов «мягкой силы». В частности, такое изменение характера противостояния четко прослеживается и в ходе развития ситуации в ЮКМ.

Еще одним заметным трендом современного мирового порядка является значительное усиление идейного фактора во внешней политике государств. Если еще несколько десятилетий назад подобным «увлекались» преимущественно США (теория «управляемого хаоса», концепция «Америка превыше всего» и др.)¹⁰², то в настоящее время подобные идеи заметны во внешнеполитических программах многих влиятельных акторов в Азиатско-Тихоокеанском регионе («Китайская мечта» КНР, концепция превращения

¹⁰¹ Гукасов А.В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) / А.В.Гукасов, Г.В.Косов [Электронный ресурс] // Вопросы элитологии. – 2020. – №4 – Режим доступа: <https://elitology-journal.com/index.php/iae/article/view/38/33> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁰² Новосельцев С.В., Рыжов И.В. — Внешнеполитические приоритеты США в АТР: влияние концепций “поворота в Азию” и “Америка прежде всего” на ситуацию в Южно-Китайском море // Конфликтология / nota bene. – 2021. – № 4. – С. 71 - 80.

Индонезии в «мировую морскую ось»¹⁰³ и т.п.). Нередко подобные идеи базируются на апелляции к идеализируемому прошлому и необходимости защиты от «внешнего врага»¹⁰⁴.

Помимо прочего, в начале нового тысячелетия новое значение получили проблемы экологии и защиты окружающей среды, обеспечения устойчивого развития человечества, укрепления системы здравоохранения на глобальном уровне. Отсутствие должного внимания к данной теме в конце концов может привести человечество к серьезным, а главное, необратимым последствиям, вплоть до появления прямых угроз его дальнейшему существованию. Примечательно, что наибольшее внимание, как отмечают целый ряд исследователей, этой проблематике уделяют страны Востока, пытаясь таким образом повысить свою роль в мировой политике¹⁰⁵, что также можно выделить как тренд развития современных МО.

Упомянутые выше тенденции, только усилившиеся в последние десятилетия, обусловили ускорение процесса перехода мира к реальной многополярности и определили особую роль региона как фрагмента глобального социума¹⁰⁶.

Идею о необходимости выделения и изучения регионального уровня международных отношений одними из первых выдвинули Б.Бузан и О.Уэвер, полагавшие, что регион состоит из «географически структурированных единиц», формирующих более крупную и структурированную систему МО. Такой подход был обусловлен в том числе выводом о том, что упомянутая

¹⁰³ Indonesia Sebagai Poros Maritim Dunia (Индонезия как мировая морская ось) [Electronic resource] // official website of the President of Indonesia. – 2015. – 13 November. – Mode of access: <http://www.presidentri.go.id/berita-aktual/indonesia-sebagai-poros-maritim-dunia.html> (last visited: 05.07.2018).

¹⁰⁴ Аватков В.А. Тенденции развития современных международных отношений / В.А.Аватков, Т.В.Каширина // Обозреватель – 2017. - №11. – С.5-15.

¹⁰⁵ Воскресенский А.Д. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности / А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова, А.А.Киреева // Сравнительная политика. — 2017. — №2. — С. 37-57.

¹⁰⁶ Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. – 416 с.

«макросистема» ограничивает и задает рамки поведения её отдельных элементов¹⁰⁷.

С крахом биполярной системы международных отношений в конце XX столетия региональные процессы стали занимать более заметное место и, таким образом, стали представлять все больший научный интерес для самостоятельного теоретического анализа. Кроме того, Б.Бузан и О.Уэвер определили 3 основных фактора, влияющих на динамику конфликтности или сотрудничества в регионе: снижение активности глобальных держав в региональных процессах; постепенное «расслоение» великих держав и нежелание некоторых из них быть вовлеченными во внешние военные конфликты; постепенное «делегирование ответственности» за происходящие в регионе процессы региональным державам¹⁰⁸.

В своих работах шведский исследователь В.Хеттне приходит к аналогичным выводам, говоря о том, что «регион становится не просто уровнем анализа или пространством для тех или иных процессов, но и самостоятельным актором в мировых процессах»¹⁰⁹.

А.Д.Воскресенский, в свою очередь, обратил внимание на феномен «стяжения» традиционных регионов и субрегионов в единые макрорегионы или региональные комплексы в результате расширения и углубления их взаимодействия в сферах экономики, политики, безопасности, энергетики и культуры¹¹⁰. Исходя из предложенного им определения, региональный комплекс — это «многомерный сегмент международного пространства регионального уровня, выделяемый на основе существования относительно устойчивой системы региональных взаимосвязей и взаимозависимостей структурно-пространственного характера различного типа (политических,

¹⁰⁷ Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / Barry Buzan, Ole Waever. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003. — 588 p.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Hettne B. Beyond the “New” Regionalism / B.Hettne // New Political Economy. — 2005. - December 2005/ - Vol. 10. — № 4.— P.562-564.

¹¹⁰ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации : научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 444 с.

экономических, культурно-исторических) и разной степени интенсивности, позволяющих отграничить его от среды или выступить подсистемным объединением различной степени целостности по отношению к международной среде»¹¹¹. «Стяжение» регионов в макрорегиональные комплексы дает возможность различным странам усиливать геополитические позиции за счет увеличения масштабов своей активности в них.

Особенно актуальным такой подход является в отношении Восточноазиатского региона (при том, что аналогичные процессы наблюдаются и в других частях земного шара, например, в Средиземноморье¹¹²). Интересной представляется предложенная в одноименной работе идея рассматривать его в качестве единого макрорегиона Большой Восточной Азии (БВА), включающего в себя сразу четыре региона –, Южную, Юго-Восточную, Северо-Восточную и Центральную Азию¹¹³.

Предпосылками для начала объединения вышеупомянутых территориальных единиц в единый макрорегион БВА послужили несколько факторов. Важнейший из них – комплиментарность моделей их экономического развития (в Большой Восточной Азии представлены страны как с постиндустриальной, так и с индустриальной и даже сырьевой экономикой). Не меньшую роль играет и углубление региональной экономической интеграции, в том числе валютно-финансовой, а также проявляемый ведущими экономиками макрорегиона (КНР, Япония, Индия) интерес к данным процессам. Важное значение имеет и определенная культурно-цивилизационная общность населяющих пространство БВА народов, а также исторически характерная для них «незападная» модель

¹¹¹ Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях / А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2012. - №2 (8) – С.30-58.

¹¹² Гукасов А.В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) / А.В.Гукасов, Г.В.Косов [Электронный ресурс] // Вопросы элитологии. – 2020. – №4 – Режим доступа: <https://elitology-journal.com/index.php/iae/article/view/38/33> (дата обращения: 21.01.2022).

¹¹³ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

развития¹¹⁴. Кроме того, путем расширения экономической взаимосвязанности можно частично сгладить исторически сложившуюся политическую фрагментарность и сложную конфигурацию отношений в данном регионе.

С учетом того, что центральное место в традиционном анализе международных и региональных отношений занимают, как правило, такие направления, как вопросы безопасности, проблемы демаркации границ, ядерная проблематика, включая геополитическое противостояние (для Большой Восточной Азии это прежде всего отношения по линии КНР-Тайвань, Республика Корея-КНДР, КНР-Индия), особую актуальность для настоящего исследования приобретает выдвинутая Б.Бузаном и О.Уэвером концепция региональных комплексов безопасности.

Б.Бузан и О.Уэвер определяют региональный комплекс безопасности (далее – РКБ), как «группу государств, чьи основные дискурсивные процессы, в рамках которых политическое сообщество формирует представление о том или ином факторе как о существенной угрозе или, наоборот, понижает значимость угрозы, или оба этих процесса настолько связаны между собой, что проблемы безопасности государств не могут быть адекватно проанализированы или решены в отрыве от региона»¹¹⁵. При этом, чтобы представлять собой РКБ, группа государств должна обладать высокой степенью взаимозависимости структурно-пространственного характера в области безопасности, которая отграничивала бы ее от других регионов.

В то же время в концепции РКБ, как отмечают корейские исследователи Джун Юн Ба и Чун Ин Мун, не учитываются такие значимые в современных условиях параметры, как деятельность негосударственных организаций, изменившийся характер безопасности (необходимо принимать во внимание экономический, социальный, экологический и др. аспекты), а также историческая подоплека, влияющая на поведение акторов.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

С тем, чтобы точнее описать нюансы взаимодействия составных частей РКБ между собой, ими были выделены несколько моделей региональных комплексов безопасности, основными из которых являются анархическая, иерархическая и гегемонистская, а также модель «баланса сил» и «децентрализованного порядка».

Существующие в рамках РКБ механизмы решения проблем в сфере безопасности, были условно разделены на «реалистские» (упор на традиционные военные союзы, проецирование державой-доминантом собственной военной силы и геополитического влияния и другие) и либеральные (прежде всего, здесь речь идет о создании и поддержании эффективных систем коллективной безопасности)¹¹⁶.

В монографии А.Д.Богатурова «Великие державы на Тихом океане» представлена еще одна, авторская, точка зрения на проблематику структурирования регионального пространства. С его точки зрения, в конце XX столетия в Восточной Азии был сформирован уникальный вариант организации региональной подсистемы МО, условно названный «пространственным». Его основной отличительной чертой можно назвать появление у средних и даже малых стран возможности выступать в роли своеобразного «коллективного лидера», тем самым влияя на процессы формирования регионального пространства и воздействуя на отношения между другими региональными лидерами¹¹⁷.

Кроме того, отличительной чертой Восточноазиатского региона исторически являлось доминирование не «вертикальных», конструирующих иерархию взаимосвязей, а горизонтальных, структурирующих пространство с помощью «кольцевой структуры». В отличие от той же Европы, данный регион никогда не сталкивался с единой для всех «общей угрозой», что

¹¹⁶ Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. – 416 с.

¹¹⁷ Богатуров А. Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д.Богатуров. – М.: Конверт-МОНФ, 1997. – 353 с.

привело к тому, что государства в этой части земного шара заинтересованы в мире даже в условиях наличия большого количества малых конфликтов.

Помимо этого, здесь сохранились также и структурно неоформленные связи, которые обеспечивают существенный амортизирующий эффект, сопоставимый, например, с формализованными отношениями в рамках НАТО.

В этом контексте логичным представляется также обратиться к инструментарию структурно-системного подхода, впервые предложенного Д.Истоном¹¹⁸ и получившего дальнейшее развитие в трудах Д.Аптера¹¹⁹, Г.Алмонда¹²⁰, А.Д.Богатурова¹²¹, А.Д.Воскресенского¹²², В.И.Гантмана¹²³, В.Д.Могилевского¹²⁴, Е.М.Примакова¹²⁵, Э.А.Позднякова¹²⁶, М.А.Хрусталева¹²⁷ и других исследователей.

Д.Истон характеризует систему как «совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов», причем свойства системы не сводятся к сумме свойств элементов, а ее ключевая характеристика – неорганизованность. Выделяются три основных компонента системы – синергия, нелинейность и рефлексивность.

Синергия предполагает образование новых свойств системы при взаимодействии акторов. Например, в сфере международных отношений это т.н. «дилемма безопасности»: государства наращивают военный потенциал в

¹¹⁸ Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. – New York: Alfred A. Knopf, 2011. – 330 p.

¹¹⁹ Apter D. Comparative Politics, Old and New // The Handbook of Political Science. – 1996. – 372 p.

¹²⁰ Almond G., Powell G. Bingham Comparative Political Systems // The Journal of Politics. – 1956. – Vol. 18. – No.3. – pp. 391-409.

¹²¹ Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Шаклеина Т.А (сост.), Торкунов А.В. (ред.колл.). Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т.1. Исследования. – М.: РОССПЭН, 2002.

¹²² Воскресенский А. Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 2000.

¹²³ Гантман В.И. Система, структура и процесс развития современных международных отношений // ИМЭМО академия наук СССР, 1984.

¹²⁴ Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход // М.: Издательство «Экономика», 1999.

¹²⁵ Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Шаклеина Т.А (сост.), Торкунов А.В. (ред.колл.). Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т.1. Исследования. – М.: РОССПЭН, 2002.

¹²⁶ Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения // Томашевский Д.Г. (отв.ред.) - М.: Наука, 1976.

¹²⁷ Хрусталева М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа / М.А. Хрусталева // Космополис : Альманах. – 1999. – С. 48-51.

целях обеспечения собственной безопасности, тем самым вызывая аналогичную реакцию других стран, что в свою очередь приводит к росту напряженности и «гонке вооружений»¹²⁸.

Нелинейность определяется как сложность системы, а также ее предрасположенность к дисбалансу.

Под «рефлексивностью» подразумевается взаимная связь акторов, когда не и субъект, и объект политики оказывают влияние друг на друга.

Таким образом, стратегия их поведения (под которой здесь понимается способ совмещения имеющихся целей и доступных ресурсов) должна быть одновременно гибкой и эффективной. Таким образом, чем успешнее государство может аккумулировать и использовать собственные ресурсы, тем большее преимущество она получит перед остальными.

Свое видение стратегии предлагает и отечественный исследователь И.А.Истомин, рассматривая ее как «вариант поведения, направленный на достижение предпочтительного результата в том виде, как его понимает субъект действия с учетом имеющихся у него возможностей и представлений о логике функционирования международной системы, а также установленных правил игры»¹²⁹.

По мнению Л.Фридмана, в стратегическом поведении участников МО всегда можно выделить следующие элементы: введение противника в заблуждение, создание объединений и использование силы¹³⁰. Тем не менее, стратегическим поведением может считаться только в том случае, если у актора имеется выбор. В случае отсутствия каких-либо альтернатив единственно возможному варианту, поведение может быть либо «аффективным» (действия совершаются под воздействием эмоций) либо «традиционным» (использование применявшихся ранее схем поведения)¹³¹.

¹²⁸Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics // New York, 2008 – 384 p.

¹²⁹Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике / И.А.Истомин. М.: Аспект пресс, 2018. — 296 с.

¹³⁰Freedman L. Strategy: a history / L.Freedman. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 768 p.

¹³¹Кун Т. Структура научных революций / Т.Кун. М., 2009. — 310 с.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что ключевым вызовом для современных международных отношений стала необходимость поиска новых механизмов структурирования и форматирования происходящих в ней процессов. В этой связи участники Восточноазиатской подсистемы МО предпринимают усилия для выработки соответствующего инструментария, а также использования существующих в системе «кризисных элементов» в максимально выгодном для себя ключе.

1.2. Причины роста интереса мировых и региональных держав к региону Восточной Азии и их роль в форматировании регионального порядка

Вопросы структурирования регионального пространства тесно связаны с международной дискуссией о характере и направленности мирового и регионального лидерства. Очевидно, что в результате неспособности Соединенных Штатов Америки – на текущий момент единственной мировой сверхдержавы – с начала XXI в. эффективно реагировать на стремительно множасьщиеся глобальные вызовы и угрозы, на глобальном уровне заметно усилилась роль великих и региональных держав, а также возросло значение региональных подсистем международных отношений.

Процессы структурирования макрорегионального пространства региона Восточной Азии подчиняются тем же принципам. Несмотря на сильные традиции иерархической системы во главе с гегемоном (древний китаецентричный мировой порядок¹³², японская концепция «Великой Восточноазиатской сферы процветания»¹³³ в период Второй мировой войны) и фактический распад Восточной Азии на Северо-Восточную и Юго-

¹³² Корсун В.А. Китайский «мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы / В.А.Корсун // Китай в мировой политике / ред кол.: А.В.Торкунов (отв.ред.), А.Ю.Мельвиль, М.М.Наринский ; отв. ред.-сост. А.Д.Воскресенский; МГИМО(У) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2001. – С.172-199.

¹³³ Корсун В.А. Восточноазиатская «сфера процветания»: культурно-исторические «корни» китайской альтернативы / В.А.Корсун // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / общ. ред., рук. и предисл. А.В.Торкунова, науч. ред.-сост. А.Д.Воскресенский; МГИМО(У) МИД России. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – С.268-294.

Восточную в период биполярной конфронтации¹³⁴, Восточноазиатская региональная подсистема международных отношений в ее современном виде развивается в ключе современного полицентричного мироустройства¹³⁵. Показательно, что США, хотя и играют в Восточной Азии роль державы-доминанта, при этом не являются региональным лидером, во многом ввиду того, что большинство расположенных в АТР государств не заинтересованы в преобладающем влиянии Вашингтона и в основном рассматривают его присутствие в Восточной Азии как вынужденную меру для сохранения баланса сил в регионе. С другой стороны, это соответствует целям и интересам и самих США: возрождение американского мирового лидерства и возвращение былой военно-политической и экономической гегемонии¹³⁶.

В свою очередь другие великие державы (КНР, Россия, Япония, Индия), хотя и оказывают существенное влияние на макрорегиональное взаимодействие, не имеет возможности самостоятельно устанавливать «правила игры» или диктовать другим участникам свои условия взаимодействия. Еще одним центром силы постепенно становится и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН, Ассоциация) являющаяся центральным звеном во всех региональных интеграционных процессах. В результате в Восточной Азии сложилась сложная система взаимных «сдержек и противовесов», основанная на балансе экономических возможностей и политического авторитета участвующих в ней стран или объединений государств.

Поступательное экономическое и военно-политическое усиление Китая, а также рост его влияния на ряд государств АТР¹³⁷ при некотором ослаблении

¹³⁴ Buzan B. *Regions and Powers: The Structure of International Security* / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.

¹³⁵ Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. - М.: Весь мир, 2011. - 579 с.

¹³⁶ Воскресенский А.Д. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности / А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова, А.А.Киреева // Сравнительная политика. — 2017. — №2. — С. 37-57.

¹³⁷ Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. - №3. – С.128-145.

позиции Японии, пока еще недостаточно существенном влиянии Индии в регионе и смене приоритетов США при администрации Д.Трампа (курс «Америка превыше всего»¹³⁸) дает основания предположить, что Пекин может попытаться использовать появляющиеся у него возможности влиять на условия формирования региональных порядков и изменение расстановки сил в регионе с целью реструктурирования Восточной Азии «вокруг» себя. Вполне реальной выглядит возможность использования в этих целях существующих в регионе элементов нестабильности, прежде всего, конфликта в ЮКМ, трансформировавшегося в площадку для геополитического противостояния великих держав.

По определению А.Д.Богатурова, лидерство определяется «способностью страны или нескольких стран влиять на формирование международного порядка или его отдельных фрагментов»¹³⁹. Лидерские позиции могут достигаться как «традиционным» методом, проецируя собственное влияние на других благодаря доминированию в военно-политической и торгово-экономических сферах, так и «неклассическим» путем за счет компенсации недостаточной военной силы другим способом, как правило, мощным экономическим и научно-техническим развитием (яркий пример – Япония). Для лидерства в мировой политике, с точки зрения А.Д.Богатурова, государству необходимо выполнение следующих условий: военная мощь, научно-технический потенциал, производственно-экономический потенциал, организационный ресурс, совокупный креативный и инновационный ресурс¹⁴⁰.

В то же время, на наш взгляд, данные критерии не в полной мере отражают ситуацию, сложившуюся в мире в целом и в Восточной Азии в

¹³⁸ President Donald J. Trump's Foreign Policy Puts America First [Electronic resource] / the White House. – 2018. – January 30. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-foreign-policy-puts-america-first/> (last visited: 11.09.2018).

¹³⁹ Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. № 3. С. 11-14.

¹⁴⁰ Богатуров А.Д. Очерки теории политического анализа международных отношений / А.Д.Богатуров, Н.А.Косолапов, М.А.Хрусталева. – М.: Мысль, 2002. – 380 с.

частности – по сути, исходя из такого понимания мирового лидера, ими являются практически все мировые великие державы (Россия и Индия – с некоторыми оговорками).

В этой связи несколько более точным представляется подход А.Д.Воскресенского, конкретизировавшего факторы, необходимые для превращения в мирового лидера (в терминологии А.Д.Воскресенского – государства-доминанта):

- иметь эффективный экономический механизм, основанный на производстве инновационного типа, главенствовать в мировой торговле и контролировать большую часть крупных транснациональных корпораций, доминировать в мировой валютной системе;
- иметь силовые возможности глобального масштаба, мощные военные союзы и осуществлять эффективную военную политику;
- создать привлекательное с точки зрения культуры общество, основанное на открытом, компетентном лидерстве и значительной общественной жертвенности;
- иметь привлекательную идеологию, восприниматься как центр мирового образования и науки и иметь энергичное (пассионарное) население¹⁴¹.

Таблица 1. Соответствие великих держав критериям мирового лидера

Критерий/Государство	США	КНР	Индия	Япония	Россия
Эффективный экономический механизм	+	+	+/-	+	-/+
Главенство в мировой торговле	+	+	-/+	+/-	-/+
Доминирование в мировой валютной системе	+	-/+	-	+/-	-
Силовые возможности глобального масштаба	+	-/+	-	-	+

¹⁴¹ Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность / А.Д.Воскресенский. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 128 с.

Привлекательное с точки зрения культуры общество	+	+/-	-/+	+	-
Привлекательная идеология	+	+/-	+	-	-
Центр мирового образования	+	+/-	+/-	+/-	+/-
Пассионарность населения	+/-	+	+	+	+/-

Исходя из представленных в Таблице 1 результатов сравнительного анализа великих держав на предмет их соответствия критериям «державы-доминанта», можно сделать вывод, что ни одна из них к настоящему времени пока не смогла достичь уровня США – единственной мировой сверхдержавы. Ряд исследователей связывает это с тем, что страны Востока так и не сумели сформировать альтернативный западному путь развития, а их стратегия является скорее приспособлением своих культурно-цивилизационных особенностей к реалиям уже сформированной мировой структуры отношений.

Наиболее близко к этим показателям США смог подняться лишь Китай, взявший на себя роль «регионального доминанта» Восточной Азии, а в перспективе – макрорегиона БВА. При этом он действовал весьма продумано и осторожно, не вызывая противодействия со стороны других государств. Тем не менее, судя по последним тенденциям в американо-китайских отношениях (споры о «свободе навигации» в ЮКМ, конкуренция за влияние в странах Юго-Восточной Азии, т.н. «торговая война», обвинения в распространении «коронавирусной чумы» и т.д.), Пекин, вероятнее всего, будет выступать в роли «антилидера», что, безусловно, увеличивает конфликтный потенциал в регионе.

С учетом высокой роли великих держав в регионе, взаимодействующих между собой в основном в рамках парадигмы неореализма, наиболее подходящей для исследования происходящих там процессов представляется концепция многофакторного равновесия, согласно которой международная

система состоит из независимых политических единиц, а именно национальных государств (наций-государств) и находится в неупорядоченном равновесии - но только в том смысле, что над ней нет контролирующего политического органа (мирового правительства, либо государства-доминанта, выступающего в роли мирового правительства), который мог бы обеспечить установление универсального порядка и обладал бы верховной политической властью и полномочиями. Соответственно, государства, как правило, поддерживают равновесие между собой¹⁴².

Как справедливо отмечают А.В.Гукасов и Г.В.Косов, само по себе увеличение числа государств, оказывающих воздействие на региональные политические процессы, не несет в себе какого-то деструктивного потенциала, однако их неспособность согласовать собственные интересы может привести к нарушению «баланса сил» и региональной стабильности¹⁴³.

В то же время отношения восточноазиатских государств в рамках американской системы военных союзов в Восточной Азии удобнее рассматривать в рамках концепции плюралистической многополярности, предполагающей существование системы, при которой существует одно государство-лидер, превосходящее любого другого члена международного сообщества по совокупности своих возможностей, но действующее в тесной координации со своими союзниками. Последние признают преимущества лидера, но имеют возможность различными способами влиять на его решения¹⁴⁴.

¹⁴² Воскресенский А.Д. Китай во внешнеполитической стратегии России / А.Д.Воскресенский // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия. Том третий. – М.: МГИМО, 2002. – С.267-279.

¹⁴³ Гукасов А.В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) / А.В.Гукасов, Г.В.Косов [Электронный ресурс] // Вопросы элитологии. – 2020. – №4 – Режим доступа: <https://elitology-journal.com/index.php/ieo/article/view/38/33> (дата обращения: 21.01.2022).

¹⁴⁴ История международных отношений. 1945-2008: Учеб.пособие для студентов вузов / А.Д.Богатуров, В.В.Аверков. - М.: Аспект Пресс. – 2012. – 520 с.

1.3. Теоретические дискуссии вокруг ситуации в ЮКМ

Очевидно, что в современной политической науке к ситуации в Южно-Китайском море не сложилось единого подхода (как, впрочем, и в отношении других значимых глобальных и региональных проблем). В попытках концептуально обосновать политику и логику поведения заинтересованных игроков, а также спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации в регионе, занимающиеся данной проблематикой эксперты условно «разделились» на три основных лагеря.

Приверженцы парадигмы реализма (а ее сторонников среди исследователей проблематики ЮКМ большинство) считают, что создать устойчивый механизм обеспечения безопасности и порядка в акватории ЮКМ можно лишь путем поддержания оптимального баланса сил в регионе. Государствам, обладающим недостаточным военно-политическим потенциалом, следует формировать альянсы для коллективной защиты от общих врагов.

«Естественным стремлением» национальных государств к максимизации собственной выгоды и их нежеланием оказаться под иностранным влиянием (в т.ч. каких-либо международных, интеграционных или наднациональных структур) объясняется фактический провал практически всех международных усилий по разрешению конфликта в ЮКМ политико-дипломатическими методами. Сильно сомневаются реалисты и в успехе переговоров по юридически обязывающему кодексу поведения в ЮКМ (если, конечно, он не будет написан и принят «под диктовку» Пекина)¹⁴⁵.

В этом контексте важно отметить, что в Азиатско-Тихоокеанском регионе наибольшее влияние идеи реализма исторически оказывают на внешнюю политику Китая. Так, в начале 1990-х гг. КНР не проявляла существенного интереса к региональным многосторонним механизмам (АРФ,

¹⁴⁵ Storey I. Chinese Premier Li Calls for South China Sea Code of Conduct by 2021 [Electronic resource] / Ian Storey // ISEAS. – 2018. – November 15. – Mode of access: <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/chinese-premier-li-calls-for-south-china-sea-code-of-conduct-by-2021-by-ian-storey/> (last accessed: 14.10.2020).

СМОА+, диалоговое партнерство АСЕАН и др.), делая ставку на двусторонний трек, однако спустя десятилетие стала играть в них одну из ведущих ролей, очевидно, осознав потенциал этих площадок для продвижения собственных позиций, в т.ч. по ЮКМ¹⁴⁶.

Ряд исследователей-реалистов (например, А.Голдштейн¹⁴⁷) в своих рассуждениях идут дальше, полагая, что резкий рост интереса Китая к региональным многосторонним структурам был связан как раз с концептуальным переосмыслением им собственной внешнеполитической стратегии: по мере нарастания экономической и военно-политической мощи Пекин стал воспринимать себя как игрока, который имеет реальную возможность (в т.ч. задействуя многосторонние механизмы) форматировать «под себя» если не всю систему международных отношений в глобальном масштабе, то хотя бы ее восточноазиатскую часть.

В свою очередь, сторонники либеральной теории полагают, что достижение прочного мира в регионе возможно только на основе прочной системы международного права. Преодоление конфликта, с этой точки зрения, возможно исключительно переговорным путем параллельно с углублением региональной торговли и взаимозависимости, вплоть до создания федеративных государственных образований. В стремлении Китая к более активному участию в региональных многосторонних институтах либералы видят не его желание «поставить их себе на службу», а чисто прагматичный экономический интерес в русле «политики реформ и открытости» Дэн Сяопина¹⁴⁸.

С ними отчасти соглашаются и конструктивисты, которые исходят из предпосылки о том, что все конфликты, подобные территориальным спорам в ЮКМ, по своей сути являются социальным конструктом, созданным

¹⁴⁶ Swaine M.D., Tellis A.J. Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present, and Future / M.D. Swaine, A.J. Tellis. - Santa Monica, CA: Rand. - 2000. - 201 p.

¹⁴⁷ Goldstein A. Structural Realism and China's Foreign Policy: Much (But Never All) of the Story in Perspectives on Structural Realism / A. Goldstein. - New York: Palgrave Macmillan. - 2003. - 142 p.

¹⁴⁸ Shee Poon Kim. The South China Sea in China's Strategic Thinking / Shee Poon Kim // Contemporary Southeast Asia. - 1998. - №19/4. - P.369-387.

искусственно и, соответственно, разрешимым путем переговоров и компромиссов. В качестве примера такого урегулирования обычно приводится т.н. «путь АСЕАН», основанный на диалоге и мирных методах (при этом практика показала весьма малую эффективность этого способа).

Один из наиболее известных конструктивистов-исследователей ЮКМ М.Стюарт-Фокс, сделав ставку на изучение исторической подоплеки многовекового взаимодействия государственных образований, омываемых Южно-Китайским морем, пришел к выводу, что основной проблемой, препятствующей разрешению конфликта, является менталитет национальных (особенно китайских) элит, на подсознательном уровне стремящихся к восстановлению традиционного для данного региона вассально-даннического миропорядка, где Китай – великое «Срединное государство», а все остальные – зависимые от него «варвары»¹⁴⁹. Таким образом, исходя из такой логики, конструктивисты предполагают, что Пекин, несмотря на свои заявления и действия, фактически так и не приступал по существу к поиску выхода из проблемы терспоров в ЮКМ, дожидаясь выстраивания выгодной ему внешнеполитической конъюнктуры.

¹⁴⁹Stuart-Fox M. Southeast Asia and China: The Role of History and Culture in Shaping Future Relations / Martin Stuart-Fox // Contemporary Southeast Asia. – 2004. – №26/1. – P. 116-139.

Глава 2. Конфликт в Южно-Китайском море в контексте глобальных политических процессов: нормативно-правовой, историко-политический и геоэкономический аспекты

2.1. Нормативно-правовой аспект

Рассматривая территориальные споры в Южно-Китайском море с точки зрения международного права, необходимо, прежде всего, определить нормативно-правовую базу, требующуюся для осуществления суверенитета над соответствующими территориальными образованиями и прилегающей акваторией.

В отношении территориальных объектов ЮКМ (островов, рифов, атоллов, отмелей и т.д.) речь идет преимущественно о нормах международного права, касающихся установления суверенитета над т.н. *terra nullius* (с латыни – «ничья земля»), согласно которым государство может установить контроль над заброшенными и необитаемыми территориями только путем осуществления т.н. «эффективной оккупации»¹⁵⁰. Под этим термином понимается завладение, освоение и организация управления территории от имени завладевшего ею государства. Свидетельством «эффективности» может быть создание постоянных поселений, возведение жилых и хозяйственных построек и организация местного самоуправления. Важно подчеркнуть, что просто обозначить свое присутствие недостаточно – в случае, если условия «эффективной оккупации» не будут выполняться, она признается «фиктивной», а государство теряет правооснование на владение территорией¹⁵¹.

С этой точки зрения современная ситуация в Южно-Китайском море не вызывает отторжения, по крайней мере в отношении островов Спратли. Как отмечает Е.Д.Степанов, как минимум до середины XX в. ни один из объектов

¹⁵⁰Оппенгейм Л. Международное право. Том I: Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм; Перевод с 6-го английского издания А.Н. Ивенского, И.Я. Левина и И.А. Моро под редакцией и с предисловием проф. С.Б. Крылова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 547 с.

¹⁵¹Границы Китая: история формирования / Под общ.ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 470 с.

ныне оспариваемых архипелагов в ЮКМ не имел постоянного населения, а единственные следы какого-либо их хозяйственного освоения были оставлены только японскими солдатами в период Второй мировой войны¹⁵². Таким образом, после того как Япония согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 г.¹⁵³ отказалась от своих претензий на эти объекты, все они вновь получили статус *terra nullius*, а впоследствии были эффективно оккупированы различными государствами и законно с точки зрения международного права попали под их суверенитет.

Что касается Парасельских островов, то ситуация здесь не столь однозначна. С одной стороны, в их отношении Вьетнамом не была проведена «эффективная оккупация», хотя они и находились изначально под его фактическим контролем. С другой – острова были впоследствии заняты КНР при помощи военной силы, что напрямую противоречит Уставу ООН (ст.2)¹⁵⁴ и вызывает вопросы и о законности суверенитета Пекина.

В части, касающейся самой акватории ЮКМ, положение дел обстоит гораздо сложнее. Ее статус регулируется следующими основополагающими документами: Конвенцией о территориальном море и прибрежной зоне¹⁵⁵, Конвенцией об открытом море¹⁵⁶, Конвенцией о рыболовстве и сохранении живых ресурсов в открытом море¹⁵⁷ и Конвенцией о континентальном шельфе¹⁵⁸, а также Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.¹⁵⁹

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Сан-Францисский мирный договор [Электронный ресурс] // История войны на Тихом океане. – Режим доступа: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (дата обращения: 09.09.2018).

¹⁵⁴ Устав ООН [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 09.09.2018).

¹⁵⁵ Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone [Electronic resource] // United nations. – Mode of access: https://www.gc.noaa.gov/documents/8_1_1958_territorial_sea.pdf (last visited: 09.09.2018).

¹⁵⁶ Convention on the High Seas [Electronic resource] // United nations. – Mode of access: https://www.gc.noaa.gov/documents/8_1_1958_high_seas.pdf (last visited: 09.09.2018).

¹⁵⁷ The Convention on Fishing and Conservation of Living Resources of the High Seas [Electronic resource] // United nations. – Mode of access: https://www.gc.noaa.gov/documents/8_1_1958_fishing.pdf (last visited: 09.09.2018).

¹⁵⁸ Convention on the Continental Shelf [Electronic resource] // Sedac. – Mode of access: <http://sedac.ciesin.columbia.edu/entri/texts/continental.shelf.1958.html> (last visited: 09.09.2018).

¹⁵⁹ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

Согласно упомянутым документам, прилегающие к берегу морские пространства делятся следующим образом: в пределах 12 морских миль – территориальные воды (это водное пространство, его дно и недра, а также расположенное над ним воздушное пространство) находятся под полным суверенитетом прибрежного государства; следующие 12 морских миль от территориальных вод – прилежащая зона (там прибрежное государство обладает правом осуществлять контроль в целях предотвращения нарушений таможенных, фискальных, иммиграционных или санитарных норм в пределах его территории или территориального моря или применять наказания за такие нарушения); до 200 морских миль от берега – исключительная экономическая зона (ИЭЗ, в ней прибрежное государство имеет исключительное право, причем это право сохраняется вне зависимости пользуется это государство им или нет, на разведку, разработку, управление и сохранение природных ресурсов, как живых, так и неживых, а также осуществление других видов деятельности по использованию зоны в экономических целях).

Прибрежное государство также осуществляет юрисдикцию в отношении создания и использования искусственных островов, установок и сооружений, морских научных исследований и защиты морской среды). Важно подчеркнуть, что в пределах ИЭЗ остальные государства пользуются свободами судоходства и полетов, прокладки подводных кабелей и трубопроводов и другими правомерными с точки зрения международного права видами использования моря ¹⁶⁰. Порядок разведки и разработки природных ресурсов, а также ведения научно-исследовательской деятельности в рамках ИЭЗ регламентируется, как правило, национальным законодательством прибрежного государства. Если ИЭЗ двух стран накладываются друг на друга, решение о разграничении их границ должно приниматься в результате двусторонних переговоров.

¹⁶⁰ Там же.

Остальная часть моря относится к международным водам, определяемым Конвенцией как «общее наследие человечества»¹⁶¹. Открытое водное пространство относится к океаническим и морским территориям вне национальных юрисдикций. Все страны, включая те, которые не имеют собственного выхода к морю, имеют право навигации в открытых водах.

В то же время прибрежное государство, согласно ст.76 Конвенции ООН по морскому праву, имеет возможность расширить режим ИЭЗ за пределы 200-мильного морского пояса (но не более 350 морских миль от исходных линий¹⁶² или не более 100 миль от отметки глубин в 2500 м) при наличии убедительных и подтвержденных объективными научными, геологическими и океанографическими исследованиями доказательств того, что подводная окраина материка, на котором расположена его сухопутная территория (континентальный шельф), простирается за пределы 200 миль от побережья.

Претензия на континентальный шельф за пределами 200-мильного морского пояса оформляется в виде заявки государства и передается Генеральному секретарю ООН для рассмотрения ее в Международной Комиссии по внешней границе континентального шельфа при ООН. Осуществлять контроль над морским дном и его недрами прибрежное государство может только в случае удовлетворения такой заявки.

Пункт 2 ст.121 Конвенции устанавливает, что острова (под которыми понимаются естественно образованное пространство суши, окруженное водой, которое находится выше уровня воды при приливе) также располагают своим территориальным морем, исключительной экономической зоной и шельфом¹⁶³.

В то же время согласно действующим нормам международного права, конкурирующие претензии, заявленные на острова, атоллы и морское дно, не могут влиять на проход коммерческих судов через их акваторию, а на суда,

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством морских картах.

¹⁶³ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

следующие транзитом через территориальные воды, распространяется режим мирного прохода, который не может быть ограничен при отсутствии веских оснований.

Несмотря на то, что в Конвенции прямо зафиксировано обратное (конвенционные формулировки были впоследствии подтверждены Третьей палатой Гаагского арбитражного суда), Китай, в свою очередь исходит из того, что контролируемые им коралловые рифы, отмели, скалы и иные объекты в ЮКМ, не имеющие статуса острова, также имеют режим ИЭЗ вокруг себя. Более того, в Пекине полагают, что некоторые из них расположены на континентальном шельфе со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями¹⁶⁴. Таким образом, Китай фактически заявил о намерении превратить Южно-Китайское море в собственные территориальные воды (другими словами, поставить его под свой суверенитет), что, безусловно, коренным образом нарушает не только баланс сил в регионе, но и всю структуру макрорегионального пространства.

В этой связи принципиальное значение имеет решение Третьей палаты Гаагского арбитражного суда по иску Филиппин против КНР от 12 июля 2016 г. Арбитраж постановил, что все находящиеся выше уровня воды при приливе и не являющиеся островами объекты в акватории ЮКМ могут быть классифицированы как «скалы» с возможностью лишь установления режима территориального моря вокруг них. Ссылаясь на ту же статью 121 Конвенции, суд обратил внимание на существенное правовое отличие островов и других морских объектов (скалы, рифы, отмели и т.д.) в части, касающейся возможности образования морских зон вокруг них: «прилежащая зона, исключительная экономическая зона и континентальный шельф острова определяются в соответствии с положениями, применимыми к другим сухопутным территориям, а образования, которые не пригодны для

¹⁶⁴季国兴. 中国的海洋安全和海域管辖 (Цзи Госин. Морская безопасность и управление акваториями Китая) /Цзи Госин. – Шанхай: Шанхай жэньмин чубаньшэ, 2009. – 356 с.

поддержания жизни человека или для самостоятельной хозяйственной деятельности, не имеют ни исключительной экономической зоны, ни континентального шельфа»¹⁶⁵.

Большинство спорных объектов в ЮКМ, согласно упомянутому выше решению, островами по своей сути не являются, в связи с чем не могут формировать вокруг себя расширенные морские зоны. В частности, в архипелаге Спратли островами, с точки зрения статьи 121 Конвенции, являются около 40 из более 140 входящих в него объектов, 60 из которых являются предметом территориальных споров¹⁶⁶. Суверенитет над остальными образованиями, выступающими над поверхностью воды только при отливе, позволяет в лучшем случае претендовать на установление лишь небольшой зоны безопасности вокруг них¹⁶⁷.

Кроме того, Арбитраж пришел к выводу, что аргументы КНР об «историческом владении» спорными островами не могут быть приняты во внимание (хотя такого рода претензии и не противоречат нормам и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.)¹⁶⁸ в связи с тем, что статус «исторических» вод (в статье 10 Конвенции 1982 г. действительно содержится ссылка на «исторические заливы»¹⁶⁹) применяется, как правило, к заливам и другим морским акваториям, прилегающим к берегу, а не островам, особенно столь небольшого размера. В решении также отдельно подчеркивается, что статус «образований» в ЮКМ определяется исключительно по их изначальному состоянию, без учета инженерных

¹⁶⁵ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

¹⁶⁶ The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. – New York: Routledge, 2015. – 221 p.

¹⁶⁷ Нгуен Динь Лиен. Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря / Нгуен Динь Лиен // Проблемы Дальнего Востока. - №6. - 2016. - С. 68-79.

¹⁶⁸ The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) [Electronic resource] // PCA. 2016. – July 12. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801> (last visited: 01.02.2018).

¹⁶⁹ Panda A. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea States [Electronic resource] / Ankit Panda // The Diplomat. –2017. –March 27. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/> (last visited: 05.07.2018).

модификаций и насыпных работ. Таким образом, расширение территории такого «образования» за счет «отвоеванной» у моря земли не может считаться основанием для изменения его правового статуса. Судом также была обозначена необходимость для участников разбирательства определить границы своих ИЭЗ в ходе переговоров.

Китай, в свою очередь, отказался участвовать в инициированном Филиппинами судебном разбирательстве в Третьей палате Гаагского арбитражного суда (что предусмотрено разделом 2 части XV Конвенции¹⁷⁰), сославшись на оговорки о непризнании конвенционных процедур разрешения споров, сделанные им при ее ратификации в 2006 г. Более того, Пекин не признал резолюцию арбитража в принципе, объяснив это тем, что вопросы территориального суверенитета не попадают под юрисдикцию данного судебного органа¹⁷¹.

В этом вопросе Пекин последователен: еще в 2006 г. китайская сторона официально уведомила Генерального секретаря ООН о том, что не примет решения ни одного международного суда по спорам, касающимся морской делимитации, территориального разграничения или военной активности¹⁷². Фактически это означает отсутствие возможности правового урегулирования конфликтов и на других площадках, в т.ч. в Международном суде ООН, в практике которого есть успешные случаи разрешения территориальных претензий, в т.ч. между странами региона (например, Сингапуром, Индонезией и Малайзией).

Другой пример – односторонний вывод Китаем в 2016 г. Парасельского архипелага из-под действия Декларации о поведении сторон в ЮКМ, мотивированный тем, что она не распространяется на острова, являющиеся

¹⁷⁰ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

¹⁷¹ Спецпроект о споре в Южно-Китайском море 3: Подход Китая к решению проблемы [Электронный ресурс] // CCTV. – 2016. – 27 мая. – Режим доступа: <http://russian.cctv.com/2016/05/27/VIDEKjmgMnCAeXCcuhadYfjs160527.shtml> (дата обращения: 17.10.2017).

¹⁷² Scott D. Conflict Irresolution in the South China Sea [Electronic resource] / David Scott // WordPress. – 2017. – Mode of access: <https://dscottcom.files.wordpress.com/2017/03/scs-irresolution.pdf> (last visited: 17.02.2018).

частью китайской территории. Одновременно МИД КНР подчеркнул, что насчет их международно-правового статуса «отсутствуют какие-либо разногласия»¹⁷³, чем вызвал протест со стороны Ханоя – главного соперника Пекина в ЮКМ.

Теоретическая возможность урегулирования конфликта путем вынесения резолюции Советом Безопасности ООН также представляется маловероятной с учетом права Китая как одного из его постоянных членов блокировать любое не устраивающее его решение (не удивительно, что Совбез ООН за всю историю ни разу не принимал никаких решений на этот счет). Отсутствие прогресса в решении территориальных споров в ЮКМ на ооновской площадке признают даже аффилированные с этой международной организацией эксперты, отмечая, что с 1990 г. на этом направлении «мало что было сделано»¹⁷⁴.

Кроме того, даже соглашаясь с тем, что ситуация, сложившаяся в акватории Южно-Китайского моря, может быть решена исключительно на основе международного права, прежде всего, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., Декларации о поведении сторон в ЮКМ 2002 г. и Руководящих принципов ее реализации, принятых в 2011 г. (а в дальнейшем – юридически обязывающего кодекса), участники территориальных споров, тем не менее, стремятся трактовать положения общепризнанных документов максимально в соответствии со своими национальными интересами.

Таким образом, ситуация в Южно-Китайском море создает весьма опасный для существующей системы международных отношений феномен: влиятельные страны де факто получили возможность как минимум в локальном масштабе «обходить» общепризнанные и закреплённые в

¹⁷³ 2016年2月18日外交部发言人洪磊主持例行记者会(18 февраля 2016 г. официальный представитель МИД КНР провел очередную пресс-конференцию) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД КНР. – 2016. – 18 февраля. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/t1341558.shtml (дата обращения: 04.03.2018).

¹⁷⁴ Birdwell I. Expansionism, Projecting Power, and Territorial Disputes: The South China Sea / Birdwell I., Taherian S. [Electronic resource] // Old Dominion University ODU UN Day 2020 Issue Brief. - Mode of access: <https://www.odu.edu/content/dam/odu/offices/mun/docs/un-day-sc-south-china-sea.pdf> (last visited: 23.07.2021)

основополагающих международных документах правила и действовать по своему усмотрению без каких-либо существенных для себя последствий.

Отдельный предмет продолжающейся в этой связи дискуссии – роль и значение исторической составляющей территориальных споров, а также обоснованность доказательств «исконного» суверенитета Китая над архипелагом Спратли и Парасельскими островами.

Согласно статье 15 Конвенции ООН по морскому праву, «если берега двух государств расположены один против другого или примыкают друг к другу, ни то, ни другое государство не имеет права, если только между ними не заключено соглашение об ином, распространять свое территориальное море за срединную линию, проведенную таким образом, что каждая ее точка является равноотстоящей от ближайших точек исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря каждого из этих двух государств¹⁷⁵». Таким образом, исходя как минимум из этой предпосылки, фактически «замыкающие» остальных участников территориальных споров в своих территориальных водах обширные притязания КНР с точки зрения морского права удовлетворены быть не могут. Вместе с тем в той же статье есть оговорка о том, что данное положение не применяется, если «в силу исторически сложившихся правовых оснований или иных особых обстоятельств необходимо разграничить территориальные моря двух государств иным образом, чем это указано в настоящем положении»¹⁷⁶, дающая возможность ссылаться на исторические свидетельства и древние документы в качестве доказательства наличия таких оснований.

Тем не менее, как отмечают ведущие юристы-международники, попытки «подмены» общепризнанных положений международного права понятиями «исторического владения» или «исторической справедливости»

¹⁷⁵ Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).

¹⁷⁶ Там же.

недопустимы в рамках современной международно-правовой системы¹⁷⁷. Их успех может иметь самые серьезные последствия и для нашей страны: тот же Китай может легко вспомнить о существующей там точке зрения о том, что приход российских первопроходцев в Приамурье и Приморье якобы являлся оккупацией китайской территории¹⁷⁸, а Япония использовать «исторические аргументы» в вопросе Курильской гряды.

Несмотря на провал попытки решения спорных вопросов на основе конвенционных правовых механизмов, важным шагом на пути к урегулированию конфликта в Южно-Китайском море стало подписание Китаем и АСЕАН Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море (2002 г.) и начало переговоров о юридически обязывающем кодексе.

Нельзя не отметить существенные успехи, достигнутые сторонами на этом направлении, во многом благодаря «доброй воле» и компромиссам с китайской стороны. Так, по итогам многосторонних встреч на Филиппинах в августе 2017 г.¹⁷⁹ удалось добиться принятия рамочных принципов кодекса, а на саммите лидеров Китай-АСЕАН в Маниле в ноябре того же года – договориться о дате начала официальных переговоров¹⁸⁰.

Упомянутые переговоры прошли 1-2 мая 2018 г. в г.Нячанг (Вьетнам)¹⁸¹ в рамках 23-го заседания совместной рабочей группы Китай-АСЕАН по имплементации Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море. Участниками встречи выражено намерение решать территориальные споры и вопросы юрисдикции мирными методами, без использования силы или угрозы

¹⁷⁷ Энтин М. Против возвращения в юридическое Средневековье / М.Энтин, Е.Энтина [Электронный ресурс] // Вся Европа. – 2018. – Режим доступа: <http://alleuropalux.org/?p=15794> (дата обращения: 09.09.2018).

¹⁷⁸ Корсун В.А. Эволюция подходов китайского руководства к проблемам современных границ КНР / В.А.Корсун // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №21. – С.65-76.

¹⁷⁹ Chairman's Statement of the ASEAN Post-Ministerial Conference (PMC) Sessions with the Dialogue Partners [Electronic resource] // ASEAN. – 2017. – Mode of access: <http://asean.org/storage/2017/08/ASEAN-PMC-Chairmans-Statement-FINAL1.pdf> (last visited: 17.02.2018).

¹⁸⁰ Chairman's Statement of the 20th ASEAN-China Summit [Electronic resource] // ASEAN. – 2017. – Mode of access: <http://asean.org/storage/2017/11/FINAL-Chairmans-Statement-of-the-20th-ASEAN-China-Summit-13-Nov-2017-Manila1.pdf> (last visited: 17.02.2018).

¹⁸¹ China, ASEAN to hold joint meeting on DOC implementation in Vietnam [Electronic resource] // Xinhua. – 2018. – 28 February. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2018-02/28/c_137006272.htm (last visited: 11.03.2018).

силой, путем дружественных консультаций и переговоров непосредственно вовлеченных государств в соответствии с принципами международного права, включая Устав ООН и Конвенцию ООН по морскому праву. Стороны согласились проявлять сдержанность в акватории ЮКМ. Отдельно был подчеркнут конструктивный подход всех участников к проблеме территориальных споров.

По оптимистичным оценкам, подписание кодекса может произойти уже до конца 2021 г.¹⁸², хотя более реальной представляется оценка, данная министром обороны Сингапура (страна-председатель АСЕАН в 2018 г., координатор диалогового партнерства КНР-АСЕАН до июня 2018 г.) Нг Энг Хеном, отметившим, что процесс ввиду его комплексности может продлиться несколько лет даже при больших усилиях и наличии политической воли у всех сторон¹⁸³.

Из немногочисленных «утечек» с переговоров можно сделать вывод о том, что в текст кодекса могут быть включены пункты о запрете на экономическую деятельность в акватории ЮКМ для компаний, не зарегистрированных в омываемых им государствах, а также на проведение совместных с внерегиональными партнерами военно-морских учений без предварительного согласия остальных стран региона. Какие-либо упоминания Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., как и ссылки на «девятипунктирную линию», по данным в открытых источниках, в проекте отсутствуют.

При этом стоит заметить, что даже если кодекс и будет подписан в кратко- или среднесрочной перспективе, полноценное урегулирование территориального конфликта в ЮКМ не будет завершенным без достижения двусторонних договоренностей между всеми его участниками. Речь идет,

¹⁸² Full text of Premier Li Keqiang's speech at the 44th Singapore Lecture [Electronic resource] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. – 2018. – November 15. – Mode of access: http://english.www.gov.cn/premier/speeches/2018/11/15/content_281476391325308.htm (last visited: 26.09.2020).

¹⁸³ China, ASEAN 'affirm hope' to complete code of conduct for South China Sea disputes: Ng Eng Hen [Electronic resource] // Channel News Asia. – 2018. – February 17. - <https://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/china-asean-affirm-hope-to-complete-code-of-conduct-for-south-9968630> (last visited: 11.03.2018).

прежде всего, о выработке эффективного механизма контроля и принуждения к исполнению упомянутого документа.

В то же время потенциально перспективным вариантом сдвинуться «с мертвой точки» может также стать реализация китайской инициативы, озвученной заместителем Министра иностранных дел КНР Лю Чжэньмином в ходе Азиатского форума в г.Боао (о.Ханань, Китай, март 2017 г.), о возможности создания в ЮКМ международной морской структуры по модели организаций, существующих в Черном, Каспийском морях и Карибском бассейне ¹⁸⁴, что позволит избежать дальнейшей интернационализации конфликта и создаст международную площадку для обсуждения заинтересованными сторонами вариантов выхода из сложившейся ситуации.

2.2. Историко-политический аспект

Нормативно-правовой аспект конфликтов в ЮКМ нельзя рассматривать в отрыве от происходящих вокруг них внешне- и внутривнутриполитические процессы. Их анализ в свою очередь невозможен без учета истории развития конфликта в данной акватории.

С формальной точки зрения в основе конфликта лежат взаимные претензии и противоречия о том, какие из государств, омываемых ЮКМ, имеют законное право на суверенитет над расположенными в данной акватории многочисленными островами, атоллами, банками и рифами. Китай (как «материковый» – Китайская Народная Республика, так и Китайская Республика на Тайване) претендуют практически на все из них. В основе их аргументации – исторические свидетельства «китайского владычества» в этом регионе как минимум со второго века до нашей эры. «В бой» идут любые, даже, казалось бы, абсурдные доказательства: например, что «принадлежность» моря Китаю следует даже из его названия – Южно-Китайское (безусловно,

¹⁸⁴ Panda A. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea States [Electronic resource] / Ankit Panda // The Diplomat. – 2017. – March 27. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/> (last visited: 05.07.2018).

этот тезис не выдерживает никакой критики, так как доподлинно известно, что до появившегося сравнительно недавно нынешнего наименования, имеющего исключительно географико-описательную функцию, эта акватория сменила несколько названий: море Чампа, Малайское море (Sea of Melayu) и др.

На весь архипелаг Спратли претендуют КНР, Тайвань и Вьетнам, в то время как Малайзия, Филиппины и Бруней претендуют только на часть островов. При этом Бруней ни разу не выдвигал официальных территориальных притязаний на оспариваемый им риф Луиза, находящийся в пределах его ИЭЗ¹⁸⁵. В настоящее время КНР контролирует восемь островов, Тайвань — два, Малайзия — пять, Филиппины — девять, Вьетнам — более двадцати.

При этом важно отметить, что притязания Китая на суверенитет практически над всей акваторией ЮКМ (обоснованность этих претензий — отдельная тема) так и не смогли стать для АСЕАН объединяющим фактором по принципу «враг моего врага — мой друг», даже несмотря на изначально политическую подоплеку интеграционных процессов в регионе ЮВА и неприкрытое лоббирование Вашингтоном «антикитайского союза».

Впервые на международный уровень вопрос об островах Южно-Китайского моря был вынесен в начале 1930-х гг. после размещения на ближайших к территории Вьетнама островах Спратли гарнизонов французской колониальной администрации в Индокитае, а затем франко-вьетнамской оккупации всего Парасельского архипелага, что вызвало протесты со стороны гоминдановского Китая¹⁸⁶.

В период Второй мировой войны французы были вытеснены оттуда японскими войсками, использовавшими острова ЮКМ в качестве плацдарма для развития наступления в Юго-Восточной Азии.

¹⁸⁵ Storey I. Brunei's Contested Sea Border with China / Ian Storey // China and Its Borders: Twenty Neighbors in Asia / edited by Bruce Elleman, Stephen Kotkin and Clive Schofield. - New York: M.E. Sharpe, 2012. - P.37-46.

¹⁸⁶ Границы Китая: история формирования / Под общ.ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова. - М.: Памятники исторической мысли, 2001. - 470 с.

После капитуляции Японии китайские власти установили знаки суверенитета на обоих архипелагах и разместили гарнизоны на островах Вуди и Иту Аба, которые, тем не менее, впоследствии были выведены с началом в Китае вооруженного противостояния между Гоминьданом и КПК.

Приоритет вопроса о принадлежности островов Южно-Китайского моря на внешнеполитической повестке дня резко возрос уже после образования Китайской Народной Республики в октябре 1949 г.

В 1951 г. Премьер Госсовета Чжоу Эньлай заявил, что острова Южно-Китайского моря являются частью КНР и в этой связи должны быть возвращены Китаю¹⁸⁷. Как отмечает Е.Д.Степанов, в 1960-х гг. Пекин, следуя этим установкам, сознательно шел на обострение отношений с рядом пограничных государств, в т.ч. и в ЮКМ¹⁸⁸. Подобная позиция в отношении неразрешенных территориальных споров, порой весьма жесткая, подавалась как попытка решить «вопросы, оставленные историей» в результате «несправедливых» действий колониальных держав¹⁸⁹, что служило своеобразной ширмой для маскировки обширных территориальных притязаний Китая в проводимой им пограничной политике.

Дальнейшее развитие конфликтной ситуации в Южно-Китайском море можно условно разделить на три этапа.

Первая фаза – китайско-вьетнамское противостояние в 1970-1980 гг., в результате которого Китай в 1974 г. силой установил контроль над Парасельскими островами, а в 1988 г. – над частью архипелага Спратли, потеснив оттуда Вьетнам¹⁹⁰.

Второй этап, начавшийся в 1980-1990 гг. с некоторым ослаблением военно-политического присутствия США в АТР и одновременной активной модернизаций НОАК, важен тем, что именно в этот период конфликт начал

¹⁸⁷ Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море / Е.Д.Степанов. – М.: Международные отношения, 1980. – 160 с.

¹⁸⁸ Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949-1984 гг.) / Е.Д.Степанов. – Москва, 1986. – 348 с.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е.А.Канаев. – М.: Готика, 2007. – 324 с.

трансформироваться из де факто двустороннего в региональный. В частности, в 1995 г. Пекин занял риф Мисчиф (находится в ИЭЗ Филиппин – военно-политического союзника США), таким образом впервые «посягнув» на территорию страны-члена АСЕАН (на тот момент Вьетнам, с которым Китай уже конфликтовал в Южно-Китайском море, еще не вступил в Ассоциацию)¹⁹¹.

Тем не менее, к началу XXI века в ситуации вокруг ЮКМ наметились и позитивные тенденции. В 2000 г. Китаю и Вьетнаму удалось достичь соглашения об установлении конкретной морской границы в Тонкинском заливе, являющегося одним из немногих успешных примеров политического урегулирования конфликтной ситуации в этом регионе.

Принятая в 2002 г. в Пномпене странами-членами АСЕАН и Китаем Декларация о поведении сторон в ЮКМ была направлена на сохранение сложившегося статус-кво, поддержание мира и стабильности ради сотрудничества и развития в условиях отсутствия какого-либо юридически обязывающего документа. Согласно Декларации, «заинтересованные стороны участвуют в разрешении территориальных споров мирными средствами, не прибегая к угрозам или применению вооруженных сил, путем дружественного обмена мнениями и переговоров между непосредственно участвующими сторонами и опираясь на общепринятые нормы международного права, включая Конвенцию по морскому праву 1982 года»¹⁹². Там также утверждается свобода судоходства и воздушных сообщений в ЮКМ. Участники обязались воздерживаться от любых действий, способных осложнить или усилить споры и повлиять на мир и стабильность в регионе. Успех удалось развить в августе 2017 г., когда главами внешнеполитических ведомств КНР и стран АСЕАН в ходе встречи в Маниле были официально

¹⁹¹ Storey I. Creeping Assertiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute. / Ian Storey // Contemporary Southeast Asia. – 1999. – №1 (21). – P. 95-188.

¹⁹² Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Electronic resource] // ASEAN website. – 2012. – October 17. – Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (last visited: 17.10.2017).

приняты рамочные принципы юридически обязывающего кодекса поведения в Южно-Китайском море¹⁹³.

К концу первого десятилетия XXI века стало очевидно, что конфликт вступил в новую фазу, приобретя «заметные глобальные черты»¹⁹⁴. Во многом этому способствовали сначала политика «поворота в Азию» Б.Обамы¹⁹⁵, а затем взятый администрацией Д.Трампа курс на соперничество с КНР, прежде всего в сферах торговли и экономики¹⁹⁶.

В свою очередь на Западе в отношении политики Пекина в регионе ЮКМ за ее, бескомпромиссность, агрессивность и напористость прижилось красочное название «дипломатия боевого волка»¹⁹⁷. С учетом огромного влияния обоих государств в странах Юго-Восточной Азии итог этого геополитического противостояния в конечном счете во многом определяет и исход конфликтной ситуации в ЮКМ.

В основе позиции Пекина в отношении островов и акваторий ЮКМ лежат апелляция к так называемой «ограничительной морской линии из девяти пунктов», которую еще в 1947 г. впервые обозначило правительство Чан Кайши, и требование признать суверенитет Китая над его «историческим морем». Линия включает в себя два относительно крупных архипелага: Спратли (в неравной степени «поделен» между всеми участниками споров) и Парасельский (полностью под контролем КНР), а также остров Пратас (он же Дунша, контролируется Тайбэем), Макклесфилдскую банку (или Чжунша, под

¹⁹³ Lee Yinghui. A South China Sea Code of Conduct: Is Real Progress Possible? [Electronic resource] / Lee Yinghui // The Diplomat. – 2017. – November 18. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/11/a-south-china-sea-code-of-conduct-is-real-progress-possible/> (last visited: 12.02.2018).

¹⁹⁴ Мурашева Г.Ф. Есть ли альтернатива статус-кво в территориальном споре в Южно-Китайском море? / Г.Ф.Мурашева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – №20. – С.5-16.

¹⁹⁵ Green M.J. The Legacy of Obama's "Pivot" to Asia [Electronic resource] / Michael J. Green // Foreign Policy. – 2016. – September 03. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/09/03/the-legacy-of-obamas-pivot-to-asia/> (last visited: 12.02.2018).

¹⁹⁶ 中美贸易战号角声响起！刘芸如 2018 年 4 月 4 日联合早报 (Раздаются отзвуки торговой войны между Китаем и США!) [Электронный ресурс] / Лю Юньжу // LianheZaobao. – 2018. – 04 апреля. – Режим доступа: <https://www.zaobao.com.sg/znews/international/story20180404-848135> (дата обращения: 05.07.2018).

¹⁹⁷ Ghosh N. China's 'overreach' provokes growing ire. / Nirmal Ghosh // The Straits Times. – 2020. - July 17. – P.A10.

контролем КНР) и отмель Скарборо (контролируется КНР, активно оспаривается Филиппинами). Признание суверенитета КНР над этими образованиями фактически означает «запирание» других государств региона в территориальных водах без доступа к ресурсам в их 200-мильных ИЭЗ.

Еще один аргумент китайской стороны заключается в том, что другие страны не предъявляли ранее претензий КНР в этой связи, поэтому воды в рамках данной линии могут считаться «историческими» водами Китая¹⁹⁸.

Очевидно, что притязания такого характера вызвали полное неприятие со стороны остальных государств региона. В 2000-е гг. в ЮКМ произошла серия инцидентов с взаимным воспрепятствованием деятельности, изгнанием и задержанием научно-исследовательских и рыболовецких судов кораблями китайских ВМС с одной стороны и филиппинских и вьетнамских – с другой.

Принятая в 2002 г. в Пномпене странами-членами АСЕАН и Китаем Декларация о поведении сторон в ЮКМ была направлена на сохранение сложившегося статус-кво, поддержание мира и стабильности ради сотрудничества и развития в условиях отсутствия какого-либо юридически обязывающего документа. Согласно Декларации, «заинтересованные стороны участвуют в разрешении территориальных споров мирными средствами, не прибегая к угрозам или применению вооруженных сил, путем дружественного обмена мнениями и переговоров между непосредственно участвующими сторонами и опираясь на общепринятые нормы международного права, включая Конвенцию по морскому праву 1982 года»¹⁹⁹. Там также утверждается свобода судоходства и воздушных сообщений в ЮКМ. Участники обязались воздерживаться от любых действий, способных осложнить или усилить споры и повлиять на мир и стабильность в регионе.

¹⁹⁸ Dutton P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea / P. Dutton // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. – Ashgate, 2014. – 326 p.

¹⁹⁹ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Electronic resource] // ASEAN website. – 2012. – October 17. – Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (last visited: 17.10.2017).

Тем не менее, с середины 2009 г. отмечено несколько всплесков напряженности в ЮКМ, которые были вызваны активизацией экономической деятельности (геологоразведочные работы на морском шельфе, хозяйственное освоение островов) Китая и Вьетнама в спорных районах, которая сопровождалась значительным усилением их военного присутствия в этой зоне.

Все это привело к осложнению обстановки в регионе в начале второго десятилетия XXI века. Дополнительную напряженность создает также стремление Вашингтона «подключиться» к урегулированию и тем самым интернационализировать конфликт. Несмотря на оценку Пекином действий США как прямое вмешательство в отношения между КНР и АСЕАН, ряд «регионалов», прежде всего Филиппины и Малайзия, заинтересованно отреагировали на данную инициативу.

Таким образом, к настоящему времени сложилось два основных подхода к политическому урегулированию конфликта в ЮКМ: путем проведения отдельных переговоров с каждым из его участников (китайский вариант) или вывод проблемы за рамки региона ЮВА и обеспечение ее международно-правового решения, в первую очередь на основе Конвенции ООН по морскому праву (американский вариант).

2.3. Геоэкономический аспект

Процесс урегулирования территориальных споров в Южно-Китайском море осложняется не только разностью подходов к нормативно-правовому статусу данного региона и исторически существовавшими здесь межгосударственными противоречиями, но и высокой геоэкономической ценностью данного региона.

Расположение на пересечении торговых маршрутов, соединяющих Южную, Юго-Восточную и Северо-Восточную Азию, Южно-Китайское море имеет большое геостратегическое значение. Это самый короткий путь из

Тихого океана в Индийский, что делает его важнейшей артерией мировой торговли и поставок энергоресурсов. Детальная статистика движения судов в ЮКМ отсутствует, однако, по существующим оценкам, через Малаккский, Зондский и Макасарский проливы – основные точки входа в ЮКМ – ежегодно проходят более 100 тыс. торговых судов (из них свыше 60 тыс., или 200 в день, приходится на Малаккский пролив²⁰⁰), что составляет более половины морских грузоперевозок в мире²⁰¹. Для сравнения, в 2013 г. через Суэцкий канал прошло 16,5 тыс. судов, а через Панамский – чуть более 12 тыс.²⁰². По оценкам американских экспертов, ежегодно в ЮКМ перевозятся товары стоимостью более 5,3 трлн. долл. США²⁰³, что составляет более половины мирового тоннажа ежегодных морских торговых перевозок²⁰⁴.

Морские торговые пути в ЮКМ играют существенную роль в обеспечении энергоресурсами таких государств, как Китай (до 80% поставок), Япония (60%) и Республика Корея (около 70%)²⁰⁵, которые серьезно зависят от импорта энергоносителей из Африки и Ближнего Востока. По оценкам американского агентства US Energy Information Agency, в 2011 г. через Малаккский пролив ежедневно проходило более 15,2 млн. баррелей сырой нефти (что составляет около трети от объемов мировой торговли нефтью) и около 170 млн. кубических метров сжиженного природного газа (более половины объемов мировой торговли СПГ)²⁰⁶.

²⁰⁰ Зеленева И.В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И.В. Зеленева // Азия и Африка сегодня. - 2017. - №1. - С. 16-20.

²⁰¹ The South China Sea [Electronic resource] // US Energy Information Administration. – Electronic data. – 2013. – February 7. – Mode of access: www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=SCS (last visited: 05.07.2018).

²⁰² The Suez Canal Authority [Electronic resource] – Electronic data. – Mode of access: <http://www.suezcanal.gov.eg/sc.aspx?show=13#> (last visited: 05.07.2018); Panama Canal Authority [Electronic resource] – Electronic data. – Mode of access: <http://www.pancanal.com/eng/index.html> (last visited: 05.07.2018).

²⁰³ Press Briefing by NSA for Strategic Communications Ben Rhodes and Admiral Robert Willard, US Pacific Command [Electronic resource] // The White House, Office of the Press Secretary. – 2011. – November 13. – Mode of access: www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/13/press-briefing-nsa-strategic-communications-ben-rhodes-and-admiral-rober (last visited: 05.07.2018).

²⁰⁴ Курякова Е.С. Архипелаг Спратли в XXI в.: территориальные споры в Южно-Китайском море и претензии сторон / Е.С. Курякова // материалы конференции «Молодость, интеллект, инициатива». – 2016. – с. 115-117.

²⁰⁵ Кувалдин С. У Китая появился свой Крым [Электронный ресурс] / С.Кувалдин // Газета.ру. – 2015. – 2 июня. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/02_a_6742713.shtml (дата обращения: 15.07.2018).

²⁰⁶ The South China Sea [Electronic resource] // US Energy Information Administration. – Electronic data. – 2013. – February 7. – Mode of access: www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=SCS (last visited: 05.07.2018).

Таким образом, надежный контроль над данным торговым и транспортным маршрутом или его частью позволяет не только осуществлять прибыльные коммерческие операции, но и поставить ведущие страны Восточной Азии в своеобразную зависимость от регулярности и безопасности поставок энергоносителей. При этом, если у Китая есть альтернативные варианты доставки ресурсов по наземным трубопроводам с территории России или государств Центральной Азии, у островных Японии и Тайваня, а также отрезанной с севера территорией КНДР Южной Кореи такая возможность практически отсутствует.

Кроме того, вооруженный конфликт или серьезная нестабильность в ЮКМ может легко поставить под угрозу свободу морского судоходства в этой акватории, что в свою очередь весьма негативно скажется и на мировой экономике в целом²⁰⁷. В этой связи, несмотря на существующие противоречия, все участники территориальных споров прилагают усилия для предотвращения вооруженных столкновений в акватории ЮКМ, осознавая, что даже случайный инцидент может поставить под угрозу их общие экономические интересы.

Обеспокоенность вызывает и возможность совершения пиратских нападений или террористических актов на море, ставшая одним из основных вызовов безопасности в регионе и мире в целом. Согласно данным Центра по обмену информацией, функционирующего в Сингапуре в соответствии с региональным соглашением по борьбе с пиратством в Азии, в 2017 г. в территориальных водах города-государства и Малаккском проливе зафиксировано девять случаев вооруженного нападения на суда²⁰⁸, а в 2019 г.

²⁰⁷ Dancel R. South China Sea Disputes May Disrupt Trade in Asia / Raul Dancel // The Straits Times. – 2014. - June 5. – P. A20.

²⁰⁸ Annual Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia. January-December 2017 Report [Electronic resource] // RECAAP. – 2018. – Mode of access: http://www.recaap.org/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&EntryId=605&PortalId=0&TabId=78 (last visited: 10.02.2018).

– уже 30 подобных инцидентов²⁰⁹. Бандиты пользуются отсутствием четко закрепленного нормативно-правового статуса и размытыми из-за территориальных споров морскими границами в ЮКМ. Более того, в условиях подъема в последнее время исламского экстремизма в ЮВА не исключена и возможность совершения боевиками диверсии в Малаккском проливе с целью блокировки движения по нему. О серьезности данной проблемы говорит и тот факт, что она находится на особом контроле у крупнейших государств островной части АСЕАН – Индонезии, Малайзии и Филиппин²¹⁰.

Южно-Китайское море известно богатством морских биоресурсов, а также шельфовых месторождений углеводородов²¹¹. Оценки объемов нефти и газа в данной акватории серьезно разнятся в связи с невозможностью проведения полноценной геологической разведки из-за территориальных споров, а также ввиду различного рода политических спекуляций сторон (прежде всего, со стороны Китая и Вьетнама) для привлечения зарубежных инвестиций в подконтрольные им участки ЮКМ с целью «застолбить» находящиеся там месторождения за собой.

По данным китайской статистики, запасы нефти в ЮКМ составляют от 100 до 200 млрд. баррелей. Китайская Национальная нефтяная компания оценивает еще неразведанные запасы нефти в ЮКМ в 125 млрд. баррелей, газа – в 500 трлн. куб. футов²¹². В то же время согласно данным опубликованного в 2010 г. в США доклада US Geographical Survey, неразведанные запасы нефти в ЮКМ были оценены в 5-22 млрд. баррелей, газа – в 2-8 млрд. куб. метров²¹³.

Российские

исследователи

²⁰⁹ Piracy incidents along Straits of Malacca and Singapore surge in 2019 [Electronic resource] // South China Morning Post. – 2019. – December 28. – Mode of access: <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/3043744/piracy-incidents-along-straits-malacca-and-singapore-surge> (last visited: 12.10.2020).

²¹⁰ Duterte plans to discuss sea piracy with Najib, Jokowi // Sunday Times. – 2016. – October 30. – P.A18.

²¹¹ Райков Ю.А. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов / Ю.А.Райков // Международная жизнь. – 2013. – №6. – С. 37-51.

²¹² The South China Sea [Electronic resource] // US Energy Information Administration. – Electronic data. – 2013. – February 7. – Mode of access: www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=SCS (last visited: 05.07.2018).

²¹³ Assessment of Undiscovered Oil and Gas Resources of Southeast Asia [Electronic resource] // US Geographical Survey Fact Sheet 2010-2015. – 2010. – Mode of access: <http://pubs.usgs.gov/fs/2010/2015/pdf/FS10-2015.pdf> (last visited: 05.07.2018).

(ОАО «Всероссийский научно-исследовательский институт геологии зарубежных стран») приводят более скромные цифры в 6 млрд. баррелей нефти²¹⁴. По другим данным, в районе Парасельских островов и архипелага Спратли сосредоточено около 5,4 млрд. баррелей разведанных запасов нефти и 55,1 трлн. кубометров природного газа²¹⁵. Как видно из приложения 3, большая часть доказанных залежей энергоресурсов расположена в районе Малайзии.

При этом сам факт наличия там энергоресурсов является существенным драйвером конфликта. В Пекине не отвергают идею совместных проектов по разработке ресурсов, но исходят из того, что экономическая деятельность в рамках т.н. «девятипунктирной линии» (охватывает около 80% акватории ЮКМ) не может осуществляться другими акторами без формального признания суверенитета КНР над зонами совместного освоения.

Попытки других прибрежных государств, в т.ч. в партнерстве с ведущими международными корпорациями, осуществлять добычу ресурсов в водах, не попадающих под юрисдикцию КНР в соответствии с нормами международного права, но, тем не менее, включенных в ограниченную «девятипунктирной линией» зону, нередко воспринимались как «посягательство» или «незаконный захват» и служили причиной серьезной эскалации конфликтов между вовлеченными в территориальные споры государствами.

Например, в начале мая-середине июля 2014 г. государственная Китайская шельфовая нефтяная корпорация (中国海洋石油总公司) разместила свою крупнейшую и самую совершенную на тот момент буровую нефтепромысловую установку «Haiyang Shiyou-981» (海洋石油 - 981) в

²¹⁴ Всероссийский научно-исследовательский институт геологии зарубежных стран [Электронный ресурс] // Росгеология. – Электрон.дан. – Режим доступа: <http://www.rosgeo.com/ru/content/oao-vserossiyskiy-nauchno-issledovatel'skiy-institut-geologii-zarubezhnyh-stran-oao> (дата обращения: 15.09.2017).

²¹⁵ Хроленко А. Конфликт интересов КНР и США в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] / А.Хроленко // РИА-Новости. – 2015. – 24 июля. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20150724/1145591659.html> (дата обращения: 15.09.2017).

акватории, оспариваемой Вьетнамом в качестве своей исключительной экономической зоны. Действия корпорации не только стали причиной серьезного кризиса в китайско-вьетнамских отношениях, но и существенно усилили напряженность в Южно-Китайском море, доведя ее до высшей точки с конца 1980-х гг. Инцидент с буровой установкой вновь свел на нет попытки стран-участниц конфликта достичь договоренностей в сфере совместного освоения ресурсов ЮКМ, а также существенно отбросил назад прогресс, достигнутый к тому моменту в ходе многосторонних переговоров Китай-АСЕАН.

Неурегулированность проблемы на данном треке серьезно осложняет не только развитие вьетнамского нефтегазового сектора, но и препятствует осуществлению перспективных международных проектов по добыче шельфовых нефти и газа в ЮКМ. Так, в марте 2018 г. вьетнамская корпорация Petro Vietnam под давлением Китая была вынуждена полностью прекратить сотрудничество с испанской энергетической компанией Repsol, начавшей буровые работы в акватории, которую Ханой причисляет к своей ИЭЗ²¹⁶. «Серьезная обеспокоенность» Пекина звучала и в адрес российских нефтегазовых компаний, реализовывавших совместные с Вьетнамом проекты в «спорных» районах ЮКМ.

Наконец, еще одним весомым фактором, влияющим на развитие конфликтной ситуации в Южно-Китайском море, является борьба прибрежных государств за биоресурсы данной акватории.

Рыбная отрасль – немаловажный вид деятельности в ЮКМ, на практике имеющий для прибрежных стран еще большее значение, чем потенциальная добыча там шельфовых углеводородов. По данным Программы ООН по окружающей среде (UNEP), около 10% всего мирового вылова рыбы

²¹⁶ Panda A. Vietnam Requests Spain's Repsol Suspend Work in Disputed South China Sea Oil Block[Electronic resource] / Ankit Panda // The Diplomat. – 2018. – March 25. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/03/vietnam-requests-spains-repsol-suspend-work-in-disputed-south-china-sea-oil-block/> (last visited: 25.05.2018).

приходится на Южно-Китайское море ²¹⁷. Эти морепродукты являются основой рациона сотен миллионов людей в Юго-Восточной Азии. По существующим оценкам, в водах ЮКМ промысел ведут 1,72 млн. рыболовных судов, обеспечивая рабочими местами около 5,4 млн. человек²¹⁸.

Во многом вследствие этого, согласно докладу Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (FAO), биоресурсы в западной части Южно-Китайского моря в настоящее время «являются либо полностью используемыми либо перелавливаемыми»²¹⁹.

Рыбная отрасль – в сущности, геополитический промысел, пусть даже и не самый престижный. Промысловая рыба считается «странствующим ресурсом» ²²⁰: она перемещается с места на место по собственной воле. Рыболовным судам приходится следовать за ней, часто не обращая внимания на границы или юрисдикции. Колебания уловов или ограничения рыболовной деятельности приводят к масштабным последствиям для прибрежных стран, так как суда из-за этого вытесняются все дальше и дальше от своих берегов. Поскольку в рыбной промышленности занята (как официально, так и неофициально) значительная часть населения прибрежных стран, то всё, что наносит ущерб рыбакам, отрицательно сказывается на качестве жизни всего общества: от сельских округов до огромных коммерческих конгломератов.

Хотя конфликты из-за вылова рыбы разгораются в каждом морском регионе, особенно с учетом того, что по данным FAO, биоресурсы 90% всех зон вылова в мире полностью истощены или подходят к концу²²¹, риск их возникновения в Восточной Азии ввиду уникальности ее географии наиболее

²¹⁷ Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде [Электронный ресурс] // UNEP/GEF South China Sea Project website. – Режим доступа: www.unepscs.org (дата обращения: 19.11.2017).

²¹⁸ Rees E. Conflict and Cooperation in the South China Sea [Electronic resource] / Evan Rees // Stratfor. – 2016. – August 31. – Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/conflict-and-cooperation-south-china-sea> (last visited: 25.05.2018).

²¹⁹ Состояние мирового рыболовства и аквакультуры 2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i5555r.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).

²²⁰ Hackett S. Environmental and Natural Resources Economics Theory, Policy, and the Sustainable Society / Steven Hackett. – New York: Imprint Routledge, 2010. – 552 p.

²²¹ Rodzi N. Malaysia sets boats ablaze / Nadirah H. Rodzi // The Straits Times. – 2017. – August 31. – p.A14.

высок. Западная часть Тихого океана отличается от большей части Тихоокеанского региона наличием широких континентальных шельфов с многочисленными прибрежными водными путями и глубоко врезающимися в сушу заливами. Данное обстоятельство затрудняет определение границ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, тем более что узость большинства водных путей не позволяет многим странам региона претендовать на полноценные исключительные экономические зоны (ИЭЗ) шириной в 200 морских миль, не захватывая при этом территорию своих соседей. По этой причине им приходится вести переговоры с приграничными государствами о размерах собственных ИЭЗ, в результате чего многие споры в отношении границ остаются неурегулированными, создавая угрозу конфликта.

На континентальных шельфах имеются превосходные условия для рыболовства, особенно в прибрежной зоне Юго-Восточной Азии, под которой залегают шельфы Сунда и Сахул. Воды этих шельфов, составляющих около двадцати процентов от общей площади шельфов во всем мире, обеспечивают отличные условия для размножения морских существ (только в одном Южно-Китайском море обитают более 3000 видов рыб) и природный богатый улов. По оценкам, рыбная ловля в ЮКМ с показателем 350 тыс. долл. США на гектар является одной из самых высокодоходных в мире ²²². Для стран, расположенных у этих водных путей (все государства Юго-Восточной Азии за исключением Лаоса), рыбный промысел традиционно имел решающее значение в жизни их населения, а в современную эпоху – и в сфере государственных доходов и индустриализации.

Доступ к территориям рыбного промысла играет важную роль и по другим причинам: контроль над водными путями важен для сохранения государствами значимых торговых потоков, а также связи с отдаленными регионами и доступа к ресурсам.

²²² Dickey L. Security, marine environment in S.China Sea need tending to / Lauren Dickey // The Straits Times. – 2016. – October 27. – p.A27.

В то же время, с учетом наличия множества привлекательных рыбных мест, распространенных на столь обширном пространстве, постепенного истощения традиционных мест вылова и большого числа прибрежных стран, близко расположенных друг к другу, рыболовецкие суда легко могут зайти в иностранные воды, случайно либо намеренно. Нередко под рыбаков маскируются контрабандисты и браконьеры, что приводит к росту неконтролируемой предпринимательской деятельности и преступности, которая наносит ущерб как экономике, так и экологии региона. Сложившимся положением дел пользуются и пираты, представляющие существенную угрозу безопасности проходящих здесь морских торговых путей. По этой причине на регулярной основе происходят столкновения рыболовецких судов с патрульными кораблями в районе многочисленных спорных территорий, а также в водах прибрежных государств.

Кроме того, все большее значение на повестке дня приобретает и экологический аспект данной проблемы: бесконтрольный вылов рыбы приводит к гибели хрупкой экосистемы акватории ЮКМ²²³.

Проблемы экологии в Южно-Китайском море усугубились под воздействием мощнейшего подъема рыбной промышленности в Азиатско-Тихоокеанском регионе после окончания Второй мировой войны в связи с беспрецедентной индустриализацией рыбных промыслов в западной части Тихого океана. К 1990-м гг. каждое морское государство было вынуждено развивать свою рыбную промышленность в региональной гонке за право эксплуатации этого общего ресурса, что привело к чрезмерному отлову рыбы и резкому спаду объемов вылова в регионе в связи с тем, что рыбные ресурсы не успевали естественным образом восстанавливаться. Поскольку страны истощили прибрежные воды, они начали все чаще осуществлять вылов в отдаленных водах, принадлежащих соседним государствам, особенно в плохо охраняемых районах. Спорные территории, такие как акватория Южно-

²²³ Dickey L. Security, marine environment in S.China Sea need tending to / Lauren Dickey // The Straits Times. – 2016. – October 27. – p.A27.

Китайского моря, стали особенно привлекательной мишенью, что привело к введению бесчисленных односторонних запретов на рыбную ловлю, повсеместному усилению контроля за рыболовной деятельностью, а также привлекающим внимание общественности случаям уничтожения судов-нарушителей.

По оценкам Куала-Лумпура, ущерб экономике Малайзии от несанкционированной деятельности иностранных рыбаков превышает 1,9 млрд. долл. США в год²²⁴. В то же время сами малайзийские граждане наряду с вьетнамцами и филиппинцами чаще других задерживаются за подобного рода нарушения.

Проблема нелегального вылова стоит в регионе весьма серьезно. Даже в Индонезии – одном из крупнейших производителей морепродуктов в мире – почти 90% из нескольких тысяч местных и иностранных судов, ведущих промысел в ее водах, не имеют разрешений на вылов, что приводит к потерям индонезийской экономики до 25 млрд. долл. США в год²²⁵.

С приходом к власти Президента Дж.Видодо Джакарта стала прилагать существенные усилия для защиты национальной рыбной промышленности, от которой зависит существование миллионов граждан, чьи доходы и источник питания «крадут» нелегалы. В рамках предложенной Дж.Видодо концепции превращения Индонезии в «мировую морскую ось»²²⁶ власти страны стали взрывать или топить иностранные суда, нелегально зашедшие в ее территориальные воды или ведущие промысел в индонезийской ИЭЗ, чтобы продемонстрировать свою решимость в данном вопросе и обеспечить естественное воспроизводство и восстановление морских биоресурсов.

С подобными проблемами сталкиваются и Филиппины: 10 из 13 разрешенных в этом государстве зон вылова рыбы истощены или находятся на

²²⁴ Rodzi N. Malaysia sets boats ablaze / Nadirah H.Rodzi // The Straits Times. – 2017. – August 31. – p.A14.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Indonesia Sebagai Poros Maritim Dunia (Индонезия как мировая морская ось) [Electronic resource] // official website of the President of Indonesia. – 2015. – 13 November. – Mode of access: <http://www.presidentri.go.id/berita-aktual/indonesia-sebagai-poros-maritim-dunia.html> (last visited: 05.07.2018).

границ истощения²²⁷. В этой связи снижается популяция целых видов рыбы, например сардин и ставриды. По данным местного рыболовецкого агентства, средний улов филиппинского рыбака с 1970 г. снизился с 20 кг до 4,76 кг в день²²⁸.

Интересно, что некоторые страны, в том числе Китай, наоборот, открыто поощряют своих рыбаков ловить рыбу в спорных водах²²⁹. Регулярно сообщается об инцидентах, связанных с нарушением китайскими рыбаками границ ИЭЗ других стран, прежде всего Индонезии и Филиппин, и незаконным отловом там биоресурсов. Тем самым Пекин стремится помешать деятельности менее современных судов своих соседей, не говоря уже о сборе разведывательных данных и уточнении карты региона. Продвижение рыбаков в иностранные воды способствует поддержанию экономической и политической стабильности в стране, а также наращиванию присутствия в водах, необходимых для обеспечения безопасности торговли и создания стратегической глубины обороны за рубежом. Все это – небольшая часть гораздо более масштабной стратегии, но именно она, тем не менее, постоянно попадает в заголовки газет, когда соседние государства задерживают китайские рыболовные суда в своих водах.

О значимости рыбной промышленности для государств региона говорит и тот факт, что данная тема была затронута в знаковом решении Постоянной палаты Третейского суда в Гааге²³⁰ по иску Филиппин, в котором территориальные притязания Китая были признаны необоснованными и не соответствующими Конвенции ООН по морскому праву. В частности, суд

²²⁷ Rees E. Conflict and Cooperation in the South China Sea [Electronic resource] / Evan Rees // Stratfor. – 2016. – August 31. – Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/conflict-and-cooperation-south-china-sea> (last visited: 25.05.2018).

²²⁸ Статистический портал Рыболовецкого агентства Филиппин [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pfda.gov.ph/> (дата обращения: 09.09.2018).

²²⁹ Teo Cheng Wee. South China Sea - Part Three: China's front-line fishermen [Electronic resource] / Teo Cheng Wee // the Straits Times. – 2016. – April 5. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/asia/east-asia/south-china-sea-part-three-chinas-front-line-fishermen> (last visited: 05.07.2018).

²³⁰ The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) [Electronic resource] // PCA. 2016. – July 12. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801> (last visited: 01.02.2018).

постановил, что действия Китая по препятствованию рыболовной деятельности филиппинских судов у отмели Скарборо с мая 2012 г. были незаконными²³¹.

В ответ Верховный народный суд КНР (между тем, Пекин не признал решение Третьего суда, назвав его нелегитимным²³²) вынес собственное постановление о том, что власти имеют право привлекать к ответственности иностранных рыбаков, задержанных в водах, на которые претендует Китай.

Своеобразным компромиссным выходом из сложившейся ситуации стало «зондирование» возможности начала переговоров о совместном освоении морских биоресурсов. Эта тема поднималась в том числе на встрече между китайскими официальными лицами и специальным посланником Филиппин, бывшим президентом Ф.Рамосом²³³. Пекин и Манила выразили готовность изучить возможность открытия для рыбаков обоих государств отмели Скарборо и совместного развития аквакультуры в районе спорных территорий. Обсуждение данной темы было продолжено в ходе возобновившихся в октябре 2016 г. переговоров по ЮКМ между Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Филиппин Р.Дутерте, по итогам которых стороны договорились установить двусторонний механизм решения имеющихся противоречий и взаимных притязаний в акватории Южно-Китайского моря²³⁴. В качестве жеста доброй воли Пекин также допустил филиппинские рыболовецкие траулеры в ранее блокированную им акваторию в районе отмели Скарборо²³⁵.

²³¹ Там же.

²³² 国际法庭宣布南中国海案裁决：中国主张非法无效 (Международный суд в Гааге огласил свое решение по Южно-Китайскому морю: Китай считает его незаконным и не имеющим силы) [Электронный ресурс] // VOA. – 2016. – 07 декабря. – Режим доступа: <https://www.voachinese.com/a/china-Philippine-maritime-dispute-20160712/3414662.html> (дата обращения: 19.11.2017).

²³³ Rees E. Conflict and Cooperation in the South China Sea [Electronic resource] / Evan Rees // Stratfor. – 2016. – August 31. – Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/conflict-and-cooperation-south-china-sea> (last visited: 25.05.2018).

²³⁴ Perlez J. Rodrigo Duterte and Xi Jinping Agree to Reopen South China Sea Talks [Electronic resource] / Jane Perlez // The New York Times. – 2016. – October 20. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/10/21/world/asia/rodrigo-duterte-philippines-china-xi-jinping.html> (last visited: 25.05.2018).

²³⁵ Chong Koh Ping. China, Philippines hold first talks on South China Sea / Chong Koh Ping // The Straits Times. – 2017. – May 20. – P.A8.

Все это, в частности, свидетельствует о том, что Пекин разрабатывает механизмы урегулирования кризисов для поддержания выгодного ему низкого уровня напряженности в регионе. Совместное управление рыбным промыслом в спорных водах также идет в русле приоритетов политики КНР (обсуждение противоречий в Южно-Китайском море на двусторонней основе имеет большее значение, нежели заключение международного соглашения). Кроме того, создание двусторонних механизмов совместной эксплуатации морских биоресурсов может также соответствовать стратегии Китая, цель которой – разобщить его соперников в ЮКМ.

Стоит отметить, что прецедент сотрудничества в области рыбной промышленности между Китаем и соседними государствами существует. Яркий пример – договоренность Китая и Вьетнама относительно Тонкинского залива. Залив находится в северо-западной части Южно-Китайского моря, вклинившись между северным Вьетнамом, юго-восточной провинцией Китая Гуанси и островом Хайнань. Соглашение между двумя странами, подписанное в 2000 г. в рамках всеобъемлющего пакета мер по определению морских границ в районе Тонкинского залива, было достигнуто после того, как Китай и Вьетнам восстановили отношения в 1991 г. спустя несколько десятилетий вражды, включая пограничную войну 1979 г.²³⁶

Тонкинский залив, будучи общим водным пространством, расположенным в непосредственной близости от крайне важных регионов и рыболовных сообществ, был основным территориальным вопросом, который приводил к многочисленным захватам китайских судов вьетнамскими властями в связи с их предполагаемыми вторжениями. В результате семи лет переговоров примерно посередине залива была проведена граница. Также была обозначена общая рыболовная зона площадью 33,500 кв. км (12,934 кв. миль), шириной около 30 морских миль, простирающаяся от сухопутной

²³⁶ De Treglode B. Maritime Boundary Delimitation and Sino-Vietnamese Cooperation in the Gulf of Tonkin (1994-2016) [Electronic resource] / Benoit de Treglode // China Perspectives. – 2017. – September, 01. - Mode of access: <http://chinaperspectives.revues.org/7030> (last visited: 19.11.2017).

границы до устья залива. Правительства двух стран получили право контролировать и инспектировать соответствующие ИЭЗ, совместно разрабатывать ресурсы и осуществлять надзор за судами в общей зоне. Управление районом перешло в ведомство совместного комитета.

Однако данная модель урегулирования спора не является универсальной. В Тонкинском заливе обе стороны смогли полностью договориться об установлении конкретной морской границы, хотя следует отметить, что они не смогли урегулировать имеющиеся противоречия в отношении Парасельских островов и архипелага Спратли.

Тем не менее, соглашение о Тонкинском заливе достигло своей главной цели: прекращение столкновений, в частности, вызванных деятельностью промысловых судов в недемаркированных водах. Совместно управляемая территория позволяет Вьетнаму и Китаю сохранять между собой буферную зону, хотя бы под предлогом общего управления. Совместное патрулирование осуществляется с 2006 г., а совместный комитет собирается несколько раз в год несмотря на то, что над общей территорией не установлено тщательное наблюдение или контроль. Соглашение было достигнуто в то время, когда Китай пользовался меньшим влиянием и был более склонен к достижению компромиссов с соседним государством. Любые договоренности, достигнутые в настоящее время, скорее всего, будут более выгодными для КНР.

С учетом нового внешнеполитического курса Президента Р.Дутерте на урегулирование отношений с Пекином можно предположить, что для заключения аналогичного документа между Китаем и Филиппинами вряд ли потребуется столько времени, сколько заняло подписание соглашения в Тонкинском заливе. В то же время эффективность сотрудничества в области рыболовства, даже в рамках ограниченного соглашения, будет зависеть от нескольких факторов. Главный из них – взаимная заинтересованность обоих правительств в ослаблении дипломатической напряженности.

Примером этому является еще одно соглашение в сфере рыболовства между Филиппинами и Тайванем. Хотя Манила и Тайбэй не создали

совместно управляемую зону в оспариваемых ими территориях, в 2015 г. они договорились – с учетом противостояния Пекину – не применять силу против рыболовных судов друг друга в спорных водах. Их общая цель – создание противовеса Китаю – остается, соответственно, сохраняет силу и соглашение о рыбном промысле.

Кроме того, соглашение предусматривало воздержание от применения силы или угрозы силой; совместное осуществление правоприменительных процедур в области морского судоходства; создание механизма оперативного информирования о преследовании, досмотре, инспекции, аресте и задержании рыболовных судов, а также связанных с ними административных или судебных процедурах; оказание содействия скорейшему освобождению экипажей задержанных рыболовных судов²³⁷.

В то же время в практическом плане международное сотрудничество в области рыболовства в ЮКМ весьма ограничено. Крайне нестабильный характер промысла и деятельности рыбаков затрудняет регулирование их перемещений. Более того, правительства государств региона заинтересованы в увеличении объемов вылова. Следовательно, такое сотрудничество не приведет к подъему рыбной отрасли, даже если оно будет распространяться повсеместно. В этой связи единственным очевидным выигрышем от соглашения могло бы стать сдерживание кратковременных острых (и зачастую незапланированных) столкновений для предотвращения обширных кризисов, способных погрузить Южно-Китайское море в более глубокий конфликт.

Таким образом, можно заключить, что борьба за освоение морских биоресурсов являет собой существенный фактор эскалации территориальных споров в Южно-Китайском море, вынуждающий участвующие в них государства искать пути выхода из сложившейся ситуации. В то же время

²³⁷ Taiwan and the Philippines sign agreement on law enforcement cooperation in fisheries matters [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Taiwan. – 2015. – November 11. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=1EADDCFD4C6EC567&s=200FD620B9CCE60B (last visited: 05.07.2018).

возможное создание в этой связи механизма совместного освоения ресурсов и ведения морского хозяйства (как многостороннего, так и на базе серии двусторонних соглашений), хотя и не в силах способствовать подъему рыбной промышленности в регионе (впрочем, вероятно, такой цели и не ставится), но вполне может заложить основу и придать новый импульс мирному разрешению геополитического конфликта в ЮКМ как такового.

Краткие выводы

Исходя из результатов проделанного выше анализа, можно заключить следующее:

1. Вопрос суверенитета над территориальными объектами в Южно-Китайском море (с экономической точки зрения практически не представляющих ценности) как таковой не является основным в территориальных спорах в данной акватории. Фактически борьба ведется за контроль над стратегическими морскими путями, разного рода ресурсами и военно-политическое доминирование в регионе.
2. Отсутствие у большинства территориальных объектов Южно-Китайского моря однозначно признанного всеми прибрежными государствами правового статуса, а также механизмов реального контроля в спорных акваториях создает существенные угрозы безопасности в регионе, связанные, прежде всего, с деятельностью пиратов, террористов и контрабандистов.
3. Ситуация в Южно-Китайском море создает весьма опасный для существующей системы международных отношений феномен: влиятельные страны де факто получили возможность как минимум в локальном масштабе «обходить» общепризнанные и закрепленные в основополагающих международных документах правила и действовать по своему усмотрению без каких-либо существенных для себя последствий.

4. Используемая КНР «историческая» аргументация представляет собой опасный прецедент в международно-правовой практике. Признание оправданности китайской позиции де факто означает возможность для национальных органов власти игнорировать или вольно интерпретировать нормы международного права (как минимум, морского) в собственных интересах.
5. С учетом несовершенства современной международно-правовой системы конфликт в ЮКМ не может быть решен исключительно в рамках профильных международных структур без наличия политической воли и компромиссов со стороны всех стран-участниц территориальных споров. Таким образом, к настоящему времени сложилось два основных подхода к политическому урегулированию конфликта в ЮКМ: путем проведения отдельных переговоров с каждым из его участников или вывод проблемы за рамки Восточноазиатского региона и обеспечение ее международно-правового решения.
6. Развитие ситуации в Южно-Китайском море исторически имеет определяющее значение в выработке государствами-участниками ВРП МО своего внешнеполитического курса.

Глава 3. Внешнеполитические приоритеты ведущих мировых и региональных держав в Восточной Азии в контексте территориальных споров в Южно-Китайском море

3.1. Китай: основные элементы позиции по проблеме ЮКМ

Для Пекина решение территориальных споров в ЮКМ в его пользу имеет важное стратегическое и геополитическое значение. Это позволит ему не только обеспечивать национальные интересы в области обороны и энергетической безопасности, но и максимально снизить эффективность западной политики «сдерживания» КНР.

Более того, последовательно продвигаемая Пекином аргументация «исторического владения» спорными объектами в ЮКМ, по своей сути близкая к тезису о вине великих держав XIX – начала XX вв. (в т.ч. и России) за вынуждение Китая заключать невыгодные для него «неравноправные договоры» и необходимости восстановления «исторической справедливости», фактически является попыткой предложить своеобразную альтернативу нормам международного права в решении территориальных споров.

Политика Китая на этом направлении в целом следует в ключе свойственной ему реалистской парадигмы и традиционной пограничной политики, тысячелетиями формировавшейся на базе китаецентристской концепции построения связей с окружающим миром под влиянием различных философских школ древности, прежде всего, конфуцианства²³⁸. Как отмечает В.А.Корсун, практически все китайские правители преследовали цель создать вокруг страны плотное кольцо зависимых государств, призванное защищать внутренние земли от внешнего воздействия²³⁹. Таким образом, можно предположить, что, пытаясь превратить Южно-Китайское море де факто в свои внутренние воды, Пекин стремится, во-первых, сформировать

²³⁸ Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949-1984 гг.) / Е.Д.Степанов. – Москва, 1986. – 348 с.

²³⁹ Корсун В.А. Эволюция подходов китайского руководства к проблемам современных границ КНР / В.А.Корсун // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №21. – С.65-76.

определенную буферную зону на своих южных рубежах, а во-вторых, переориентировать на себя страны ЮВА в военно-политической и торгово-экономической сферах.

Эту же цель преследовал и принятый в КНР в 1992 г. закон о территориальном море и прилегающей зоне, в соответствии с которым Китай в одностороннем порядке провозгласил суверенитет над всей акваторией Южно-Китайского моря. В нем также было оговорено право КНР применять силу для пресечения любых действий, которые могут рассматриваться ей как незаконный промысел в ее территориальных водах²⁴⁰.

В развитие этого курса в 2010 г. Пекин официально обозначил решение проблемы Южно-Китайского моря в качестве одной из «ключевых национальных задач», подняв ее на один уровень с имеющими принципиальное для Китая значение вопросами Тибета и Тайваня²⁴¹.

Подтверждение намерений китайских властей установить суверенитет над ЮКМ можно найти, проанализировав связанные с темой ЮКМ элементы внешней и внутренней политики КНР через призму сформулированных Е.Д.Степановым факторов, свидетельствующих о готовности государства к пересмотру погранично-территориального размежевания (Таблица 2)²⁴².

Таблица 2. Примеры действий правительства КНР, свидетельствующих о подготовки к изменению погранично-территориального размежевания (по Е.Д.Степанову)

Фактор	Примеры
Мощная пропагандистская кампания, направленная	- идея об «исторической принадлежности» всех территориальных объектов в ЮКМ Китаю;

²⁴⁰ 中华人民共和国法律领海和毗连区域 (Закон КНР о территориальном море и прилегающей зоне) [Электронный ресурс] // официальный сайт ВШП. – 2000. – 12 мая. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/05/content_4562.htm (дата обращения: 11.02.2018).

²⁴¹ Kipgen N. The Politics of South China Sea Disputes. / Nehginpao Kipgen. – Routledge India, 2020. – 201 p.

²⁴² Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949-1984 гг.) / Е.Д.Степанов. – Москва, 1986. – 348 с.

как «вовнутрь», так и «вовне»	- афиширование разного рода «исторических свидетельств» и игнорирование материалов, противоречащих официальной позиции; - введение элементов морали и необходимости борьбы за восстановление исторической справедливости во внешнеполитическую практику²⁴³; - освещение проходов судов ВМС США в районе спорных акваторий в контексте их оперативного «изгнания из территориальных вод КНР»²⁴⁴.
Практические шаги по укреплению военного и экономического потенциала приграничных районов	- строительство искусственных островов в ЮКМ и создание там транспортной и военной инфраструктуры; - модернизация ВМС, программа строительства авианосцев; - открытие новой базы подводных лодок на о.Хайнань²⁴⁵; - поставленная в военной стратегии КНР от 2015 г. задача защиты государственных интересов в регионе ЮКМ²⁴⁶.
Намеренное искажение картографических материалов	- «Девятипунктирная линия».

Ресурсы для этого у Китая есть: как отмечают сингапурские эксперты, в настоящее время НОАК демонстрирует высокий уровень вооружения и подготовки личного состава²⁴⁷, а по расходам на оборону уступает только

²⁴³ Shih Chih-yu. China's Just World: The Morality of Chinese Foreign Policy // Shih Chih-yu. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1993. – 244 p.

²⁴⁴ 美媒：中国海军采取“安全不专业”方式驱逐美军舰 (СМИ: ВМС КНР «безопасными методами» вытеснили американские корабли) [Электронный ресурс] // China.com. – 2018. – 31 мая. – Режим доступа: <http://military.china.com/important/11132797/20180531/32472299.html> (дата обращения: 05.07.2018).

²⁴⁵ Kato Y. China's Naval Expansion In the Western Pacific [Electronic resource] / Yoichi Kato // Global Asia. – Mode of access: https://www.globalasia.org/v5no4/cover/chinas-naval-expansion-in-the-western-pacific_yoichi-kato (last visited: 09.09.2018).

²⁴⁶ 《中国的军事战略》白皮书（全文）（Белая книга по военной стратегии КНР – Полный текст) [Электронный ресурс] // официальный сайт Пресс-службы Госсовета КНР. 2015. – 26 мая. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения: 11.03.2018).

²⁴⁷ Velloor R. To China's 40 years of reforms, yam seng! / Ravi Velloor // The Straits Times. – 2018. – February 02. – P. A17.

США (по данным SIPRI, в 2017 г. они составили 228 млрд. долл. США)²⁴⁸. В этой связи некоторые аналитики высказывают опасения, что Пекин может использовать ЮКМ как плацдарм для военного сдерживания других представленных в регионе великих держав, прежде всего, США и Индии²⁴⁹.

Косвенным подтверждением права на существование такой точки зрения является реализуемая Китаем в настоящее время программа строительства авианосцев, вызывающая раздражение большинства стран-членов АСЕАН и недовольство США и их союзников в АТР (прежде всего, Японии). Так, в 2012 г. в состав ВМС КНР был включен первый авианосец «Ляонин» – достроенный и модернизированный крейсер «Варяг», выкупленный у Украины после распада СССР. В апреле 2017 г. на воду был спущен второй корабль, по своим характеристикам схожий с «Ляонином», но полностью китайского производства²⁵⁰. В планах Китая – увеличение числа авианосцев до 4-6 с оснащением их самым современным высокоточным оружием, включая т.н. «электромагнитную катапульту»²⁵¹.

Строительство на спорных островах и рифах в ЮКМ инфраструктурных объектов и оборонительных сооружений рассматривается Китаем исключительно как «внутреннее дело в рамках государственного суверенитета»²⁵². Кроме того, активно проводится тезис об оборонительном характере подобных работ в ответ на недружественные шаги США и их

²⁴⁸ SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security Summary [Electronic resource] // SIPRI. – 2017. – Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf> (last visited: 07.07.2018).

²⁴⁹ Valencia M. The South China Sea: Back to the Future? [Electronic resource] / Mark Valencia // Probe International. – 2011. – Mode of access: <http://probeinternational.org/library/wp-content/uploads/2011/10/back-to.pdf> (last visited: 11.03.2018).

²⁵⁰ Визингр Л. Новые авианосцы. Китайский ученик превосходит своего учителя [Электронный ресурс] / Лукаш Визингр // Россия Сегодня. – 2017. 15 мая. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20170515/239346234.html> (дата обращения: 11.02.2018).

²⁵¹ Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. - №3. – С.128-145.

²⁵² 国防部新闻发言人吴谦就美舰擅自进入中国南沙群岛有关岛礁邻近海域发表谈话 (Официальный представитель Министерства обороны КНР У Цянь прокомментировал заход американского корабля в территориальные воды Китая в районе островов Спратли) [Электронный ресурс] // официальный сайт Министерства обороны КНР. 2017. – 11 августа. – Режим доступа: http://www.mod.gov.cn/info/2017-08/11/content_4789001.htm (дата обращения: 11.03.2018).

союзников в регионе²⁵³. Как подытожил Председатель КНР Си Цзиньпин, Китай будет действовать в ЮКМ, «не нарушая региональной стабильности, но и не допуская компромиссов по вопросам суверенитета, безопасности и территориальной целостности»²⁵⁴.

Тем не менее, добиться полного контроля над регионом Южно-Китайского моря к руководству КНР настоящему времени так и не удалось²⁵⁵.

Не меньшее значение для Китая имеет и политико-экономический аспект проблемы территориальных споров в ЮКМ. Освоение богатых запасов нефти и газа Южно-Китайского моря (хотя некоторые исследователи и считают существующие оценки их залежей в данном регионе сильно завышенными с учетом невозможности проведения там независимых геологоразведочных работ²⁵⁶) может принести не только прямую экономическую выгоду, но и политические дивиденды: реализация совместных с иностранными партнерами проектов в контролируемых Пекином «спорных» районах может осуществляться только при признании его юрисдикции над ними.

Открытое недовольство у стран-членов АСЕАН вызывает и применяемая Пекином тактика неофициального поощрения рыбного промысла китайских судов в акватории в рамках «девятипунктирной линии», в т.ч. в водах, оспариваемых другими странами-участниками конфликта в ЮКМ, а также Индонезией. Такой подход не может не способствовать росту напряженности в регионе: с октября 2014 г. 317 рыболовецких судов, в т.ч. китайских, было уничтожено властями Индонезии, еще 285 – Малайзии²⁵⁷.

²⁵³ China is not the only one 'militarising' the South China Sea [Electronic resource] // The South China Morning Post. 2016. – December 21. – Mode of Access: <http://www.scmp.com/comment/insight-opinion/article/2056033/china-not-only-one-militarising-south-china-sea> (last visited: 11.03.2018).

²⁵⁴ No one should be allowed to throw Asia into chaos: Xi warns. [Electronic resource] // The Economic Times. 2013. – April 07. – Mode of access: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/no-one-should-be-allowed-to-throw-asia-into-chaos-xi-warns/articleshow/19425788.cms> (last visited: 11.03.2018).

²⁵⁵ Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. - №3. – С.128-145.

²⁵⁶ Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е.А.Канаев. – М.: Готика, 2007. – 324 с.

²⁵⁷ Rodzi N. Malaysia sets boats ablaze / Nadirah H.Rodzi // The Straits Times. – 2017. – August 31. – p.A14.

Нельзя не заметить, что в последнее время КНР достаточно сдержанно реагирует на подобные инциденты. Вероятно, это может быть связано как с ростом уверенности в возможностях собственных ВМС, так и с желанием продемонстрировать «регионалам» свою миролюбивую внешнюю политику и приверженность нормам международного права. В качестве козыря используется прогресс в переговорах с АСЕАН о подготовке кодекса поведения сторон в ЮКМ и другие шаги по укреплению доверия на этом направлении. Одним из них стал запуск в 2016 г. «горячей линии» для оперативного решения вопросов, связанных с незапланированным столкновением судов в Южно-Китайском море²⁵⁸.

В последние годы обозначился еще один тренд внешнеполитического курса КНР – использование механизмов оказания гуманитарной помощи в обмен на выгодную для себя внешнюю политику других стран. Так, мировые СМИ не без иронии отметили, что в 2013 г. Пекин в ответ на филиппинский иск в Гаагский арбитраж выделил серьезно пострадавшим от тайфуна Хайян Филиппинам меньше средств, чем шведская компания «ИКЕА»²⁵⁹.

В основе аргументации позиции Пекина в отношении островов и акваторий ЮКМ традиционно лежат апелляция к так называемой «ограничительной морской линии из девяти пунктов», которую еще в 1947 г. впервые обозначило правительство Чан Кайши, и требование признать суверенитет Китая над его «историческим морем». Еще один довод китайской стороны заключается в том, что другие страны ранее не предъявляли претензий КНР в отношении ЮКМ, поэтому воды в рамках данной линии могут считаться «историческими» водами Китая²⁶⁰.

В то же время документы, демонстрировавшиеся в качестве оснований (исторические хроники, в т.ч. отчеты об экспедициях известного

²⁵⁸Kor Kian Beng. China and ASEAN to launch hotline, adopt code on encounters at sea / Kor Kian Beng // The Straits Times. – 2016. – 17 August. – P.A18.

²⁵⁹Velloor R. To China's 40 years of reforms, yam seng! / Ravi Velloor // The Straits Times. – 2018. – February 02. – P. A17.

²⁶⁰Dutton P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea / P. Dutton // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. – Ashgate, 2014. - 326 p.

мореплавателя Чжэн Хэ²⁶¹, изображения на навигационных картах, косвенные упоминания островов в соглашениях XIX века и т.д.), выглядели весьма спорно. Тем более, исторически доказано, что в XIX - начале XX вв. Китай не имел достаточных возможностей для обеспечения реального контроля над ЮКМ и ныне спорными архипелагами²⁶². Существует также целая серия альтернативных вьетнамских исторических свидетельств, при определенной трактовке доказывающих историческую принадлежность ныне оспариваемых архипелагов Вьетнаму²⁶³.

Следует учитывать и то обстоятельство, что «девятипунктирная» линия как таковая не имеет четких географических ориентиров - изначально она содержала 11 пунктов, в 1953 г. два из них, проведенных в Тонкинском проливе, были убраны, а в 2013-2014 гг. издательство SinoMaps Press опубликовало уже официальные карты, где была прочерчена дополнительная десятая линия вокруг Тайваня (см. приложение 2). При этом наложение изданных в разные годы карт друг на друга показывало несовпадение географических координат этих линий²⁶⁴.

Отдельного внимания заслуживает весьма жесткая реакция КНР на внесение в мае 2009 г. филиппинского, а затем и совместного вьетнамско-малазийского обращения в Комиссию ООН по границам материкового шельфа. К немедленно направленной в ООН ноте протеста китайские власти приложили карту с обозначением т.н. «исторического моря» Китая, охватывающего 80% акватории ЮКМ²⁶⁵ и перекрывающего ИЭЗ большинства стран, претендующих на эти водные пространства: Вьетнама, Малайзии, Филиппин и Брунея. Удовлетворение требования КНР о признании ее

²⁶¹The Law of the Sea in the Asian Pacific Region: Developments and Prospects / edited by James Crawford. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1994. – 284 p.

²⁶²Dutton P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea / P. Dutton // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. – Ashgate, 2014. – 326 p.

²⁶³Samuels M. Contest for the South China Sea / Marwyn Samuels. – London: Routledge, 2015. – 250 p.

²⁶⁴Rowan C. Powder Keg in the Pacific [Electronic resource] / Callick Rowan // Foreign Policy. – 2012. – August 22. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2012/08/22/powder-keg-in-the-pacific/> (last visited: 17.10.2017).

²⁶⁵Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. - М.: Восток-Запад. - 2010. – 319 с.

суверенитета над акваторией Южно-Китайского моря в обозначенных там границах означало бы фактическое замыкание асеановцев в границах их собственных территориальных вод. Неудивительно, что подобная политика находит открытое противодействие со стороны Куала-Лумпура, Манилы и Ханоя, а также усложняет взаимодействие с другими странами-членами АСЕАН.

С другой стороны, в Пекине осознают, что территориальные споры в ЮКМ – удобный предлог для США и их союзников оправдывать наращивание военного присутствия в регионе с целью осуществления политики сдерживания и давления на КНР. Данное обстоятельство вынуждает Китай не только несколько смягчить свои позиции, но и попытаться, пойдя на определенные компромиссы, найти приемлемое для всех сторон конфликта решение. С этой целью Пекин активизировал усилия сразу по двум направлениям: многостороннему (переговоры по юридически обязывающему кодексу поведения в ЮКМ, консультации в формате Китай-АСЕАН и т.д.) и двустороннему (переговоры с каждым заинтересованным государством в отдельности). При этом деятельность Пекина на втором треке очень напоминает «дифференцированный подход» к разрешению конфликтов, оформленный в китайской внешней политике еще в 1960-х – 1970-х гг.²⁶⁶, который предполагал демонстрацию подчеркнуто миролюбивого отношения и желания развивать сотрудничество с условно «дружественными» странами (с которыми отсутствуют какие-либо противоречия) и предельно жесткую позицию по отношению к тем соседям, с кем существуют неразрешенные территориальные споры.

Отдельного внимания заслуживает точка зрения некоторых китайских экспертов, в частности исполнительного директора Центра совместных исследований Южно-Китайского моря Нанькинского университета Чжу Фэна, расценившего ежегодные совместные российско-китайские военно-морские

²⁶⁶Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949-1984 гг.) / Е.Д.Степанов. – Москва, 1986. – 348 с.

учения в ЮКМ как знак поддержки Россией Китая в его территориальных притязаниях²⁶⁷. Аналогичного мнения придерживается и профессор Цзинаньского университета Чжан Минлян²⁶⁸. В то же время, как неоднократно подчеркивалось Минобороны и МИД России, Москва принципиально не вмешивается в территориальные споры в данной акватории и традиционно выступает за разрешение разногласий между вовлеченными странами мирным путем посредством дипломатических переговоров²⁶⁹. Дело в том, что учения «Морское взаимодействие» проходят ежегодно с 2012 г. в зоне ответственности ВМС НОАК по четным годам и Тихоокеанского флота России по нечетным. Если российская сторона традиционно проводит их в зоне ответственности Приморской флотилии (в Японском море в районе Владивостока), то китайская каждый раз чередует зоны их проведения. В 2016 г. «пришла очередь» Южного флота, зоной ответственности которого является именно ЮКМ. Отказ Москвы от проведения учений стал бы прямым вызовом в отношении Пекина, чего российская сторона, разумеется, не хотела, но учения «по очереди» никак нельзя трактовать в качестве акта поддержки нашей страной китайской позиции по конфликту в ЮКМ именно потому, что они очередные, а не внезапные, а место их проведения было давно известно. Более того, масштаб учений был намеренно сокращен российской стороной, а место их проведения было максимально удалено от спорных районов. Учения прошли у берегов провинции Гуандун, то есть материковой части КНР, принадлежность которой никто не оспаривает. Таким образом, Москва

²⁶⁷ Kor Kian Beng. Russia, China to hold joint naval drill in South China Sea. / Kor Kian Beng // The Straits Times. – 2016. – July 29. – P.A 10.

²⁶⁸ СМИ: российско-китайские учения призваны восстановить баланс в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 06 сентября. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3596658> (дата обращения: 11.02.2018).

²⁶⁹ Интервью Посла России в Таиланде К.М.Барского газете «Дэйли Ньюз» [Электронный ресурс] // официальный сайт МИД России. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/maps/th/-/asset_publisher/UhQB5xrATSUO/content/id/2486513 (дата обращения: 11.02.2018).

сделала все возможное, чтобы ее позиция по-прежнему выглядела нейтральной²⁷⁰.

В свою очередь Китай, потенциал которого в экономической, политической и военной сферах в последние десятилетия значительно укрепился, начинает постепенный переход от политики «держаться в тени и ждать своего часа» (韬光养晦), к концепции «достижения успехов» (有所作为), предполагающей обеспечение максимальной защиты собственных национальных интересов с целью обеспечить благоприятную внешнеполитическую обстановку в регионе. По мнению некоторых экспертов, рост влияния Пекина в Восточной Азии может вызвать определенные трансформации в региональной подсистеме МО (например, некоторое смещение в сторону одно- или биполярности)²⁷¹.

В то же время важно отметить, что Китай, в отличие от тех же США, пока не стремится к изменению существующего международного порядка на глобальном уровне (хотя с каждым новым витком американо-китайского противостояния, вероятность изменения этого подхода только растет). При этом нельзя не согласиться с рядом авторов²⁷², полагающих, что такая «смена приоритетов» автоматически вступит в противоречие с неоднократно звучавшими из Пекина заявлениями о том, что Китай не стремится и не будет стремиться к статусу гегемона, и более того, всеми силами выступает против гегемонии в международных отношениях.

3.2. Государства-участники территориальных споров

²⁷⁰ Храмчихин А.А. Китайская дилемма России [Электронный ресурс] / А.А.Храмчихин // Независимая газета. – 2018. – 16 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/armies/2018-07-16/7_7267_dilemma.html (дата обращения: 11.09.2018).

²⁷¹ Sung Chul Jung. The Offensive Realists Are Not Wrong: China's Growth and Aggression, 1976–2001 / Sung Chul Jung, Kihyun Lee // Pacific Focus. - 2017. - №1. - P.86-108.

²⁷² Wang Zhongchun. The Changes and Development of China's Periphery Security Environment and its Defense Policy / Wang Zhongchun // China's Transition into the 21st century. - Carlisle Barracks, PA: UNITED STATES Army War college. – 1996. – 37 p.

Вьетнам является ключевым соперником Китая в конфликте в Южно-Китайском море: это единственная страна в Юго-Восточной Азии, которая претендует на суверенитет над Парасельскими островами и всеми островами Спратли, участвовала в военных столкновениях с Китаем в ЮКМ (в 1974 и 1988 гг.) и занимает более двадцати объектов в архипелаге Спратли (для сравнения: КНР контролирует 8 островов, Тайвань – 2, Малайзия – 5, Филиппины – 9). В отличие от Пекина, выступающего за урегулирование противоречий в ЮКМ на двусторонней основе, Ханой стремится максимально интернационализировать конфликт, в т.ч. пытаясь максимально использовать в этих целях свое председательство в АСЕАН в 2020 г. (пандемия коронавируса и открытое недовольство части диалоговых партнеров «десятки», тем не менее, существенно помешали этим планам).

Китайско-вьетнамское взаимодействие в Южно-Китайском море осуществляется по принципу «действие рождает противодействие» и сопровождается многочисленными протестами, звучащими с обеих сторон. Наблюдается схожесть и симметричность политики в отношении спорных акваторий: апелляция к древним «историческим свидетельствам»²⁷³, поощрение рыболовства и нефтедобычи в спорных районах²⁷⁴, оккупация и размещение военных гарнизонов на оспариваемых объектах. Кроме того, Ханой активно перенимает китайскую тактику создания искусственных островов путем насыпания земли и развития на них инфраструктуры (с 2014 г. Вьетнам «прирастил» к островам 50 гектаров суши, что все еще значительно меньше китайских показателей – 1300 га)²⁷⁵. Кроме того, активные работы идут по возведению сухого дока на рифе Уэст-Лондон (острова Спратли). После завершения работ его смогут использовать

²⁷³ Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е.А.Канаев. – М.: Готика, 2007. – 324 с.

²⁷⁴ Thayer C. Vietnam's strategies in the South China Sea [Electronic resource] / Carlyle Thayer // East Asia Forum. – 2017. – July 28. – Mode of access: <http://www.eastasiaforum.org/2017/07/28/vietnams-strategies-in-the-south-china-sea/> (last visited: 17.02.2018).

²⁷⁵ China isn't the only one building islands in the South China Sea [Electronic resource] // Business Insider Singapore. – 2016. – May 16. – Mode of access: <http://www.businessinsider.sg/vietnam-building-islands-in-south-china-sea-2016-5/?r=US&IR=T> (last visited: 17.02.2018).

патрульные суда в качестве пункта материально-технического обеспечения, что позволит увеличить продолжительность и дальность патрульных миссий. Такая политика отчасти обуславливается схожим устройством и традициями политической системы двух стран, которым характерно весьма болезненное отношение к уступкам в области государственного суверенитета и территориальной целостности, а также исторически сложившееся стойкое неприятие вьетнамцами «имперских амбиций» Пекина. Помимо этого, в 2016 г. на подконтрольных вьетнамским властям объектах в ЮКМ были размещены ракетные установки, способные нанести удар по китайской инфраструктуре на соседних островах²⁷⁶.

Такие работы также имеют важное символическое значение и имеют цель, прежде всего, дать сигнал Китаю о том, что СРВ намерена поддерживать военное и гражданское присутствие в ЮКМ. Ханой категорически отрицает провокационный характер таких действий, объясняя их необходимостью укрепления собственного оборонного потенциала на случай китайской агрессии²⁷⁷.

Помимо сверхчувствительного вопроса о территориальном суверенитете, Ханой рассматривает действия Китая в Южно-Китайском море как вопиющую попытку подорвать его морские экономические интересы. ИЭЗ Вьетнама содержит значительные запасы нефти и газа, в то время как рыболовство создает условия для выгодной экспортной торговли. В качестве аргументов приводятся факты оказания Китаем давления на несколько нефтяных компаний, в том числе BP и Exxon Mobil, способствовавшего их выходу из проектов развития энергетики вьетнамского побережья. Более того, взамен государственная китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация (CNOOC) предложила иностранным энергетическим компаниям сотрудничество в осуществлении необходимых геологоразведывательных

²⁷⁶Le Hong Hiep. Understanding Vietnam's rocket launcher deployment in the Spratlys / Le Hong Hiep // the Straits Times. – 2016. – August 27. – P.A21.

²⁷⁷ Там же.

работ внутри ИЭЗ Вьетнама, что вызвало массовые протесты в крупных вьетнамских городах. В число «жертв» китайско-вьетнамского «энергетического противостояния» в 2012 г. попал и российский «Газпром»: после подписания им соглашения с корпорацией «Петровьетнам» на разработку шельфовых газовых месторождений в районе островов Спратли, Пекин выразил жесткий протест²⁷⁸.

Споры по поводу промысловых участков также стали серьезным источником напряженности в двусторонних отношениях. Ханой неоднократно выступал против ежегодного одностороннего запрета на рыбный промысел (как правило, вводимый с середины мая по август) в северных районах Южно-Китайского моря, трактуя его как нарушение суверенных прав страны. Во время действия данного запрета, а иногда и вне привязки к нему, китайские власти проводили задержания и штрафовали вьетнамских рыбаков, конфисковали их оборудование и даже делали предупредительные выстрелы в сторону вьетнамских траулеров.

В практической плоскости Ханой ставит перед собой следующие внешнеполитические и военные задачи в контексте урегулирования территориальных споров в ЮКМ. Во-первых, поддержание регулярного диалога с другими участниками, прежде всего, Китаем. Во-вторых, активная поддержка на площадках АСЕАН исполнения всех положений Декларации о поведении сторон в ЮКМ, в том числе в части, касающейся подписания юридически обязывающего кодекса. В-третьих, активное освещение проблемы и распространение своей точки зрения на региональных и международных форумах, а также научных конференциях. В-четвертых, осуществление скорейшей модернизации оборонного потенциала, прежде всего, возможностей ВВС и ВМС. Наконец, диверсификация внешней политики страны и подписание партнерских соглашений с широким кругом стран, таких как США, Китай, Япония, Индия и Россия.

²⁷⁸ Федоров Н.В. Конфликт в Южно-Китайском море и российско-вьетнамские отношения / Н.В.Федоров // Управленческое консультирование. – Москва. – 2016. - №11. – С.27-36.

Таким образом, Вьетнам (по крайней мере, в отношении архипелага Спратли) привержен жесткому отстаиванию своих интересов на море, прежде всего в партнерстве с Джакартой, использовавшей в 2017 г. ВМС для обеспечения своих экономических прав в районе Натуна.

Наряду с Вьетнамом **Филиппины** также являются активным участником конфликта в Южно-Китайском море. Притязания Манилы распространяются примерно на пятьдесят объектов группы островов Спратли²⁷⁹ (в настоящее время филиппинцы контролируют только 9 из них).

В то же время в отличие от Вьетнама, Филиппины никогда не принимали участия в прямых военных столкновениях с Китаем, несмотря на имевший место ряд инцидентов с участием вооруженных сил и гражданских структур двух стран.

В качестве одного из приоритетных направлений внешней политики и проблем национальной безопасности территориальные споры в ЮКМ стали рассматриваться в Маниле только с 1995 г., когда Китай оккупировал риф Мисчиф, пользуясь слабостью филиппинской армии. Во многом такое положение дел вынудило Филиппины сделать ставку, как и Вьетнам, на максимальную «интернационализацию» проблемы и привлечение на свою сторону влиятельных союзников, прежде всего, США.

При этом особенностью филиппинской политики в отношении КНР традиционно является ее резкие изменения при сменах президентской администрации в Маниле. Так, Президент Г.Арройо в начале 2000-х гг. взяла курс на развитие торгово-инвестиционных связей с Пекином, вынеся вопрос противостояния в ЮКМ за скобки двустороннего сотрудничества. В свою очередь пришедший ей на смену Президент Б.Акино обозначил укрепление оборонного потенциала страны и отстаивание филиппинских прав в ЮКМ в качестве одного из своих внешнеполитических приоритетов, фактически перечеркнув определенные успехи предыдущей администрации в

²⁷⁹ The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.

налаживании стабильных рабочих контактов с КНР. Еще большее раздражение Китая вызвало активизировавшееся военное сотрудничество Манилы с Вашингтоном (в частности, в апреле 2014 г. было подписано десятилетнее соглашение о сотрудничестве в области обороны, увеличивающее военное присутствие США на Филиппинах на ротационной основе²⁸⁰ и расширяющее доступ американских ВС к филиппинской военной инфраструктуре), а также знаковый иск Филиппин в Гаагский арбитраж.

Тем не менее, нельзя не отметить, что правительством Б.Акино предпринимались и попытки урегулирования конфликта путем компромисса со стороны всех его участников. В частности, в 2011 г. Филиппины выступили с предложением об объявлении ЮКМ т.н. «Зоной мира, дружбы, свободы и сотрудничества» под совместным управлением всех участников территориальных споров (Бруней, Вьетнам, Китай, Малайзия, Филиппины)²⁸¹. Согласно данной концепции, архипелаг Спратли должен был быть демилитаризован с целью развития гуманитарного, торгово-экономического и научно-технического сотрудничества в данном регионе. При этом границы зоны было предложено определить путем многосторонних консультаций. Тем не менее, широкой международной поддержки концепция не нашла, а после резкой критики со стороны КНР ее практическая реализация стала фактически невозможной.

В 2013 г. после серьезного инцидента, связанного с незаконным рыбным промыслом тайваньского судна в оспариваемых Манилой водах, властям Филиппин, Тайваня и Японии удалось достигнуть соглашения по защите прав и интересов рыбаков. Его заключение было логичным шагом в контексте внешнеполитического курса Б.Акино, который удачно наложился на период

²⁸⁰ Parameswaran P. A Big Deal? US, Philippines Agree First 'Bases' Under New Defense Pact [Electronic resource] / Prashanth Parameswaran // The Diplomat. – 2016. – March 16. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2016/03/a-big-deal-us-philippines-agree-first-bases-under-new-defense-pact/> (last visited: 17.02.2018).

²⁸¹ Philippine paper on ASEAN-China Zone of Peace, Freedom, Friendship and Cooperation (ZOPFF/C) in the WPS (SCS) [Electronic resource] // Maritime Institute of Malaysia. – Mode of access: <http://www.mima.gov.my/index.php/component/phocadownload/category/10-presentation-repository?download=140:2011-3-paper-01-philippines-perspective-and-options> (last visited: 17.10.2017).

активного продвижения Тайбэем т.н. «Инициативы мира в Восточно-Китайском море» и эскалации китайского-японских отношений в Восточно-Китайском море²⁸².

С приходом к власти на Филиппинах Президента Р.Дутерте Манила вновь скорректировала свой внешнеполитический курс, перейдя от откровенной конфронтации с Китаем к поиску компромисса. Заметно, что новое руководство страны готово оставить попытки дальнейшей интернационализации споров в ЮКМ и попытаться найти компромисс путем проведения двусторонних переговоров, используя решения Гаагского арбитража в качестве своеобразного козыря. Некоторые исследователи связывают смягчение филиппинского внешнеполитического курса с китайскими корнями нынешнего президента страны²⁸³. Первым шагом в этом направлении стал визит Р.Дутерте в КНР в октябре 2016 г.²⁸⁴ Переговоры, филиппинская позиция на которых с учетом решения суда (где, в частности, говорится и о необходимости двустороннего урегулирования²⁸⁵) была подкреплена негласной поддержкой международного сообщества (по крайней мере, Запада), вынудили Китай несколько изменить тактику: стало понятно, что ему будет легче просто «купить» выход из невыгодного политического положения²⁸⁶. Еще одним шагом к сближению позиций двух стран по ЮКМ стало заявление о готовности Филиппин к совместной с Китаем геологической разведке залежей нефти и газа в спорных акваториях и ее добыче в т.ч. с использованием китайских технологий выделения газа из гидрата метана²⁸⁷. В

²⁸² The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.

²⁸³ Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? / А.Д.Дикарев // Сравнительная политика. – 2018. - №3. С.75-87.

²⁸⁴ Philippines' Duterte praises China on Beijing visit [Electronic resource] // Channel News Asia. 2016. – October 19. – Mode of access: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/philippines-duterte-praises-china-on-beijing-visit/3219034.html> (last visited: 17.10.2017).

²⁸⁵ The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) [Electronic resource] // PCA. 2016. – July 12. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801> (last visited: 01.02.2018).

²⁸⁶ Кашин В.Б. Южно-Китайское море — Гаагский суд и военная напряженность [Электронный ресурс] / В.Б.Кашин // РСМД. – 2016. – 14 июля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7924#top-content (дата обращения: 05.07.2018).

²⁸⁷ China hails breakthrough in tapping gas from 'ice' // the Straits Times. – 2017. – May 20. – P.A8.

то же время в Маниле отдельно отметили, что окончательное решение будет приниматься с учетом мнения других стран-членов АСЕАН на этот счет с тем, чтобы не подрывать единую позицию Ассоциации²⁸⁸.

Конечно, кардинального прорыва в филиппино-китайских отношениях, особенно политических, в любом случае ожидать не стоит (что явно продемонстрировало видеообращение Р.Дутерте на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в котором он, правда, не обвиняя Пекин напрямую, раскритиковал его нежелание исполнять решение Гаагского трибунала²⁸⁹). В то же время с учетом снижения объемов помощи со стороны США в период президентства Д.Трампа Манила всерьез рассматривала возможность привлечения китайских инвестиций для финансирования анонсированных Р.Дутерте масштабных инфраструктурных проектов. По данным филиппинского Министерства финансов, речь идет как минимум о 7,34 млрд. долл. США²⁹⁰. Тем более что подобное сотрудничество выгодно и КНР: в отличие от других «регионалов» Филиппины все еще не интегрировали свою экономику в китайскую.

При этом, естественно, отказываться от притязаний на спорные острова в пользу Китая Филиппины не собираются, пытаясь использовать их в своих экономических интересах. Так, в октябре 2016 г. в контексте улучшения двусторонних отношений Манила получила от КНР кредит в размере 24 млрд. долл. США²⁹¹, а уже в апреле 2017 г. Президент Р.Дутерте распорядился занять ряд островов архипелага Спратли и обещал лично водрузить на о.Титу филиппинский флаг в День независимости страны (12 июня), хотя позднее

²⁸⁸ Dancel R. S.China Sea ventures: Manila will consult ASEAN / Raul Dancel // the Straits Times. – 2017. – July 27. – P.A14.

²⁸⁹ FULL TEXT: President Duterte's speech at the 75th UN General Assembly [Electronic resource] // Rappler. – 2020. – September 23. – Mode of access: <https://www.rappler.com/nation/full-text-duterte-unga-speech-2020> (last visited: 13.10.2020).

²⁹⁰ Padin M.G. China pledges \$7.34 B for Phl infra / Mary Grace Padin // the Philippine Star. – 2017. – November 15. – P.1.

²⁹¹ Philippines, China sign \$24-B deals [Electronic resource] // The Philippines Star. – 2016. – October 22. – Mode of access: <http://www.philstar.com/headlines/2016/10/22/1636102/philippines-china-sign-24-b-deals> (last visited: 17.10.2017).

изменил свое решение после протестов Пекина²⁹². Более того, по требованию китайской стороны, Манила демонтировала временные жилища, построенные на данном участке суши филиппинскими военными, тем самым еще раз продемонстрировав готовность к компромиссу²⁹³. Со своей стороны Пекин допустил филиппинские рыболовецкие суда к акваториям в районе рифа Скарборо, блокированным им после обострения отношений в 2012 г.²⁹⁴

Тем не менее, такая тактика может быть вполне оправдана для страны, фактически оказавшейся в положении между китайским «молотом» и американской «наковальней» и не имеющей достаточных ресурсов для противостояния державам такого уровня²⁹⁵.

В отличие от Вьетнама и Филиппин **Малайзия и Бруней** выработали принципиально иной подход к территориальным спорам в ЮКМ. Оба государства были активными сторонниками предложения АСЕАН решать проблемы на основе консенсуса, включая реализацию в полном объеме положений Декларации о поведении сторон. Ни Куала-Лумпур, ни Бандар-Сери-Бегаван никогда открыто не выступали в поддержку других стран ЮВА в их конфликтах с Китаем и выдвигаемых ими инициатив (в т.ч. филиппинской идее о Зоне мира, дружбы, свободы и сотрудничества).

В целом, позиция Малайзии по ситуации в ЮКМ сформулирована нечетко и даже выглядит несколько противоречивой. С одной стороны, Куала-Лумпур выступает за мирное решение территориальных споров путем политических переговоров без использования военной силы или угроз ее применения «на основе солидарности стран АСЕАН и всех тех, кто их

²⁹² Duterte bows to China's demand not to raise flag on disputed island [Electronic resource] // The Japan Times. – 2017. – April 13. – Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/13/asia-pacific/duterte-bows-chinas-demand-not-raise-flag-disputed-island/#.WRg5btLyhPa> (last visited: 17.10.2017).

²⁹³ Dancel R. Philippines removes sandbar huts after Chinese complaints / Raul Dancel / the Straits Times. – 2017. – November 9. – P.A20.

²⁹⁴ Dancel R. Filipinos can fish again at disputed shoal / Raul Dancel / the Straits Times. – 2016. – October 29. – P.A12.

²⁹⁵ Velloor R. Manila caught between a shoal and a hard place / Ravi Velloor // the Straits Times. – 2016. – September 2. – P.A24.

поддерживает»²⁹⁶. С другой – воспринимая проблему территориальной принадлежности островов в районе штатов Сабах и Саравак как вопрос защиты суверенитета страны, малайзийские власти постоянно усиливают свое военное присутствие в этом регионе, а также разрабатывают более жесткие юридические процедуры в отношении судов, «незаконно вторгающихся» в территориальные воды страны.

Стремление к усилению контроля над морским и воздушным трафиком в омывающей малайзийские берега части Южно-Китайского моря вполне оправдано с геополитической и военной точек зрения. Географически Малайзия разделена этой акваторией на две части, и потеря контроля над происходящими в ней процессами представляют собой реальную угрозу национальной безопасности.

Одновременно с этим в двусторонних отношениях с Пекином Куала-Лумпур в последнее время предпочитает избегать конфликтов, условно вынося противоречия в ЮКМ «за скобки» двустороннего взаимодействия и ограничиваясь «рутинными» протестами в адрес КНР (которые, как правило, не афишируются и передаются по закрытым дипломатическим каналам)²⁹⁷.

Лучшей иллюстрацией двойственности позиции малайзийских властей стал публичный скандал между действующим на тот момент Министром иностранных дел страны Х.Хуссейном и бывшим главой ведомства А.Аманом. На состоявшейся в начале июля 2020 г. пресс-конференции первый, очевидно, следуя «линии партии», заявил, что китайские суда не заходили в малайзийские воды уже более 100 дней. Эту информацию незамедлительно опроверг его предшественник (к слову, представляющий конкурирующий политический блок), рассказав о регулярных нарушениях китайскими судами морской границы Малайзии с апреля 2020 г.²⁹⁸

²⁹⁶ Han Guo Xiong D. Malaysia's South China Sea Policy: Contradictions or Domestic Confusion? [Electronic resource] / David Han Guo Xiong // RSIS. – Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co16088-malaysias-south-china-sea-policy-contradictions-or-domestic-confusion/#.WRgKbtLyhPY> (last visited: 05.07.2018).

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ No recent China intrusions? Malaysian minister's claims rebutted by predecessor // The Straits Times. – 2020. – July 17. – P.A10.

Вместе с тем чуть ли ни единственным реальным способом выхода из сложившейся в регионе ситуации многие малайзийские обозреватели видят максимальную интернационализацию конфликта и поиск решения в контексте американо-китайского противостояния в регионе с учетом опасений не выдержать давления Пекина в переговорах один на один. При этом Куала-Лумпур, тем не менее, имеет и хорошие заделы для решения территориальных конфликтов путем серии двусторонних соглашений. В активе у малайзийской стороны добрососедские отношения с остальными государствами региона и опыт заключения соглашений о совместной хозяйственной деятельности с соседними государствами (например, Вьетнам и Таиланд)²⁹⁹.

Притязания Брунея, вступившего в конфликт в ЮКМ в 1984 г. и с тех пор участвовавшего в нем весьма пассивно, распространяются только на риф Луиза вблизи побережья этого государства. С учетом того, что риф шесть месяцев в году находится под водой, Бандар-Сери-Бегаван никогда не предпринимал попыток разместить там гарнизон. Кроме того, после того как в 2009 г. Малайзия признала права Брунея на этот объект, единственным конкурентом султаната в территориальных спорах остался только Китай, претендующий на эту территорию³⁰⁰.

Таким образом можно заключить, что территориальные претензии этого государства на указанный риф продиктованы скорее желанием получить некий предмет для политического торга как с Китаем, так и с партнерами по АСЕАН, нежели стремлением обеспечить свой реальный контроль (особенно с учетом его военных возможностей) в этой части акватории Южно-Китайского моря. В будущем, впрочем, не исключен и вовсе постепенный отказ Брунея от своих притязаний и «перетекание» его в «прокитайский лагерь» в обмен на экономическую поддержку и инвестиции, а также включение его в китайский проект «Один пояс – один путь». По крайней мере,

²⁹⁹ The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.

³⁰⁰ Там же.

движение в этом направлении уже заметно: в апреле 2016 г. во Вьентьяне состоялась встреча мининдел КНР, Брунея, Лаоса и Камбоджи, по итогам которой стороны смогли прийти к компромиссу в своих подходах к территориальному конфликту³⁰¹.

Особый интерес представляет позиция **Тайваня**. Несмотря на статус лишь частично признанного государства и исторически непростые отношения с КНР (большинство стран мира признают единый Китай и Тайвань его составной частью), в отношении территориальных споров в Южно-Китайском море Тайбэй, тем не менее, фактически выступает с тех же позиций, что и Пекин. Во многом это связано с доминировавшей в тайваньском истеблишменте до начала 1990-х гг. идеей (а скорее, идеологической догмой с учетом невозможности ее практической реализации) о необходимости возвращения всей исторической китайской территории под контроль правительства Китайской Республики. В этом же контексте важно также напомнить, что взятая Пекином на вооружение «девятипунктирная линия», очерчивающая китайские притязания в ЮКМ, впервые была обозначена еще в 1947 г. гоминьдановским правительством Чан Кайши почти за два года до его эвакуации на Тайвань и провозглашения КНР в октябре 1949 г.

Исходя из этой логики (под «китайскими территориями», которые «необходимо вернуть» понимаются и все оспариваемые материковым Китаем острова), Тайбэй долгое время не позиционировал себя в качестве активного участника территориальных споров в ЮКМ, предпочитая решать более насущные для себя задачи, в частности, обеспечение собственной безопасности и укрепление своих позиций на международной арене. Тем не менее, с победой на президентских выборах 2000 г. кандидата от оппозиционной Гоминьдану Демократической прогрессивной партии (ДПП, выступает за признание независимости Тайваня) Чэнь Шуйбяня

³⁰¹Brunei takes a back seat in South China Sea dispute [Electronic resource] // The Economist. – Mode of access: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1264194510&Country=Brunei&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations&u=1&pid=2025237386&oid=2025237386&uid=1> (last visited:17.10.2017).

правительством были предприняты шаги к продвижению статуса Тайваня в качестве полноценного участника конфликта в Южно-Китайском море. Одновременно Чэнь Шуйбянь озвучил идею о необходимости закрепить за Тайванем статус «морской нации», который был концептуально оформлен в 2001 г. в первой тайваньской Белой книге по морской политике.

В 2002 г. МИД Тайваня выразил протест в связи с подписанием Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море – одного из ключевых документов в процессе политического урегулирования напряженности между АСЕАН и КНР в Южно-Китайском море, заявив о том, что права и интересы Тайбэя, не участвовавшего в подготовке и подписании декларации, таким образом были проигнорированы³⁰². Тем не менее, с учетом резкого обострения отношений с Пекином в начале 2000-х ситуация в ЮКМ по-прежнему продолжала занимать второстепенные позиции в тайваньской внешней политике.

Активизация усилий по защите национального суверенитета и интересов Тайваня в Южно-Китайском море произошла только после переизбрания Чэнь Шуйбяня на второй срок и определенной стабилизации внутри- и внешнеполитической ситуации.

В опубликованном в мае 2006 г. Докладе о национальной безопасности правительству было рекомендовано обратить внимание на принятие решений по морским вопросам и «использовать океанические ресурсы для развития устойчивого взаимодействия с другими демократическими морскими державами, в том числе в области совместного реагирования на угрозы»³⁰³. В том же году вопросы, касающиеся ситуации в Южно-Китайском море, были переведены в ведение Совета национальной безопасности (ранее ими

³⁰² Statement of the Ministry of Foreign Affairs concerning the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea signed by the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the People's Republic of China (PRC) in Cambodia on November 4, 2002 [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=0E7B91A8FBEC4A94&sms=220E98D761D34A9A&s=90E8913405634AB8 (last visited: 09.09.2018).

³⁰³ 2006 National Defense Report of the Republic of China [Electronic resource] // US-China Institute. – Mode of access: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/taiwan-2006-national-defense-report.pdf> (last visited: 05.07.2018).

занималось Министерство внутренних дел). Кроме того, был принят ряд мер по усилению позиции Тайваня по спорным островам. Самой важной из них стало решение построить взлетно-посадочную полосу на о.Иту-Аба (Тайпин), а также укрепить портовую инфраструктуру на островах Пратас (Дунша). Более того, в 2007 г. правительство решило открыть гряды Пратас для международного туризма и превратило острова в национальный парк ³⁰⁴. Кроме того, в 2005-2008 гг. состоялась серия показательных поездок высшего тайваньского руководства на спорные острова.

Можно предположить, что подобные шаги тайваньской администрации, направленные на обострение ситуации, были связаны с двумя причинами: во-первых, стремлением получившей власть ДПП продемонстрировать «независимость» и «суверенитет» Тайваня, а во-вторых, реакцией на игнорирование Тайбэя в любых региональных инициативах с участием Пекина. Свою роль сыграло и принятие в КНР в 2005 г. закона о территориальной целостности, предусматривающего в т.ч. применение военной силы в случае формального объявления Тайванем независимости ³⁰⁵.

Осознавая «взрывоопасность» сложившейся ситуации, тайваньские власти сделали попытку несколько смягчить трения в ЮКМ посредством сотрудничества в области экологии и защиты окружающей среды. В 2008 г. ими была выдвинута т.н. «инициатива Спратли». Ее суть сводилась к следующему: Тайвань готов действовать в соответствии с принципами и духом Декларации поведения сторон в ЮКМ и допустить иностранных специалистов по охране окружающей среды (при этом речь шла только о представителях частных и неправительственных структур) для проведения научных исследований на контролируемые им образования при условии более рационального и экологически безопасного использования ресурсов Южно-

³⁰⁴ Dongsha Island in the South China Sea opens for eco tours [Electronic resource] // Taiwan News. – 2017. – March 1. – Mode of access: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3105928> (last visited: 09.09.2018).

³⁰⁵ 反分裂国家法(Закон о территориальной целостности) [Электронный ресурс] // сайт ВСНП. – 2005. – 14 марта. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2005-05/08/content_341734.htm (дата обращения: 09.09.2018).

Китайского моря всеми прибрежными государствами, а также (что самое важное) недопущения споров о суверенитете с целью препятствовать сотрудничеству в данной сфере³⁰⁶.

В то же время «инициатива Спратли» не получила дальнейшего развития во многом в связи с тем, что Тайбэю так и не удалось заявить о себе как о самостоятельном участнике территориальных споров. В 2015 г. Президент Ма Инцзю сделал попытку перенести предложенную им «Инициативу мира в Восточно-Китайском море»³⁰⁷ (ее суть сводилась к воздержанию всеми сторонами от агрессивных действий, решению разногласий политико-дипломатическими методами и совместному экономическому освоению спорных акваторий) на почву ЮКМ, однако и она не получила там дальнейшего развития во многом по той же причине.

Еще одним фактором, предопределившим неудачи тайваньской внешней политики на этом направлении, стала ее блокировка со стороны КНР. В Пекине исходят из предпосылки, что Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Соответственно, Тайбэй не может выступать в качестве отдельной стороны конфликта, защита контролируемых им образований в ЮКМ от «посягательств» третьих стран должна также координироваться материком. Более того, близких точек зрения на этот счет придерживаются и другие участники конфликта, прежде всего, Вьетнам и Филиппины, фактически приравнявшие политику Тайваня в ЮКМ к провокационным, на их взгляд, действиям КНР в данном регионе.

Неоднократно звучавшие из Пекина и Тайбэя заявления о

³⁰⁶ The government of the Republic of China (Taiwan) reiterates its sovereignty over the Spratly Islands and has proposed a Spratly Initiative that focuses on environmental protection instead of sovereignty disputes [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=1EADDCFD4C6EC567&sms=5B9044CF1188EE23&s=61D41F36DC3331AE (last visited: 09.09.2018).

³⁰⁷ President Ma proposes the East China Sea Peace Initiative, calls on all parties concerned to resolve Diaoyutai dispute peacefully [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=539A9A50A5F8AF9E&sms=37B41539382B84BA&s=8791CAB0BB21333B (last visited: 09.09.2018).

приверженности «консенсусу 1992 года»³⁰⁸, существовании лишь одного Китая, «особом» характере отношений между двумя берегами Тайваньского пролива и т.д. фактически не оставляют тайваньским властям возможностей для внешнеполитического маневра, особенно в таком чувствительном для КНР вопросе, как территориальные споры в ЮКМ. Любое заявление или действие, не идущее в фарватере политики Пекина, может обернуться для Тайваня серьезными последствиями.

Примечательно, что в этой связи в прессе и даже научной литературе даже озвучивались предположения о возможном налаживании взаимодействия Пекина и Тайбэя по проблеме ЮКМ, в том числе по вопросу организации совместной с КНР территориальной обороны в Южно-Китайском море³⁰⁹. Эта идея имеет и своих сторонников в Тайбэе несмотря на то, что она была неоднократно отвергнута тайваньским правительством. Так, в серии совместных докладов о ситуации в ЮКМ, первый из которых был опубликован в июле 2011 г. экспертами из Тайваня и Китая³¹⁰, содержится призыв к созданию механизма для урегулирования споров в Южно-Китайском море между двумя берегами пролива. Также было предложено формирование аналогичного механизма координации действий между вооруженными силами с тем, чтобы КНР и Тайвань могли вместе защищать свои территориальные претензии и, при необходимости, вести совместное военно-морское патрулирование в ЮКМ.

С конца 1990-х гг. тайваньским властям удалось наладить достаточно плотное функциональное взаимодействие с другими участниками

³⁰⁸ 国台办：回到“九二共识”，两岸关系才能重回和平发展光明大道 (Канцелярия по делам Тайваня при Госсовете КНР: только вернувшись к консенсусу 1992 г. можно обеспечить процветающее будущее обеим берегам Тайваньского пролива) [Электронный ресурс] // Синьхуаю – 2018. – 28 марта. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/2018-03/28/c_1122604319.htm (дата обращения 09.09.2018).

³⁰⁹ The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.

³¹⁰ 两岸专家学者联合发表报告提出南海合作刻不容缓 (Эксперты из Китая и Тайваня выступили с совместным докладом о сотрудничестве в Южно-Китайском море) [Электронный ресурс] // TaiwanChina.org. – 2011/ - 08 ноября. – Режим доступа: http://www.taiwan.cn/jl/qt/201108/t20110809_1955054.htm (дата обращения 09.09.2018).

территориальных споров в ЮКМ, прежде всего, с КНР. В частности, осуществляется сотрудничество в области разведки и разработки морских углеводородных ресурсов, крупными нефтяными корпорациями двух стран были подписаны соглашения о проведении совместных исследований в Тайваньском проливе и у южного побережья провинции Гуандун в северной части Южно-Китайского моря. Выработанная таким образом бизнес-модель может стать основой для совместного хозяйственного освоения акватории в районе архипелага Спратли в случае успешной реализации соответствующей инициативы. Кроме того, Пекином и Тайбэем достигнуты и юридически оформлены договоренности в сферах морских перевозок, совместной борьбы с преступностью и судебной взаимопомощи, рыболовства, гуманитарного сотрудничества.

В то же время говорить о каком-либо взаимопонимании между двумя берегами тайваньского пролива в вопросе ЮКМ пока не приходится: тайваньские власти не приняли официального предложения Пекина о совместной защите суверенитета в Южно- и Восточно-Китайском морях³¹¹, по всей видимости, опасаясь того, что в случае «силового варианта» решения «тайваньской проблемы» это существенно снизит его возможности по обороне острова. Тем не менее, опыт взаимодействия в подобном формате мог бы стать хорошей отправной точкой при выработке модели будущего урегулирования ситуации в регионе.

Важно отметить, что, как и в материковом Китае, на Тайване внутренняя политика оказывает существенное влияние на внешнюю, особенно с учетом диаметрально противоположенных точек зрения основных политических сил острова в вопросах отношений с КНР, статуса Тайваня в региональной системе международных отношений и выстраивания взаимодействия с внешними партнерами. Так, в период нахождения у власти Гоминьдана более вероятен

³¹¹ 余克礼. 国共两党关系 90 年图鉴 (Юй Кэли. К 90-летию отношений между партиями Гоминьдан и КПК) / Юй Кэли. – Табэй: Сунбо чубаньшэ, 2011. – 612 с.

сценарий укрепления взаимодействия с Пекином в урегулировании споров в Южно-Китайском море. Правительство, возглавляемое ДПП, вероятно, будет более активно содействовать многосторонним международным процессам на этом направлении. Как указано в принятой в 2011 г. десятилетней программе ДПП, партия исходит из того, что «споры и конфликты, связанные с окружающими Тайвань водами, включая Южно-Китайское море, должны решаться заинтересованными странами на многосторонней основе и в духе совместного развития и устранения противоречий»³¹². ДПП также поддерживает создание многосторонних консультаций в таких областях, как развитие морских ресурсов, предотвращение загрязнения и безопасность судоходства с целью совместного поддержания устойчивости морских ресурсов, а также мира и безопасности в омывающих остров акваториях.

При этом вне зависимости от того, какая политическая сила находится у власти, Тайвань в любом случае сталкивается с серьезной внешнеполитической дилеммой. С одной стороны, придерживаясь близких с КНР позиций в отношении территориальных споров в ЮКМ (в частности, тайваньские власти, как и правительство материкового Китая, не признали решения Гаагского арбитража³¹³, Тайбэй рискует еще больше оттолкнуть себя от государства Юго-Восточной Азии, прежде всего, вовлеченные в конфликт в ЮКМ, а также своего традиционного союзника США. Неоднократно прогнозированный алармистски настроенными экспертами конфликт между Соединенными Штатами и Китаем в Южно-Китайском море³¹⁴ поставил бы Тайвань в очень трудное положение. С другой стороны, если Тайвань будет открыто поддерживать расширение присутствия США в Южно-Китайском

³¹² DPP 10 Year Policy Outlook [Electronic resource] // DPP website. – 2011. – August 23. – Mode of access: <http://dpp.taiwan.blogspot.com/2011/08/dpp-releases-10-yea-policy-outlook.html> (last visited: 05.05.2018).

³¹³ President Ma addresses members of news media on their return from Taiping Island [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=8157691CA2AA32F8&sms=4F8ED5441E33EA7B&s=13CB C1E5343E58B7 (last visited: 09.09.2018).

³¹⁴ Мануков С. В Южно-Китайском море нарастает риск военного конфликта между Китаем и США / Сергей Мануков // Expert Online. – 2016. – Режим доступа: <http://expert.ru/2016/08/18/ssha-kitaj/> (дата обращения: 05.07.2018).

море и выступать за дальнейшую интернационализацию конфликта, позиционируя себя как полноправного его члена, это может серьезно обострить отношения между двумя сторонами Тайваньского пролива и создать дополнительные угрозы региональной безопасности.

3.3. Страны ЮВА, не участвующие в конфликте в ЮКМ

Все более реальной становится перспектива подключения к конфликту в Южно-Китайском море одного из ключевых государств в АСЕАН – **Индонезии**, не раз заявлявшей о своем безусловном суверенитете над островами Натуна (на сам архипелаг другие государства не претендуют, однако известная китайская «девятипунктирная линия» охватывает часть прилегающей к нему исключительной экономической зоны). С 2015 г. Джакарта периодически осуществляет там «программы рутинного патрулирования». Индонезийские власти не раз арестовывали заходившие без их разрешения в ИЭЗ вокруг о.Натуна китайские рыболовецкие суда, а в июле 2017 г. индонезийский парламент принял символическое решение – изменить название акватории к северо-востоку от упомянутых островов на «море Северная Натуна»³¹⁵. Однако здесь нельзя не напомнить о том, что индонезийцы в этом плане не изобретательны – свои варианты названия Южно-Китайского моря уже предложили Вьетнам («Восточное море») и Филиппины («Западно-Филиппинское море»³¹⁶). В свою очередь официальный представитель МИД КНР Гэн Шуан назвал этот шаг бессмысленным, отметив, что «Южно-Китайское море» является устоявшимся географическим термином, употребляемым подавляющим большинством государств³¹⁷.

³¹⁵ Marboen A. Anggota DPR desak China hormati Laut Natuna Utara. [Электронный ресурс] / AdeMarboen // AntaraNews. – 2017. – July 21. – Режим доступа: <http://www.Antaranews.com/berita/641745/anggota-dpr-desak-china-hormati-laut-natuna-utara> (дата обращения: 19.09.2017).

³¹⁶ Velloor R. Deceptive lull in South China Sea / Ravi Velloor // the Straits Times. – 2017. – July 28. – P.A26.

³¹⁷ Indonesia renames part of South China Sea // the Straits Times. – 2017. – July 15. – P.A16.

Официальная позиция Джакарты заключается в том, что она не признает «линию девяти пунктиров», так как последняя не соответствует международному праву³¹⁸. В то же время Джакарта не раз заявляла о своем желании играть более значимую роль в процессах, связанных с урегулированием ситуации в ЮКМ³¹⁹.

Тем не менее, несмотря на многочисленные инциденты, связанные с «вторжением» китайских судов в индонезийскую ИЭЗ, в целом общий курс внешней политики Индонезии направлен на стратегическое партнерство с Китаем. При этом в Джакарте неоднократно отмечали, что именно действия КНР в ЮКМ несут в себе угрозу национальным интересам и безопасности страны. В 2020 г. Индонезия стала первой страной, не являющейся стороной конфликтов в ЮКМ, направившей ноту в адрес Генерального секретаря ООН с протестом против действий Китая в данной акватории (ранее с подобными документами к Генсеку ООН регулярно обращались только Филиппины и Вьетнам). В ноте также говорилось о поддержке Джакартой решения Гаагского арбитража по иску Манилы к Пекину³²⁰.

В целом, в вопросах, связанных с окружающими страну морскими акваториями, правительство Президента Дж.Видодо исходит из сформулированной им ранее доктрины³²¹, основными элементами которой являются обеспечение продовольственной безопасности государства за счет рационального использования океанов, развития рыболовства и усиления охраны морских ресурсов; совершенствование морских коммуникаций и создание морской инфраструктуры, а также стимулирование морского

³¹⁸ Индонезия стала следующей жертвой претензий Пекина в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] // Обзор.Press. – Режим доступа: <https://obzor.press/press/11428-indoneziya-stala-sleduyushhej-zhertvoj-pretenzij-pekina-v-yuzhno-kitajskom-more> (дата обращения: 19.09.2017).

³¹⁹ Soeriaatmadja W. Jokowi backs peaceful end to sea spats / Wahyudi Soeriaatmadja // the Straits Times. – 2016. – August 17. – P.A14.

³²⁰ Septiari D. Indonesia joins neighbors in protesting Beijing's claims in South China Sea [Electronic resource] / Dian Septiari // The Jakarta Post. – 2020. – June 1. – Mode of access: <https://www.thejakartapost.com/news/2020/06/01/indonesia-joins-neighbors-in-protesting-beijings-claims-in-south-china-sea.html> (last visited: 14.10.2020).

³²¹ Другов А. Ю. Индонезия в 2014 г. / А.Ю. Другов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2015. – №26. – С. 58-92.

туризма и судостроения; укрепление международного сотрудничества на море во всех сферах; развитие морских сил обороны для обеспечения безопасности морских путей и сообщений³²². Высокое значение придается и развитию приграничных островов, в т.ч. архипелага Натуна³²³.

В то же время полноценная реализация данной доктрины, очевидно, может негативно сказаться на отношениях с Пекином, с которым администрация Дж.Видодо налаживает взаимовыгодные дружественные связи. В частности, в 2015 г. в ходе встречи с Председателем КНР Си Цзиньпином была озвучена мысль о возможности сопряжения китайского «Морского Шелкового пути XXI века» с во многом аналогичной ему индонезийской концепцией «мировой морской оси»³²⁴.

Тем не менее, большинство экспертов склоняются к тому, что Индонезия, формально не имеющая противоречий с КНР, скорее будет пытаться играть роль посредника в деле разрешения территориальных споров. Одновременно Джакарта прилагает усилия для преодоления существующих внутри АСЕАН глубоких разногласий по проблеме морских прав и юрисдикции в ЮКМ, превращения Ассоциации в силу, которая могла бы принимать участие в обеспечении безопасности и стабильности в регионе³²⁵.

Сингапур, не являющийся участником территориальных споров в Южно-Китайском море, официально не поддерживает ни одну из сторон конфликта и не дает собственных оценок обоснованности их притязаний. Как неоднократно подчеркивал глава сингапурского внешнеполитического ведомства В.Балакришнан, Республика последовательно призывает все государства преодолевать разногласия мирными способами и в соответствии с международным правом, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982

³²² Там же.

³²³ Soeriaatmadja W. Jokowi backs peaceful end to sea spats / Wahyudi Soeriaatmadja // the Straits Times. – 2016. – August 17. – P.A14.

³²⁴ Ефимова Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шёлковый путь XXI века» / Л.М.Ефимова // Вестник МГИМО. — 2015. №6 (45). – С. 196-204.

³²⁵ Петрова О.Л. Инцидент в районе Натуна в свете индонезийско-китайских отношений / О.Л.Петрова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. – № 31. – С. 115-135.

г., а также на основе Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 г. и Руководящих принципов ее реализации, принятых в 2011 г.³²⁶

В официальных заявлениях и в ходе личных контактов с иностранными партнерами, как показали визиты Премьер-министра Ли Сянь Луна в США и КНР в августе и сентябре 2016 г., сингапурские руководители, как правило, стремятся уйти от обсуждения болезненных, конфликтных вопросов, делая акцент на необходимости поиска компромисса и выработки новых моделей взаимодействия в регионе³²⁷.

В своем обращении к нации по случаю Дня независимости в августе 2016 г. Премьер-министр Ли Сянь Лун заявил, что Сингапур должен занимать твердую позицию по ситуации в ЮКМ. При этом здесь исходят из необходимости строгого соблюдения норм международного права для обеспечения свободы навигации и полетов, а также важности сохранения единства АСЕАН.

В качестве одного из шагов по снижению напряженности в ЮКМ Сингапур активно продвигает Кодекс поведения при незапланированных контактах на море – пакет документов по вопросам обеспечения безопасности военных кораблей, утвержденный в 2014 г. на 14-й встрече глав ВМС стран западной части Тихого океана³²⁸. Одна из сингапурских инициатив – распространить действие этого документа на корабли береговой охраны и подводные лодки, а также заключить аналогичное соглашение по военным самолетам.

Кроме того, Республика поддержала инициативу Брунея по созданию линии прямой связи между внешнеполитическими ведомствами стран-членов АСЕАН и КНР для оперативного установления контакта в случае

³²⁶ Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. / С.В.Михневич // Вестник международных организаций. – 2016. – №1. – С. 92-125.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Китай и АСЕАН подписали Кодекс поведения в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] // РИА-новости. – 2016. – 07 сентября. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html> (дата обращения: 19.09.2017).

возникновения кризисных ситуаций и предотвращения инцидентов в международных водах. В качестве конечной цели обозначен выход линии связи за пределы АСЕАН и ее распространение на партнеров Ассоциации. На состоявшейся в сентябре 2016 г. встрече министров обороны стран «десятки» и США глава сингапурского оборонного ведомства Нг Энг Хен еще раз отметил необходимость выработки практических механизмов недопущения конфликтов в ЮКМ.

Немного ранее, в феврале 2016 г. в ходе встречи мининдел Сингапура и Китая сингапурской стороной также была сделана попытка увязать обеспечение стабильности и безопасности в ЮКМ с успешной реализацией китайского проекта Морского Шелкового пути XXI века³²⁹.

Регулярно подчеркивая необходимость неукоснительного соблюдения всеми государствами норм международного права, Сингапур выступает за поиск решения проблемы Южно-Китайского моря в многостороннем формате, свою роль в котором он видит в качестве посредника и проводника коллективных интересов АСЕАН.

В частности, в свой актив Республика записывает успех встречи высокопоставленных представителей стран-членов Ассоциации и Китая (18-19 мая 2017 г., г.Гуйян, провинция Гуйчжоу, КНР), в ходе которой удалось согласовать рамочные принципы кодекса поведения сторон в ЮКМ.

В то же время очевидно, что попытки сингапурских властей интернационализировать проблематику ЮКМ вызывают недовольство Пекина. В сентябре 2016 г. в газете «Глобал Таймс», издаваемой официальным печатным органом Коммунистической партии Китая «Жэньминь жибао», была опубликована статья с критикой в адрес Сингапура за якобы вынесение им на обсуждение на прошедшем в Венесуэле в сентябре 2016 г. саммите Движения неприсоединения вопроса территориальных споров в Южно-

³²⁹ Власов Н.В. Современная политика КНР в Юго-Восточной Азии. / Н.В.Власов // Вестник МГИМО Университета. –2015. – № 3 (42). – С. 60-67.

Китайском море. В то же время сингапурская сторона категорически отрицает сам факт затрагивания тематики спорных территорий на данном форуме³³⁰.

Судя по болезненной реакции на данный инцидент, можно сделать вывод, что в китайском обществе растет убежденность в том, что, блокируясь с США, Филиппинами и Вьетнамом, Сингапур склонен занимать антикитайскую позицию в этом вопросе. А позитивная реакция города-государства на решение Гаагского арбитража по иску Филиппин против КНР (в августе 2016 г. Премьер-министр Ли Сянь Лун охарактеризовал его как «решительное заявление») еще больше уверила китайское руководство в верности вышеупомянутых выводов³³¹.

Недовольство Китая вызывает и особый характер отношений Сингапура и США, прежде всего укрепление их взаимодействия в области обороны. Республика регулярно оказывает логистическую поддержку американским военным самолетам и кораблям в регионе. В 2019 г. страны обновили заключенное еще в 1990 г. двустороннее военное соглашение, продлив тем самым до 2035 г. данное вооруженным силам США разрешение использовать сингапурские военные базы по своему усмотрению³³². Как отмечают местные эксперты, настойчивые попытки Пекина перетянуть Сингапур в свой «лагерь» могут иметь обратные последствия и подтолкнуть город-государство к дальнейшему сближению с США. Власти города-государства выступают и за более активное участие Японии в региональных процессах³³³.

Очевидно, что в обозримом будущем в отношении территориальных споров в ЮКМ Сингапур продолжит придерживаться прагматичной позиции нейтралитета, балансируя между Пекином, Вашингтоном и другими

³³⁰ Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. / С.В.Михневич // Вестник международных организаций. – 2016. - №1. – С. 92-125.

³³¹ Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море. / Г.М.Локшин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №20. – С. 17-39.

³³² PM Lee, Trump renew key defence pact on US use of Singapore air, naval bases [Electronic resource] // The Straits Times. – 2019. – May 24. – Mode of access: <https://www.straitstimes.com/world/pm-lee-trump-renew-key-defence-pact-on-us-use-of-singapore-air-naval-bases> (last visited: 14.10.2020).

³³³ Sin W. Singapore welcomes a more active Japan in region: PM / Walter Sim // the Straits Times. – 2016. – September 29. – P.A8.

заинтересованными сторонами, чтобы сохранить с ними конструктивное взаимодействие и при этом не быть втянутым в выяснение отношений на чьей-либо стороне. С учетом статуса страны-координатора диалогового партнерства АСЕАН-КНР (до июня 2018 г.) и председательства в Ассоциации в 2018 г. можно ожидать, что приоритетное внимание в сингапурской внешнеполитической повестке дня будет уделяться скорейшему согласованию юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ.

За исключением Вьетнама, государства континентальной Юго-Восточной Азии не считают конфликт в Южно-Китайском море приоритетным вопросом при проведении своей внешней политики и не имеют четкой позиции по этой проблеме.

Так, **Лаос** как государство без выхода к морю не имеет собственных интересов в ЮКМ; **Таиланд** после серии массовых протестов и военных переворотов в настоящее время занят внутривнутриполитическими проблемами и поиском выхода из политического кризиса. Кроме того, это государство традиционно придерживается принципов нейтралитета и равноудаленности от всех своих внешних партнеров (хотя, безусловно, и не «без оглядки» на своего основного военно-политического союзника США), в связи с чем не настроено на активные действия по сюжету ЮКМ; морские интересы **Мьянмы** сосредоточены в Бенгальском заливе и Андаманском море, к тому же резко обострившаяся в 2021 г. внутривнутриполитическая ситуация «отодвинула» внешнюю политику на второй план; **Камбоджа** готова корректировать свои подходы к ситуации в ЮКМ в зависимости от уровня взаимодействия с противоборствующими сторонами. Более того, все они имеют (в несколько меньшей степени это касается Бангкока) традиционно тесные экономические и военно-политические связи с Китаем и не хотят осложнять их, поддерживая соперников Пекина в ЮКМ.

Показательна в этом смысле политика Пномпеня в качестве председателя АСЕАН в 2012 г., когда с негласной подачи Китая вопросы территориальных споров были исключены из повестки дня организации.

Такое решение, вызвавшее шквал критики у других членов «десятки», можно связать только с фактической экономической зависимостью камбоджийской экономики от китайских инвестиций, в общей сложности превысивших, по данным за 2016 г., 9 млрд. долл. США³³⁴. Кроме того, еще около 600 млн. долл. США Пекин передал Пномпеню в качестве безвозмездной помощи³³⁵. Не исключено, что Пекин попытается вновь «продать» свои интересы в ходе очередного председательства Камбоджи в АСЕАН в 2022 г.

В то же время интересная тенденция наметилась во внешнеполитическом курсе Лаоса, который стал демонстрировать более провьетнамский, нежели прокитайский курс³³⁶. В западных экспертных кругах связывают это с активизацией деятельности там США, а также с тем, что многие высшие лаосские должностные лица получили образование во Вьетнаме.

Тем не менее, в целом данные государства стараются придерживаться позиции нейтралитета, оставляя поиск выхода из ситуации, сложившейся в Южно-Китайском море, АСЕАН и другим заинтересованным сторонам.

В обозримом будущем территориальные споры в ЮКМ продолжат играть важную роль в контексте обеспечения стабильности и безопасности в Юго-Восточной Азии и АТР в целом. Можно предположить, что начало официальных переговоров по кодексу поведения сторон подтолкнет участников конфликта к компромиссу и более сдержанному курсу в спорных акваториях. Остальные же государства-члены АСЕАН в своей внешней политике, вероятно, будут балансировать между Пекином, Вашингтоном и другими заинтересованными сторонами, чтобы сохранить с ними конструктивное взаимодействие, не оказавшись втянутыми в выяснение отношений на чьей-либо стороне, а также извлечь максимальную выгоду для обеспечения собственных национальных интересов.

³³⁴ Xi praises Cambodia for being a good neighbor // the Straits Times. – 2016. – October 14. – P.A16.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Laos appears ready to tilt away from China // the Straits Times. – 2016. – August 29. – P.A10.

3.4. Многосторонние усилия по линии АСЕАН

Конфликт в Южно-Китайском море воспринимается государствами Юго-Восточной Азии как один из наиболее значимых факторов, осложняющих их отношения с КНР. В то же время единая позиция стран АСЕАН по ситуации в ЮКМ отсутствует. С учетом тесных торгово-экономических связей с Китаем, большинство из них полагают, что проблеме ЮКМ необходимо рассматривать отдельно от взаимодействия в других областях³³⁷.

Практически из той же предпосылки исходят и в Пекине, не рассматривая территориальные споры в ЮКМ как таковые в качестве предмета переговоров с «десяткой» в целом и, соответственно, не считая их препятствием в развитии отношений. Согласие с таким подходом также открыто выразили Бруней, Камбоджа и Лаос по итогам визита в эти страны Министра иностранных дел КНР Ван И в апреле 2016 г.³³⁸

Действительно, нельзя не отметить, что связи между Китаем и АСЕАН (как с организацией в целом, так и с отдельными ее странами-членами) на протяжении последних десятилетий демонстрируют поступательное развитие. В их основе – динамично растущий товарооборот (с 2010 г. Китай – крупнейший торговый партнер «десятки»), в 2016 г. превысивший, по данным Ассоциации, 368 млрд. долл. США³³⁹ (для сравнения в 1990 г. этот показатель едва превышал 7,5 млрд. долл., в 2000 г. – 39,5 млрд. долл.³⁴⁰).

Кроме того, КНР стала первым из диалоговых партнеров АСЕАН, заключившим с ней соглашение о свободной торговле (формально было подписано в 2002 г., но полноценная ЗСТ сформирована только в 2010 г.), присоединившимся к Соглашению о дружбе и сотрудничестве в Юго-

³³⁷ ASEAN-China Ties 'Multifaceted', Not Just About Sea Spat // The Straits Times. – 2014. – May, 21. – P.A15.

³³⁸ Ghosh N. South China Sea consensus 'shows up ASEAN fault lines' [Electronic resource] / Nirmal Ghosh // The Straits Times. – 2016. April 25. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/asia/se-asia/south-china-sea-consensus-shows-up-asean-fault-lines> (last visited: 11.03.2018).

³³⁹ ASEAN Stats [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – Mode of access: <https://data.aseanstats.org/trade.php> (last visited: 11.03.2018).

³⁴⁰ Там же.

Восточной Азии и установившим стратегическое партнерство с Ассоциацией (2003 г.)³⁴¹.

КНР играет центральную роль в ключевых региональных многосторонних форумах, таких как АРФ, АСЕАН+3 и ВАС. Ведется активная работа по укреплению транспортной «взаимосвязанности» между Китаем и государствами ЮВА. Динамично развивается взаимодействие и в военной сфере³⁴².

На двустороннем уровне Пекину удалось выстроить в целом продуктивные и устойчивые отношения с большинством членов Ассоциации. Несколько сложнее в силу исторических причин развиваются его связи с Вьетнамом и Филиппинами, а также Индонезией, не оставляющей амбиций закрепить неформальное лидерство в Юго-Восточной Азии.

В то же время обострение ситуации в ЮКМ в середине прошлого десятилетия и как следствие – рост напряженности в отношениях между его ключевыми участниками (прежде всего, в треугольнике Вьетнам-Китай-Филиппины) оказало негативное влияние и на связи между КНР и АСЕАН в целом, несколько «обесценив» многие достигнутые ранее успехи. При этом разность видения странами-членами АСЕАН своей позиции по отношению к Китаю, а также внутренние противоречия не позволили им выработать единую точку зрения организации относительно ситуации в ЮКМ.

Напомним, что территориальные претензии существуют и внутри Ассоциации, что также препятствует ее консолидации на антикитайской основе. Важно отметить, что Вьетнам – единственный из асеановцев – как и Китай, претендует сразу на оба спорных архипелага (притязания Брунея, Малайзии и Филиппин ограничиваются только островами из группы Спратли). При этом во вьетнамских экспертных кругах существует мнение о том, что Ханой может пойти на компромисс с партнерами по АСЕАН, ограничив свои

³⁴¹ Taking ASEAN-China ties to the next level [Electronic resource] // The Straits Times. 2017. – July 15. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/opinion/taking-asean-china-ties-to-the-next-level> (last visited: 11.03.2018).

³⁴² The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.

претензии на Спратли в обмен на поддержку своей позиции по Парасельскому архипелагу³⁴³.

В то же время на подобные инициативы Ассоциация традиционно реагирует весьма вяло, стараясь занимать максимально нейтральную позицию по проблеме территориальных споров. В АСЕАН неоднократно подчеркивали, что данная проблема может быть решена только путем прямых переговоров между ее участниками или путем международного арбитража. Себя организация видит в качестве своеобразного миротворца-посредника (при этом не претендуя на центральную роль в решении конфликта) между заинтересованными сторонами с целью снизить уровень напряженности, укрепить взаимное доверие и создать способствующую мирному разрешению конфликта внешнеполитическую атмосферу.

Одним из первых значимых документов, принятых АСЕАН в отношении ситуации в ЮКМ, стала Декларация по Южно-Китайскому морю (Манильская декларация)³⁴⁴ от 22 июля 1992 г., в которой страны-члены Ассоциации признали, что «неблагоприятное развитие событий» в ЮКМ «напрямую угрожает миру и стабильности в регионе» и призвали стороны проявить «сдержанный подход», совместно принимать меры по укреплению доверия и провести переговоры по кодексу поведения сторон с целью способствовать мирному разрешению данной проблемы без использования силы. Тем не менее, в дальнейшем позиция АСЕАН была не столь однозначной: коррективы в отношения между странами-членами внесли Азиатский финансовый кризис 1997-98 гг. и вступление новых членов (Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа). В результате Ассоциация оказалась неспособна адекватно отреагировать на целый ряд серьезных кризисов: китайско-вьетнамское противостояние в Тонкинском заливе в 1997 г. (в итоге завершилось подписанием двустороннего соглашения), закрепление Пекина на рифе Мисчиф в 1998 г. и оккупация

³⁴³ Vietnam's Sovereignty over Hoang Sa and Truong Sa archipelagos [Electronic resource] // CIA. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP08C01297R000300180007-5.pdf> (last visited: 17.02.2018).

³⁴⁴ ASEAN Declaration on the South China sea [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – Mode of access: <http://www.asean.org/3634.htm> (last visited: 17.02.2018).

Малайзией двух атоллов архипелага Спратли в 1999 г. Системность данной проблемы, а также неготовности или даже неспособности АСЕАН к ее устранению, ярко демонстрирует ее реакция на военный переворот в Мьянме в 2021 г., показавший тотальный разноречивый взгляд членов объединения на происходящие в регионе процессы.

Одним из наиболее значимых шагов, предпринятых АСЕАН на треке урегулирования территориальных споров в ЮКМ, стала заключенная в ноябре 2002 г. Декларация о поведении сторон в Южно-Китайском море. Подписание упомянутого документа позволило существенно сократить напряженность в районе спорных акваторий и предотвратить ухудшение ситуации, а также заложило основу для дальнейшего движения по пути мирного урегулирования. Так, в Декларации содержатся обязательство обеспечения свободы судоходства, запрет на освоение незанятых объектов и обязательство проявлять «сдержанность в осуществлении деятельности, которая могла бы усложнить или обострить спор»³⁴⁵, что на момент ее принятия стало своего рода прорывом на этом направлении.

С целью реализации положений Декларации в 2005 г. АСЕАН и Китай созвали Совещание старших должностных лиц по вопросам ее соблюдения, в ходе которого было достигнуто соглашение о создании Совместной рабочей группы (СРГ) для разработки руководящих принципов реализации и обеспечения совместных проектов. Несмотря на трудности процедурного характера, связанные с включенным в Устав АСЕАН 2008 г. положения о необходимости для государств-членов стремиться к разработке общих позиций при осуществлении внешних связей³⁴⁶, СРГ все же удалось согласовать рамочные принципы и начать работу по существу над юридически обязывающим кодексом поведения сторон. Его подписание и вступление в

³⁴⁵ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Electronic resource] // ASEAN website. – 2012. – October 17. – Mode of access: http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (last visited: 17.10.2017).

³⁴⁶ ASEAN Charter [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – Mode of access: <http://asean.org/asean/asean-charter/> (last visited: 17.02.2018).

силу в согласованный всеми сторонами срок было включено и в число приоритетов сингапурского председательства в Ассоциации, обозначенных на состоявшемся в феврале 2018 г. очередном ретрите глав МИД «десятки»³⁴⁷.

По итогам саммита все члены АСЕАН и Китай согласились на время переговоров по кодексу проявлять «сдержанность» и отказаться от провокационных действий в ЮКМ, а также способствовать укреплению взаимодействия в области экономики³⁴⁸. В то же время данное решение говорит, прежде всего, о практичном и прагматическом подходе данных государств к международным отношениям и нежеланием упускать экономическую выгоду в угоду политическим амбициям.

Усилия Ассоциации были также направлены на продвижение гуманитарного сотрудничества и взаимодействия в сфере безопасности, включая охрану окружающей среды, морские научные исследования, безопасность судоходства и связи на море, операции по поиску и спасению морских судов и борьбу с транснациональной преступностью. Инициатива была поддержана и в Пекине: в ноябре 2011 г. Китай объявил, что готов финансировать совместные проекты в этих сферах из специально созданного фонда.

Таким образом, от прогресса переговоров о кодексе поведения сторон, а также эффективности усилий по «умиротворению» участников конфликта в ЮКМ зависит не только успех урегулирования территориальных споров в данной акватории, но и авторитет АСЕАН как гаранта безопасности в Юго-Восточной Азии и уровень доверия к ней в регионе и мире. Безусловно, помимо общей позиции АСЕАН по ситуации в Южно-Китайском море каждый из десяти членов имеет собственные подходы к этой проблеме, сформировавшиеся под воздействием многих факторов.

³⁴⁷ MFA Press Release: Press Statement by the Chairman of the ASEAN Foreign Ministers' Retreat, Singapore [Electronic resource] // Singapore MFA official web-site. – 2018. – February 06. – Mode of access: <https://www1.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2018/02/Press-Statement-by-the-Chairman-of-the-ASEAN-Foreign-Ministers-Retreat-6-February-2018> (last visited: 05.07.2018).

³⁴⁸ Yong C. ASEAN stresses self-restraint in S.China Sea activities / Charissa Yong // The Straits Times. – 2018. February 07. – P.A8.

Большинство исследователей в этой связи традиционно делит «десятку» на две условные группы: «участники» (Бруней, Малайзия, Филиппины и Вьетнам) и «неучастники» территориальных споров (Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд); в экспертном сообществе не сложилось единого мнения насчет Индонезии и Сингапура: с учетом их значительных экономических и геополитических амбиций в ЮКМ, они могут быть включены сразу в обе группы³⁴⁹.

Внутри групп позиции также разнятся: Вьетнам и Филиппины рассматривают конфликт в ЮКМ как острый вопрос национальной безопасности; Малайзия и Бруней предпочитают не идти на обострение противоречий, ограничиваясь в основном «рутинными» протестами по линии внешнеполитических ведомств; Индонезия и Сингапур вынуждены искать компромисс между амбициями на лидерство в ЮВА и экономическим взаимодействием с КНР; Лаос, Мьянма и Таиланд не имеют твердых позиций по этой проблеме и стараются в той или иной степени придерживаться политики нейтралитета; Камбоджа и вовсе готова поддержать любую сторону конфликта в обмен на помощь развитию³⁵⁰.

Что касается влияния конфликта в ЮКМ на взаимоотношения стран-членов АСЕАН и Китая, то здесь их также можно условно разделить на три «лагеря» (см. приложение 4):

- первый - «прокитайский»: Лаос, Камбоджа и отчасти Таиланд, предпочитающие экономическую помощь со стороны КНР «асеановской солидарности». В последние годы к подобной позиции начинает тяготеть и Бруней, хотя формально он не отказался от своих притязаний;

- второй – группа «формально нейтральных»: Сингапур, Индонезия и Мьянма – основные объекты политического «перетягивания каната»;

³⁴⁹ The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.

³⁵⁰ Там же.

- наконец, «антикитайский» блок: Вьетнам, в меньшей степени Филиппины и отчасти Малайзия. Они открыто ставят под сомнение китайскую аргументацию и выступают за максимальную интернационализацию территориальных споров с целью обеспечения их разрешения на основе международного права³⁵¹.

3.5. Мировые державы

Соединенные Штаты Америки, являются одним из, если не самым значимым внешним игроком, оказывающим влияние на территориальные споры в Южно-Китайском море и политические процессы, происходящие в рамках Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений. Несмотря на свое относительно удаленное географическое расположение, Вашингтон нередко характеризует себя как державу, «постоянно присутствующую в АТР» (Resident Pacific Power)³⁵².

Вопреки происходящему с начала XXI века постепенному смещению с Запада на Восток «локомотива» мирового экономического и политического развития и связанному с этим процессу движения существующей системы международных отношений к многополярности, США как мировая держава по-прежнему сохраняют заметное влияние на происходящие в Восточной Азии политические процессы. Кроме того, существенное военное присутствие американских войск в регионе (в частности, в опубликованной Министерством обороны США в 2015 г. Стратегии морской безопасности говорится о планах постоянного размещения в АТР до 60% ВМС США³⁵³) и разветвленная сеть военных союзов с государствами Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии (Япония, Республика Корея, Таиланд, Филиппины и др.)

³⁵¹ Majumdar M. The ASEAN Way of Conflict Management in the South China Sea / Munmun Majumdar // Strategic Analysis. — 2015. — №1 (39). — P. 73-87.

³⁵² The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. — New York: Routledge, 2015. — 221 p.

³⁵³ Asia-Pacific Maritime Security Strategy // US Department of Defense. — 2015. — Mode of Access: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (last visited: 05.07.2018).

обеспечивают Вашингтону статус участника существующей в настоящее время системы региональной безопасности³⁵⁴.

Понимание стратегического значения Восточноазиатского региона и важности наличия инструмента влияния на региональную подсистему международных отношений возникло в США достаточно поздно – с началом политической программы «возвращения в Азию», запущенной Президентом Б.Обамой и частично (по крайней мере, в областях обороны и безопасности) продолженной его преемником Д.Трампом.

При этом важно отметить, что территориальные споры в Южно-Китайском море как таковые не являются приоритетным направлением американской внешней политики. Основной упор внешнеполитической доктрины Б.Обамы был сделан на борьбу с международным терроризмом и устранение угроз национальной безопасности (включая противодействие распространению оружия массового уничтожения), укрепление трансатлантического партнерства (это направление при Д.Трампе как раз «просело»), а также диверсификацию отношений и модернизацию сети военных альянсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе³⁵⁵.

Администрация Д. Трампа, в свою очередь, сделала акцент на усилении экономических интересов и мощи США (концепция «America first»), переформатировании АТР в регион «свободной и открытой Индо-Пасифики» и выстраивании в его рамках «нового типа партнерства» с расположенными в нем государствами³⁵⁶. Примечательно, что в последней редакции «Национальной стратегии безопасности США» в качестве основных угроз

³⁵⁴ Киреева А.А. Соотношение сил великих держав в Восточной Азии: метод структурированной оценки / А.А.Киреева // Международные процессы. – 2013. – № 3-4 (34-35). – С.95-102.

³⁵⁵ National Security Strategy (February 2015) [Electronic resource] // US National Archive. – Mode of access: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (last visited: 09.09.2018).

³⁵⁶ Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе / А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. - №3. – С.128-145.

американской безопасности наравне с ядерной программой КНДР и проблемой КНР и Тайваня были обозначены Китай и Россия³⁵⁷.

С учетом привычных для американской стороны оценок политики этих двух государств как опасной и дестабилизирующей ситуацию в регионе, в Вашингтоне подчеркивают необходимость уделять большее внимание вопросам защиты акватории островов Дяоюйдао/Сенкаку в Восточно-Китайском море, осуществления военно-политической поддержки Республики Кореи, углубления взаимодействия с союзниками в области ПРО, борьбы с международным пиратством и усиления контроля над морскими торговыми путями. По мере нарастания напряженности в отношениях между США и КНР в американских правящих кругах все более активно лоббируется мысль о необходимости усиления американской поддержки, в т.ч. военной, Тайваню³⁵⁸.

Одним из немногочисленных концептуальных документов, где военно-морская активность КНР в Южно-Китайском море была выделена в качестве угрозы стратегическим интересам Соединенных Штатов, является принятая в 2015 г. Стратегия морской безопасности³⁵⁹. Там же отмечается и рост «агрессивности» китайской внешней политики в отношении американских союзников в регионе. В этой связи высокий приоритет отдается укреплению оборонного взаимодействия с ключевыми региональными и внерегиональными игроками (прежде всего, Индией и Японией) с целью сдерживания Китая и обеспечения реализации собственного видения региональной безопасности³⁶⁰.

³⁵⁷ National Security Strategy (December 2017) [Electronic resource] // the White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (last visited: 09.09.2018).

³⁵⁸ Gould J. US advances three arms sales packages to Taiwan [Electronic resource] / Joe Gould // Defense News. – 2020. – October 13. – Mode of access: <https://www.defensenews.com/congress/2020/10/12/us-advances-three-arms-sales-packages-to-taiwan/> (last visited: 18.10.2020).

³⁵⁹ Asia-Pacific Maritime Security Strategy [Electronic resource] // US Department of Defense. – 2015. – Mode of Access: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (last visited: 05.07.2018).

³⁶⁰ Боляtko A.B. Стратегия США в АТР и отношения с Китаем / A.B.Боляtko // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – Том 20. – С. 135-141.

Важно отметить, что с учетом существенно возросших военно-политических возможностей Китая США рассматриваются многими восточноазиатскими государствами (прежде всего странами Юго-Восточной Азии) фактически как единственная держава, способная сдерживать «китайскую агрессию» и поддерживать стабильность и безопасность в акватории Южно-Китайского моря. Понимают это и «за океаном»: в «Стратегии национальной безопасности США» 2017 г. отмечается, что «государства региона рассчитывают на устойчивое лидерство США в их коллективном ответе [Китаю] для сохранения регионального порядка, основанного на суверенитете и независимости»³⁶¹.

Похожий тезис неоднократно звучал из уст высокопоставленных американских госслужащих. Один из последних примеров: речь Госсекретаря США М.Помпео «по следам» 53-й встречи мининдел АСЕАН в сентябре 2020 г., в которой он выразил всемерную поддержку Ассоциации и готовность оказывать содействие в предотвращении милитаризации акватории ЮКМ³⁶². Чуть ранее, в июле 2020 г. США официально заявили о непризнании всех китайских притязаний на акваторию ЮКМ и расположенные в ней территориальные образования³⁶³.

В то же время, если проанализировать американскую внешнюю политику в мировом масштабе, то становится очевидным то, что ее целью всегда была, прежде всего, защита политических и экономических интересов США и крупного американского бизнеса. Рост экономического и политического влияния Китая, а также его вовлеченность в региональные интеграционные процессы Вашингтону, безусловно, не выгодны³⁶⁴. В зоне

³⁶¹ National Security Strategy (December 2017) [Electronic resource] // the White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (last visited: 09.09.2018).

³⁶² Yong C. Asean voices concern over activities in South China Sea [Electronic resource] / Charissa Yong // The Straits Times. – 2020. – September 13. – Mode of Access: <https://www.straitstimes.com/world/united-states/asean-voices-concern-over-activities-in-south-china-sea> (last visited: 18.10.2020).

³⁶³ Yong C. US Formally rejects China claims over S.China Sea / Charissa Yong // The Straits Times. – 2020. – July 15. – P.A11.

³⁶⁴ Сумский В.В. США и Китай в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] / В.В.Сумский // ПИР-Центр. – 2-13. – 16 октября. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/blog/view/id/144> (дата обращения: 07.07.2018).

риска, прежде всего, относительно свободный доступ американских боевых кораблей и авиации в стратегически значимую акваторию Южно-Китайского моря, а также потеря возможности контроля над морскими грузовыми перевозками и поставками энергоносителей в страны Восточной Азии. Кроме того, любые уступки Китаю в ЮКМ могут стимулировать его продолжить практику создания там идентификационных зон ПВО (такая зона в конце 2013 г. уже появилась в Восточно-Китайском море, где Пекин конфликтует с Токио за острова Дяоюйдао/Сенкаку³⁶⁵), что резко ограничит свободу маневра не только ВМС, но и ВВС США³⁶⁶. В свою очередь изменение сложившегося в регионе статуса кво в сторону дестабилизации ситуации по примеру Афганистана, Ливии и Сирии (равно как и более близких России примеров Украины и Белоруссии) может вполне идти в русле внешнеполитических интересов Соединенных Штатов. Кроме того, антикитайские выпады Вашингтона в отношении ЮКМ не означают автоматической поддержки притязаний оппонентов Пекина в этой акватории. Так, США выступают за безусловное обеспечение свободы навигации, в т.ч. военных судов, во всех водах, где это позволено международным правом. В то же время национальные законодательства Вьетнама, Малайзии и Индонезии запрещают или ограничивают мирный проход иностранных военных кораблей через их территориальные воды, и такая позиция также не находит понимания в США³⁶⁷.

В этом плане показателен иск Филиппин в Постоянную палату Третейского суда в Гааге, инициированный Манилой при неформальной поддержке Вашингтона примерно в одно время с началом американского

³⁶⁵ Терехов В. Китайская “опознавательная зона ПВО”: ошибка или стратегически выверенный шаг? [Электронный ресурс] / Владимир Терехов // Новое восточное обозрение. – 2014. – 08 января. – Режим доступа: <https://ru.journal-neo.org/2014/01/08/kitajskaya-opoznavatel-naya-zona-pvo-oshibka-ili-strategichesk-vy-verenny-j-shag/> (дата обращения: 07.07.2018).

³⁶⁶ Цветов А.П. Проблема Южно-Китайского моря в дискурсе отношений Вьетнам-США: динамика и значение / А.П.Цветов // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2015. – №28. – С.119-125.

³⁶⁷ Valencia M. J. The South China Sea: Back to the Future? [electronic resource] / Mark J. Valencia // Global Asia. – Mode of access: https://www.globalasia.org/v5no4/cover/the-south-china-sea-back-to-the-future_mark-j-valencia (last visited: 09.09.2018).

«поворота в Азию». Реальной его целью, по всей видимости, было не установить обоснованность территориальных претензий в Южно-Китайском море, а обострить конфликт в акватории ЮКМ и спровоцировать Китай на агрессивные действия. При этом США неоднократно подчеркивали, что спорные объекты в Южно-Китайском море не попадают под действие американо-филиппинского договора о взаимной обороне 1951 г., хотя в Маниле в момент подачи иска, по всей видимости, исходили из обратного³⁶⁸.

Рассматривая конфликт в Южно-Китайском море через призму собственных государственных интересов и как возможность оказать воздействие на Пекин, Вашингтон также активно расширяет сотрудничество с основными соперниками Китая в ЮКМ, прежде всего, Вьетнамом. С 2013 г. американо-вьетнамские отношения имеют статус «всеобъемлющего партнерства»³⁶⁹. Это стало возможным, несмотря на весьма напряженные в прошлом отношения, благодаря совпадению антикитайских векторов внешней политики этих стран и стремлению политическим путем сдержать расширение влияния КНР в регионе.

Ханой рассматривает присутствие США в регионе как своеобразный противовес давлению Китая в вопросе Южно-Китайского моря, особенно с учетом нейтралитета по проблеме ЮКМ и прочных стратегических связей с КНР другого важнейшего партнера Вьетнама – России. Вашингтон в свою очередь видит здесь новые возможности для расширения собственного влияния и окружения Китая сетью оборонных союзов с дружественными государствами с целью выровнять складывающийся в Восточной Азии дисбаланс военного и экономического потенциалов. Таким образом, укрепление обороноспособности и лояльности «регионалов», а также жесткая критика любой активности КНР в ЮКМ становится одним из важнейших приоритетов. Показательной в этом плане стала реакция США на размещение

³⁶⁸ DFA: Treaty obliges US to defend PH if attacked [Electronic resource] // Rappler. – 2014. – April 30. – Mode of access: <https://www.rappler.com/nation/56845-ph-treaty-obliges-us-west-ph-sea> (last visited: 07.07.2018).

³⁶⁹ Цветов А.П. Проблема Южно-Китайского моря в дискурсе отношений Вьетнам-США: динамика и значение / А.П.Цветов // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2015. – №28. – С.119-125.

Китаем в мае 2014 г. буровой нефтепромысловой установки «Haiyang Shiyou-981» (海 洋 石 油 -981) в районе Парасельских островов. В данной ситуации Вашингтон не изменил и своему курсу на распространение национальной юрисдикции на другие государства: после инцидента Сенат США принял резолюцию с требованием немедленного вывода платформы³⁷⁰. Примечательно, что Китай, взявший курс на выстраивание добрососедских отношений с АСЕАН, платформу в итоге вывел.

К аналогичным выводам пришел и американский Совет по международным делам (СМД)³⁷¹. По мнению экспертов СМД, в своей внешней политике в Восточной Азии Соединенным Штатам следует сосредоточиться на следующих направлениях.

1. Добиваться скорейшего принятия юридически обязывающего кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море. При этом рассматривается вариант его выработки без участия КНР с тем, чтобы в дальнейшем вынудить Китай выполнять его положения.
2. Укреплять военно-технический потенциал и взаимодействие в области обороны со странами АСЕАН, прежде всего, Вьетнамом, Филиппинами и Малайзией.
3. Противодействовать Китаю в хозяйственном освоении ресурсов Южно-Китайского моря, а также проведении им там военных учений и деятельности по искусственной модификации островов, в том числе с использованием возможностей ВМС США. Особо подчеркивается значимость недопущения создания в ЮКМ идентификационной зоны ПВО.

³⁷⁰ Thayer C. 4 Reasons China Removed Oil Rig HYSY-981 Sooner Than Planned [Electronic resource] / Carl Thayer // The Diplomat. – 2014. – July 22. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2014/07/4-reasons-china-removed-oil-rig-hysy-981-sooner-than-planned/> (last visited: 05.07.2018).

³⁷¹ Glaser B. Conflict in the South China Sea: Contingency Planning Memorandum Update [Electronic resource] / Bonnie S. Glaser // Council on Foreign Relations. – 2015. – April 07. – Mode of access: <https://www.cfr.org/report/conflict-south-china-sea> (last visited: 05.07.2018).

4. Заключить соглашение с КНР о правилах поведения при незапланированных столкновениях морских и воздушных судов (соответствующий документ был подписан в 2014 г.³⁷²).

Тем не менее, такой стратегией не учитывается ряд значимых факторов. Во-первых, конфликт в Южно-Китайском море – это не двустороннее противостояние по линии Китай-АСЕАН, а целый комплекс взаимных претензий шести государств и территорий, осложненный неурегулированностью отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива. Параллельное выстраивание союзнических отношений с теми же Вьетнамом и Филиппинами, конфликтующими в т.ч. и между собой, в надежде противопоставить их Китаю может поставить США перед сложной внешнеполитической дилеммой в случае обострения их двусторонних противоречий.

Во-вторых, КНР – не единственная страна, осуществляющая деятельность по хозяйственному освоению и милитаризации спорных территорий – подобной деятельностью в меру своих возможностей, гораздо более скромных по сравнению с китайскими, занимаются все участники территориальных споров. Таким образом, американская поддержка «регионалов» (пусть и неофициальная) не несет в себе добавленной стоимости в плане обеспечения свободы навигации в Южно-Китайском море, так как другие участники территориальных споров фактически преследуют те же цели, что и Китай, а именно – установление собственного контроля за частью акватории ЮКМ.

К тому же в реальности многие восточноазиатские государства подходят к развитию отношений с США весьма прагматично. Как отмечают даже американские эксперты, выход Соединенных Штатов из соглашения по Всестороннему региональному экономическому партнерству (ВРЭП) и

³⁷² Memorandum of Understanding (MOU) On the Rules of Behavior for the Safety of Air and Maritime Encounters [Electronic resource] // US Department of Defense. -2014. – Mode of access: http://archive.defense.gov/pubs/141112_MemorandumOfUnderstandingRegardingRules.pdf (last visited: 05.07.2018).

развязанная администрацией Д.Трампа «торговая война» с Китаем в перспективе может привести к изоляции США в том числе и в вопросе ЮКМ³⁷³.

Другой отличительной чертой американского внешнеполитического курса в Восточной Азии стало стремление обеспечить антикитайскую повестку дня на многосторонних региональных площадках по вопросам безопасности. Примерно с 2010 г. Соединенные Штаты активно критикуют китайские притязания в Южно-Китайском море на Региональном форуме АСЕАН по безопасности, Международной конференции по безопасности в Азии «Шангри-Ла диалог» и в других форматах³⁷⁴. С точки зрения Вашингтона, многосторонний формат обсуждения территориальных споров в ЮКМ не только дает возможность другим участникам конфликта выступить «единым фронтом» против Пекина, но и привлечь на свою сторону влиятельных внешних игроков – как минимум стран-членов АСЕАН и ее диалоговых партнеров. Кроме того, Вашингтон стремится максимально задействовать возможности своих ключевых союзников – Республики Кореи, Японии и Австралии, а также привлечь Индию к участию в процессах вокруг ситуации в ЮКМ. Логичными в этом ключе представляются и попытки «подтянуть» уровень вовлеченности некоторых отдельных лояльных Вашингтону государств ЕС до уровня диалогового партнерства (при том что сам Европейский Союз уже имеет такой статус).

Таким образом, можно заключить, что присутствие США в Восточной Азии имеет важное геополитическое значение. Во-первых, система американских военных союзов дает государствам, расположенным в данном регионе, но несопоставимым с КНР по военной мощи ощущение защищенности и безопасности. Во-вторых, вовлеченность Вашингтона в

³⁷³ Brattberg E. Why Trump's Tariffs May Push Europe Toward China and Russia [Electronic resource] / Erik Brattberg // the National Interest. – 2018. – June 3. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/why-trumps-tariffs-may-push-europe-toward-china-russia-26100?page=2> (last visited: 07.07.2018).

³⁷⁴ Терских М.А. США в территориальных спорах в Южно-Китайском море / М.А.Терских // Армия и общество. – 2015. – № 4 (47). – С.32-35.

региональные политические процессы несколько сужает пространство для геополитического маневра Пекина и несколько ограничивает его геополитические амбиции. В-третьих, Соединенные Штаты де факто выступают основным гарантом общепринятых международно-правовых норм (как минимум, в области морского права), и во многом их поддержка вовлеченных в территориальные споры в ЮКМ государств-членов АСЕАН не дает КНР «продавить» идеи, фактически ведущие к слому режима, сложившегося на основе общепризнанной Конвенции ООН по морскому праву.

В то же время вмешательство Вашингтона нельзя рассматривать и в качестве «универсального решения» всех проблем региона. В своей внешней политике Вашингтон исторически преследовал только собственные интересы, в т.ч. действуя в ущерб союзникам. С приходом к власти Д.Трампа эта тенденция только усилилась. Таким образом, несмотря на сформулированную в американских внешнеполитических документах приверженность поддержанию открытого и взаимовыгодного регионального порядка, в котором региональное лидерство США не является обязательным (совершенно очевидно, что в этом случае лидером должен стать кто-то из их союзников), представляется, что Соединенные Штаты стремятся структурировать его таким образом, чтобы выгодным он был, прежде всего, для них.

Еще одним существенным вопросом, который все чаще поднимается в экспертных кругах, является возможность скатывания американо-китайского противостояния (в котором, помимо ЮКМ, накопилась масса других противоречий, таких как проблемы Гонконга и Тайваня, торговая война, манипуляции на тему вины за пандемию коронавируса и т.д.) к стадии открытого вооруженного столкновения³⁷⁵. Тем не менее, развитие событий по такому сценарию представляется маловероятным: США в настоящее время

³⁷⁵ Tan Dawn Wei, Benjamin Kang Lim. Could the US-China cold war turn hot? / Tan Dawn Wei, Benjamin Kang Lim // The Sunday Times. – 2020. – August 16. – P.A18.

находятся в состоянии внутреннего раскола и в большей мере сосредоточены на внутренней политике. Кроме того, в Вашингтоне имеют негативный опыт кампании во Вьетнаме и осознают, что Китай – это ядерная держава. Пекин, в свою очередь, все еще слишком зависим от внешних рынков для поддержания достойного уровня жизни и экономического развития, а также понимает, что пока не в силах полноценно тягаться с США и их союзниками.

Не являясь прямым участником споров в отношении делимитации границ в Южно-Китайском море, **Япония**, как одна из крупнейших держав Азиатско-Тихоокеанского региона и вторая великая держава в рамках Восточноазиатского регионального комплекса безопасности, играет важную роль в происходящих здесь процессах.

В экономическом плане Токио заинтересован в обеспечении надежных морских торговых потоков. Хотя противоречия между Китаем, Тайванем и четырьмя странами ЮВА (Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией и Брунеем) носят в основном политический характер, Япония стремится воспрепятствовать перерастанию напряженности в вооруженный конфликт.

С дипломатической точки зрения Японии важно не допустить урегулирование споров на условиях, каким-либо образом ограничивающих ее право пользования акваториями. Кроме того, в Токио хорошо понимают, что любые невыгодные для него решения по ситуации в ЮКМ могут в дальнейшем применяться по аналогии и в других акваториях региона, прежде всего, Восточно-Китайском море (ВКМ), где Токио и Пекин оспаривают территориальную принадлежность островов Сенкаку/Дяоюйдао.

За последние десятилетия японская служба береговой охраны стала осуществлять все более активную деятельность в ЮКМ в ответ на угрозу морского пиратства в регионе³⁷⁶. Кроме того, значимость акваторий ЮКМ возросла после усиления присутствия военно-морских сил Японии в

³⁷⁶ Sato Y. Southeast Asian Receptiveness to Japanese Maritime Security Cooperation [Electronic resource] / Yoichiro Sato // Asia-Pacific Center for Security Studies. – 2007. – Mode of access: <http://apcss.org/Publications/Maritime%20security%20cooperation%20Japan-SE%20Asia%20Sato.pdf> (last visited: 11.08.2018).

Индийском океане в контексте военного вмешательства США в Афганистане и Ираке³⁷⁷ и контртеррористических операций в Аденском заливе. Свои действия Токио, как и Вашингтон, формально мотивирует необходимостью обеспечения свободы навигации и гарантий недопущения нарушения международного морского права со стороны кого-либо из участников территориальных споров. В то же время, представляется, что реальная причина заключается в стремлении максимально ограничить возможности Китая и вынудить его на компромисс в вопросе ВКМ³⁷⁸.

При этом важно отметить, что возможность подключения Японии к конфликту в ЮКМ в качестве еще одного участника (что актуально, например, для Индонезии) отсутствует. Несмотря на то, что в период Второй мировой войны Токио заявил о своих территориальных притязаниях на острова Спратли и даже оккупировал их, Сан-Францисский мирный договор, подписанный 8 сентября 1951 г., аннулировал все территориальные притязания Японии на острова в ЮКМ. Во второй статье договора однозначно зафиксировано, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на острова Спратли и Парасельские острова»³⁷⁹.

Тот факт, что Токио не занял четкую позицию по вопросу о суверенитете над островами Спратли, стал результатом политики холодной войны, усилившейся в процессе подготовки и обсуждения Сан-Францисского мирного договора, и отражением интересов западных держав, в первую очередь США и Франции. Япония намеренно воздерживалась от высказывания своей позиции в спорных вопросах, которая могла быть расценена как прямая или даже косвенная поддержка территориальных притязаний КНР и Вьетнама.

³⁷⁷ Sato Y. Three Norms of Collective Defense and Japan's Overseas Troop Dispatches / Yoichiro Sato // Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy / edited by Yoichiro Sato and Keiko Hirata. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – P.93–110.

³⁷⁸ Joint statement of the security consultative committee [Electronic resource] // MFA of Japan. – Mode of access: https://www.mofa.go.jp/na/st/page4e_000649.html (last visited: 09.09.2018).

³⁷⁹ Treaty of Peace with Japan [Electronic resource] // Office of the Historian. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v06p1/d570> (last visited: 12.04.2018).

Хотя напряженность в отношениях Китая с государствами ЮВА стала нарастать с начала 1970-х гг. (в основном из-за открытия там месторождений энергоресурсов), территориальные претензии Пекина оставались крайне расплывчатыми вплоть до 2009 г., когда он в ответ на обращение Вьетнама, Малайзии и Филиппин в Комиссию ООН по границам континентального шельфа приложил к своей ноте протеста карту, на которой была обозначена «девятипунктирная демаркационная линия». Именно с конца 2000-х гг. события в ЮКМ стали вызывать всю большую обеспокоенность у Токио.

Поступательный рост экономической и политической мощи КНР в последнее десятилетие также вызывает у Токио серьезное беспокойство³⁸⁰. С точки зрения Японии, набирающий силу Китай, являющийся второй крупнейшей экономикой мира, а также одним из государств с наибольшими военными расходами, уступающими лишь США, представляет серьезную угрозу ее собственным позициям и интересам в регионе. Особую обеспокоенность вызывают растущие военные расходы Пекина, в несколько раз превышающие японские, введение опознавательной зоны ПВО в Восточно-Китайском море, а также потенциальная возможность установления контроля за поставками энергоносителей через акваторию ЮКМ. Таким образом, одна из главных целей Токио – во взаимодействии с Вашингтоном не допустить доминирования Китая в Восточной Азии³⁸¹. С этой же целью японские власти выделяют значительные ресурсы и на институциональное развитие государств Юго-Восточной Азии³⁸².

Обострение японо-китайского конфликта вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао в начале 2010-х гг. продемонстрировало, что с усилением влияния КНР двусторонние отношения становятся все более напряженными, в особенности на морском пространстве. Показательно, что в ответ на

³⁸⁰ The Rise of China and International Security: America and Asia Respond Asian Security Studies [Kevin J. Cooney and others] ; Edited by Kevin J. Cooney, Yoichiro Sato. – New York: Routledge, 2009. – 264 p.

³⁸¹ Lee G. Audacity of Hope Deferred: Obama's East Asia Policy [electronic resource] / Lee Geun // Global Asia. – Mode of access: https://www.globalasia.org/v5no4/feature/audacity-of-hope-deferred-obamas-east-asia-policy_geun-lee (last visited: 09.09.2018).

³⁸² Japan ramping up activities in S.China Sea // the Straits Times. – 2016. – September 17. – P.A8.

инцидент, произошедший в сентябре 2010 г., когда рядом со спорными островами в Восточно-Китайском море произошло столкновение китайского рыболовного судна и японского патрульного корабля, Токио сосредоточился на укреплении связей в области безопасности с США на основе двустороннего альянса. Кроме того, японское правительство стало более активно поднимать проблему территориальных споров на международных площадках³⁸³.

В сентябре 2012 г. японское правительство заявило о национализации архипелага Сенкаку, выкупив землю у частных владельцев³⁸⁴, тем самым вызвав жесткую критику со стороны Пекина. Последовавшее за этим ухудшение отношений между двумя странами, а также акции протеста против национализации, включая участвовавшие заходы китайских судов береговой охраны в территориальные воды вблизи островов, побудили Японию перейти к более решительным мерам для защиты данной территории.

Начало 2010-х гг. было также отмечено повышением градуса напряженности и в ЮКМ. Так, в 2012 г. между Китаем и Филиппинами произошел пограничный конфликт возле рифа Скарборо, а в 2013 г. Пекин в одностороннем порядке объявил летний запрет на рыбную ловлю в акватории ЮКМ. Естественно, что японское правительство, имея похожие противоречия с Китаем и проводя параллели между территориальными спорами в Южно- и Восточно-Китайском морях, неоднократно выражало опасения на этот счет³⁸⁵.

В частности, подобную позицию высказал в 2013 г. Министр обороны Японии И.Онодэра, который провел прямую связь между конфликтами, заявив, что «японская сторона крайне обеспокоена тем, что такое развитие событий в Южно-Китайском море может повлиять и на ситуацию в Восточно-Китайском

³⁸³ The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. – New York: Routledge, 2015. – 221 p.

³⁸⁴ Япония национализировала спорные острова [Электронный ресурс] // Вести. – 2012. – 11 сентября. – Режим доступа: <http://radiovesti.ru/news/506481/> (дата обращения: 07.07.2018).

³⁸⁵ Status of activities by Chinese government vessels and Chinese fishing vessels in waters surrounding the Senkaku Islands committee [Electronic resource] // MFA of Japan. – 2016. – August 26. – Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/files/000180283.pdf> (last visited: 09.09.2018).

море»³⁸⁶. С этого момента администрация С.Абэ стала уделять первоочередное внимание проблеме ЮКМ и значительно усилило политическую и финансовую поддержку другим прибрежным странам региона.

В обоих конфликтах принципиальным для Токио вопросом является обеспечение свободы навигации и безопасности морских коридоров. По имеющейся статистике, по проходящим в ЮКМ морским торговым путям Япония импортирует 3,181 млн баррелей сырой нефти в день³⁸⁷, которая поставляется в основном с Ближнего Востока. По этим же путям осуществляется торговля Японии с ЕС (объем которой достиг 129,373 млрд. евро. в 2017 г.³⁸⁸) и странами-членами АСЕАН (239 млрд долл. США в 2015 г.³⁸⁹), составляющая 25,1% внешнеторгового оборота страны³⁹⁰. Следовательно, нестабильная ситуация в ЮКМ способна нанести урон японской экономике.

Так как действия Китая, Тайваня и стран ЮВА с начала 1970-х гг. изначально были направлены скорее на укрепление военного присутствия на островах и рифах Южно-Китайского моря и не являлись попыткой установить контроль над его акваторией, это позволяло Японии сохранять нейтралитет в отношении территориальных споров в ЮКМ. Оккупация КНР островов в 1980-е гг. затрагивала интересы Токио только в связи с возникновением ряда военных инцидентов, которые могли бы перерасти в крупный конфликт. Однако эти конфликты носили непродолжительный характер и были урегулированы мирным путем с помощью дипломатических усилий.

³⁸⁶ Japan vows to help Philippines amid China sea row [Electronic resource] // The Straits Times. – 2013. – June 27. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/asia/japan-vows-to-help-philippines-amid-china-sea-row> (last visited: 13.04.2018).

³⁸⁷ CIA World Factbook [Electronic resource] // CIA. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html> (last visited: 05.06.2018).

³⁸⁸ EU-Japan [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/japan/> (last visited: 05.06.2018).

³⁸⁹ Overview of ASEAN-Japan Dialogue Relations [Electronic resource] // ASEAN. - Mode of access: <http://asean.org/storage/2012/05/Overview-ASEAN-Japan-Relations-As-of-8-March-2017.pdf> (last visited: 05.06.2018).

³⁹⁰ Japan Customs database [Electronic resource] // Japan Customs. – Mode of access: <http://www.customs.go.jp> (last visited: 05.06.2018).

Тем не менее, все более выраженное с течением времени намерение Пекина превратить ЮКМ в свои внутренние воды, сопровождаемое активным сооружением военных объектов в его акватории, и в особенности модернизация Народно-освободительной армии Китая, вызывают значительную обеспокоенность у Токио. Четкое обозначение Пекином своих территориальных притязаний в ЮКМ в 2009 г. вынудило Японию перейти от сохранения нейтральной позиции в сторону более тесного взаимодействия с АСЕАН для продвижения инклюзивных механизмов разрешения конфликтов и усиления военно-морских средств патрулирования территории стран ЮВА. Как следствие, японское правительство поддерживает усилия государств ЮВА по строгому выполнению принятой в 2002 г. Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море и переговорный процесс по заключению юридически обязательного кодекса поведения. Япония последовательно поднимает вопросы обеспечения морской безопасности на многосторонних форумах таких, как Региональный форум АСЕАН, Восточноазиатский саммит, Совещание министров обороны стран-членов АСЕАН и партнеров по диалогу³⁹¹.

В частности, поддержка скорейшего подписания кодекса поведения сторон в ЮКМ четко озвучивается Японией, начиная с сессии Регионального форума АСЕАН по безопасности в июле 2010 г. Министр иностранных дел К.Окада выступил против позиции КНР относительно того, что споры между Китаем и АСЕАН должны решаться на двусторонней основе³⁹², опасаясь, что в этом формате Пекин просто «задавит» страны-члены Ассоциации поодиночке. К.Окада подчеркнул, что поддержание «мира и безопасности» и «безопасного морского сообщения» в ЮКМ имеет большое значение для

³⁹¹The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. – New York: Routledge, 2015. – 221 p.

³⁹² Press Conference by Minister for Foreign Affairs Katsuya Okada [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – 2010. – July 27. – Mode of access: http://www.mofa.go.jp/announce/fm_press/2010/7/0727_01.html (last visited: 13.03.2018).

экономического развития всех стран АТР³⁹³. На полях саммита он также провел встречу с госсекретарем США Х.Клинтон, на которой была подтверждена необходимость более тесного взаимодействия по вопросу территориальных конфликтов в ЮКМ³⁹⁴.

Японские правительственные круги также неоднократно выражали обеспокоенность действиями Китая в отношении рыбаков и судов стран АСЕАН. Так, в конце мае – начале июня 2011 г. китайские патрульные катера воспрепятствовали деятельности вьетнамского научно-исследовательского судна, которое проводило сейсмологические исследования в пределах исключительной экономической зоны Вьетнама. Хотя Токио не занял чью-либо сторону в инциденте, со стороны японского руководства прозвучали заявления об «интересах Японии в проблеме ЮКМ» и «надеждах на ее конструктивное обсуждение в рамках АРФ с целью мирного разрешения»³⁹⁵.

Более жесткая реакция Японии последовала в ответ на действия Китая в ЮКМ в 2012-2014 гг. (ограничение доступа филиппинских рыбаков на риф Скарборо, одностороннее объявление запрета на осуществление рыбной ловли, размещение нефтяной платформы вблизи Парасельских островов). Так, министры иностранных дел и обороны Японии и Австралии на встрече в формате 2+2 в июне 2014 г. «подтвердили важность поощрения верховенства права, регионального мира и стабильности, беспрепятственной торговли, свободы навигации и пролетов над открытым морем» и «решительно выступили против использования силы или принуждения для изменения в одностороннем порядке статуса кво в Восточно- и Южно-Китайском морях»³⁹⁶.

Позиция администрации С.Абэ по территориальным спорам в Восточной Азии была изложена в сентябре 2016 г. на 192-й сессии японского

³⁹³ ASEAN Regional Forum [Electronic resource] // Japan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/conference/arf/index.html> (last visited: 13.03.2018).

³⁹⁴ Там же.

³⁹⁵ 18th ASEAN Regional Forum (ARF) Ministerial Meeting [Electronic resource] / MFA of Japan. – Mode of access: https://www.mofa.go.jp/announce/jfpu/2011/7/0727_02.html (last visited: 09.09.2018).

³⁹⁶ Fifth Japan-Australia Joint Foreign and Defense Ministerial Consultations (“2+2”) [Electronic resource] / MFA of Japan. – Mode of access: https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/au/page3e_000188.html (last visited: 09.09.2018).

парламента. В частности, Премьер-министр Японии заявил: «Односторонние попытки изменить статус-кво неприемлемы нигде в мире, включая Восточно-Китайское море и Южно-Китайское море. Все проблемы должны быть разрешены мирным и дипломатическим путем, основанным на международном праве, а не путем применения силы. Кроме того, мы будем решительно защищать территориальное, морское и воздушное пространство Японии. Тем самым я заверяю, что мы будем защищать их с твёрдой решимостью»³⁹⁷.

Японские власти выступили в поддержку вердикта Гаагского арбитража, вынесенного 12 июля 2016 г., и выразили готовность способствовать его выполнению³⁹⁸, отметив, что без помощи международного сообщества в выработке «правил игры» в регионе страны АСЕАН с учетом разности их позиций и уровня отношений с КНР и друг с другом не смогут сделать какие-либо конкретные шаги для разрешения конфликта в ЮКМ. Не остались без внимания администрации С.Абэ и вьетнамские шаги по милитаризации ЮКМ, что говорит о понимании японскими властями комплексного характера проблемы.

По мнению Президента Токийского фонда М.Акиямы, способствовать поиску выхода из конфликтной ситуации в Южно-Китайском море может создание в рамках формата АСЕАН+Китай специальной рабочей группы наблюдателей из представителей заинтересованных неприморских стран³⁹⁹.

Таким образом, в последние годы внимание Японии к региону ЮКМ значительно усилилось. Вместе с тем Япония продолжает воздерживаться от открытой поддержки какого-либо государства-участника конфликта, исходя из необходимости четкого соблюдения Конвенции ООН по морскому праву и

³⁹⁷ Policy Speech by Prime Minister to the 192th Session of the Diet [Electronic resource] // Japan Prime Minister website. – 2016. – September 26. – Mode of access: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201609/1219316_11015.html (last visited: 02.10.2017).

³⁹⁸ Press Conference by Foreign Minister Fumio Kishida [Electronic resource] // Japan Ministry of Foreign Affairs. – 2016. – July 15. – Mode of access: http://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken5e_000290.html#topic4 (last visited: 02.10.2017).

³⁹⁹ Masahiro A. Use of Seas and Management of Ocean Space: Analysis of the Policy Making Process for Creating the Basic Ocean Law / Akiyama Masahiro // Ocean Policy Studies. – 2010. - №5. – P. 1-28.

во многом опираясь в данном вопросе на позицию Вашингтона. Представляется, что в обозримом будущем Токио продолжит проявлять всё большую активность в регионе, учитывая его стратегическое положение, проходящие здесь основные морские пути, обеспечивающие страну необходимыми ресурсами, а также потенциальную возможность влияния территориальных споров в ЮКМ на развитие японо-китайского конфликта вокруг спорных островов.

При анализе политических процессов, происходящих в Восточной Азии в целом и в ЮКМ в частности, вне поля зрения многих исследователей, на наш взгляд, незаслуженно часто остается такой значимый региональный игрок, как **Индия**.

Несмотря на то, что это государство географически расположено вне восточноазиатского региона, его постоянное экономическое, политическое и отчасти военное присутствие здесь очевидно. Кроме того, интересам этой страны никак не соответствуют планы Китая, используя турбулентность в данном регионе, зафиксировать свой новый геополитический статус, устранить конкуренцию со стороны других «центров силы», а также вписать государства ЮВА в свою систему «стратегических партнерств».

Все более весомым становится и вклад Индии в региональную экономику. Особенно индийское участие заметно в Юго-Восточной Азии: в 2017 г. товарооборот со странами-членами АСЕАН достиг 60 млрд. долл. США, выведя Нью-Дели на позицию четвертого крупнейшего торгового партнера Ассоциации⁴⁰⁰.

В данном контексте особенно кстати для Нью-Дели пришлась взятая «на вооружение» Вашингтоном концепция формирования Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) с ареалом от западного побережья США до восточной Африки, который должен прийти на смену АТР и где руководящую роль должна будет играть «четверка демократий» в составе США, Японии, Индии и Австралии.

⁴⁰⁰ ASEAN- India Relations [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of India. - 2017. - Mode of access: <http://mea.gov.in/aseanindia/20-years.htm> (last visited: 07.07.2018).

Примечательно, что само понятие «Индо-Тихоокеанский регион» в его политическом смысле было впервые введено в 2007 г. именно индийским экспертом, а в прошлом – офицером ВМС этой страны Гурпритом Хураной⁴⁰¹.

Стоит отметить, что в этом же году район Южно-Китайского моря был впервые обозначен как сфера индийских интересов в тексте национальной военно-морской доктрины «Свобода открытого моря», нацеленной на закрепление за страной статуса крупной морской державы к 2022 г.⁴⁰² В то же время этот документ, как и сменившая ее в 2015 г. доктрина «Обеспечение морской безопасности»⁴⁰³, носил явный оборонительный характер. Несмотря на то, что в упомянутых доктринах на ВМС Индии впервые возлагалась задача по обеспечению безопасности судоходства в Индо-Тихоокеанском регионе (до этого речь шла только о бассейне Индийского океана), Южно-Китайское море, тем не менее, было включено лишь в зону «второстепенных интересов» (в свою очередь в зоне «основных интересов» оказались только Индийский океан и Красное море) в связи с тем, что там расположены несколько т.н. «узловых точек», играющих жизненно важную роль для Индии с точки зрения международной торговли.

С 2014 г. Нью-Дели по аналогии с китайским «Морским Шелковым путем» также активно продвигает собственный проект «Маусам», предполагающий восстановление традиционных морских маршрутов вдоль Индийского океана с акцентом на исторических взаимосвязях, торговых путях и взаимосвязанности культур на пространстве так называемого «индийского Средиземноморья»⁴⁰⁴, что очень напоминает используемую Пекином «историческую» аргументацию.

⁴⁰¹ Gurpreet S Khurana, 'Security of Sea Lines: Prospects for India-Japan Cooperation', Strategic Analysis (IDSA/ Routledge), Vol. 31 (1), January 2007, p.139 – 153

⁴⁰² Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy (2007) [Electronic resource] //Adelis.net . – 2007. – Mode of access: <http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf> (last visited: 07.07.2018).

⁴⁰³ Indian Maritime Doctrine [Electronic resource] / Indian Navy. – 2015. – Mode of access: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf> (last visited: 09.09.2018).

⁴⁰⁴ Воскресенский А.Д. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности / А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова, А.А.Киреева // Сравнительная политика. — 2017. — №2. — С. 37-57.

Постепенное подключение Индии к происходящим в рамках ВРП МО процессам началось еще в 1991 г. с запуском политики «Смотри на Восток» (Look East Policy)⁴⁰⁵. Во многом этому способствовали ее растущие геополитические амбиции в условиях крайне медленного развития взаимодействия с государствами Южной Азии. Кроме того, выход на площадку Восточной Азии – экономически и политически значимого региона – рассматривался в Нью-Дели как важный шаг к превращению страны в новый глобальный центр силы⁴⁰⁶. В качестве важной задачи также рассматривается диверсификация круга партнеров, прежде всего, за счет углубления связей с «десяткой» АСЕАН, Японией и Республикой Кореей. Существенным шагом на этом направлении стало активное участие Индии в Восточноазиатских саммитах (ВАС) с момента запуска этого формата в 2005 г. С целью расширить свое влияние в регионе активно используются и возможности многочисленных индийских общин в государствах-членах АСЕАН⁴⁰⁷.

Ситуация в Южно-Китайском море, безусловно, вызывает в Нью-Дели серьезное беспокойство по ряду причин. Во-первых, Индия не меньше других участников международной торговли заинтересована в обеспечении свободы навигации в данной акватории. Доминирование там КНР рассматривается индийским руководством в качестве потенциальной угрозы собственным внешнеторговым операциям, объем которых существенно вырос после образования ЗСТ с Японией⁴⁰⁸, Южной Кореей⁴⁰⁹ и АСЕАН⁴¹⁰.

⁴⁰⁵ Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.

⁴⁰⁶ Лебедева Н.Б. Южно-Китайское море: «окно» Индии в АТР. Часть 1 / Н.Б. Лебедева // Азия и Африка сегодня - 2014. - №2. – С.9-13.

⁴⁰⁷ Scott D. India's "Extended Neighborhood" Concept / David Scott // India Review. – 2009. – Vol. 8. - №2. – P.107-143.

⁴⁰⁸ Japan-India Economic Partnership Agreement [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. - 2011. - June 30. - Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/india.html> (last visited: 07.07.2018).

⁴⁰⁹ India-Korea Economic Partnership Agreement [Electronic resource] // Ministry of Ministry of Commerce and Trade of India. - 2009. - Mode of access: <http://commerce.nic.in/trade/INDIA%20KOREA%20CEPA%202009.pdf> (last visited: 07.07.2018).

⁴¹⁰ ASEAN- India Relations [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of India. - 2017. - Mode of access: <http://mea.gov.in/aseanindia/20-years.htm> (last visited: 07.07.2018).

Во-вторых, Индия, которая, как и Китай, существенно зависит от импорта энергоресурсов, заинтересована в разработке шельфовых нефти и газа в акватории ЮКМ в партнерстве с прибрежными государствами. В то же время ведущие индийские нефтедобывающие корпорации в 2000-10 гг. были вынуждены выйти из нескольких крупных совместных с Вьетнамом проектов под давлением, а в некоторых случаях и открытым противодействием со стороны Пекина. Более того, серия инцидентов с задержанием, а по некоторым данным обстрелам, индийских судов в спорных китайско-вьетнамских водах ⁴¹¹ привела к очередному обострению в отношениях двух азиатских гигантов: глава ВМС Индии Д.К.Джоши неоднократно заявлял о готовности направить боевые корабли в ЮКМ для защиты интересов индийского государства и корпораций ⁴¹². Тем не менее, в Нью-Дели хорошо осознавали, что даже несмотря на международную поддержку со стороны США, Сингапура и Филиппин Индия пока не имеет достаточных возможностей для полноценного противостояния с Китаем в Южно-Китайском море. В этой связи реализация спорных проектов была прекращена в обмен на подписание в 2012 г. крупнейшими индийскими и китайскими профильными компаниями соглашения о совместных поисках ресурсов в третьих странах ⁴¹³.

В-третьих, нестабильность ситуации в Южно-Китайском море осложняет взаимодействие Индии со странами-членами АСЕАН в области обороны. В этой области основным партнером Нью-Дели в восточноазиатском регионе является Ханой. Большое значение придается развитию военно-технического сотрудничества с Вьетнамом, в том числе путем увеличенной Индией до 800 млн. долл. США кредитной линии, предусматривающей приобретение продукции военного назначения. Стороны реализуют

⁴¹¹ Лебедева Н.Б. Южно-Китайское море: «окно» Индии в АТР. Часть 1 / Н.Б. Лебедева // Азия и Африка сегодня - 2014. - №2. - С.9-13.

⁴¹² Indian navy prepared to deploy to South China Sea [Electronic resource] / Reuters. – 2012. – December 3. – Mode of access: <https://in.reuters.com/article/south-china-sea-india-navy-oil-ongc/indian-navy-prepared-to-deploy-to-south-china-sea-idINDEE8B209U20121203> (last visited: 11.09.2018).

⁴¹³ Лебедева Н.Б. Южно-Китайское море: «окно» Индии в АТР. Часть 1 / Н.Б. Лебедева // Азия и Африка сегодня - 2014. - №2. - С.9-13.

договоренности о поставках из Индии катеров береговой охраны и обучении военнослужащих в профильных вузах. В рамках индийско-вьетнамского стратегического партнерства ВМС Индии был предоставлен доступ к базе в Камрани и портам в Нха Транге и Холонге⁴¹⁴. Регулярные военные учения, в т.ч. в акватории ЮКМ, проводятся также совместно с Сингапуром⁴¹⁵ и Малайзией⁴¹⁶. Подобные маневры нередко проходят и в многостороннем формате – в июне 2018 г. в них были также задействованы боевые корабли из США, Японии и Филиппин⁴¹⁷, что явно говорит о тенденции к более активному вовлечению Индии в региональное стратегическое взаимодействие конкурентами КНР.

Индия оказала фактическую поддержку Филиппинам в вопросе выбора путей разрешения территориального спора с КНР в ЮКМ, выступив в пользу иска в Гаагский арбитраж. Для подкрепления своего подхода индийцы настойчиво приводят в пример успешное разрешение вопроса о морской границе с Бангладеш в августе 2014 г. на основе судебного разбирательства. Кроме того, обращает на себя внимание, что в принятом по итогам визита в индийскую столицу Министра иностранных дел Филиппин А. дель Розарио (октябрь 2015 г.) совместном заявлении наряду с термином «Южно-Китайское море» употребили продвигавшееся Манилой наименование «Западно-Филиппинское море»⁴¹⁸.

⁴¹⁴ Хроленко А. Камрань в фокусе тихоокеанских приоритетов России [Электронный ресурс] / А.Хроленко // РИА-Новости. – 2015. – 04 апреля. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20150403/1056421003.html> (дата обращения: 15.09.2017).

⁴¹⁵ Parameswaran P. India, Singapore Hold Army Exercise [Electronic resource] / Prashanth Parameswaran // the Diplomat. – 2017. – March 21. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/03/india-singapore-hold-army-exercise/> (last visited: 07.07.2018).

⁴¹⁶ Rajagopalan R.P. India, Malaysia Kick Off Military Exercise [Electronic resource] / Rajeswari Pillai Rajagopalan // the Diplomat. – 2018. – May 04. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/05/india-malaysia-kick-off-military-exercise/> (last visited: 07.07.2018).

⁴¹⁷ Singapore Exercises with India, Japan, the Philippines and the United States Navies in Group Sail to Exercise RIMPAC [Electronic resource] // Ministry of Defense of Singapore. – 2018. – June 24. – Mode of access: https://www.mindef.gov.sg/web/portal/mindef/news-and-events/latest-releases/article-detail/2018/june/24jun18_nr (last visited: 07.07.2018).

⁴¹⁸ Joint Statement: Third India-Philippines Joint Commission on Bilateral Cooperation [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of India. – 2015. – October 14. – Mode of access: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-detail.htm?25930/Joint+Statement++Third+IndiaPhilippines+Joint+Commission+on+Bilateral+Cooperation> (last visited: 07.07.2018).

В ответ на китайскую программу строительства авианосцев индийским руководством был разработан план модернизации военно-морских сил, в рамках которого к 2020 г. на вооружение должны быть приняты минимум 3 авианосца, 31 подводная лодка, в т.ч. с атомными реакторами и более 50 боевых кораблей различных классов⁴¹⁹. Подобное усиление ставит своей целью дать индийским ВМС возможности нести службу и проводить операции вне акватории Индийского океана, а также противодействовать браконьерству, пиратству и другим угрозам безопасности. Кроме того, важнейшей задачей Нью-Дели остается и защита собственной сферы влияния в упомянутой акватории, куда постепенно начинают распространяться и китайские интересы⁴²⁰. Особое беспокойство индийской стороны вызывает китайская стратегия «Нить жемчуга», суть которой сводится к созданию сети «опорных пунктов» в дружественных странах Азии и Африки⁴²¹. Ее успехи наиболее заметны в таких странах, как Бангладеш, Пакистан, Мьянма, Сейшельские острова, Шри-Ланка.

В то же время усугубление противоречий с Китаем, с которым Индия имеет ряд нерешенных территориальных и других споров, не отвечает индийским интересам. Нью-Дели вынужден учитывать угрозы, связанные с наращиванием китайско-пакистанского стратегического партнерства, а также ростом военного присутствия КНР в акватории Индийского океана, которую индийцы рассматривают как зону своего непосредственного влияния⁴²². Важное значение имеет и то, что Китай – один из ведущих торговых партнеров Индии. В целях преодоления негативных тенденций, укрепления доверия, наращивания конструктивного взаимодействия Нью-Дели в последние годы

⁴¹⁹ India - Navy Modernization [Electronic resource] // Global Security. – Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/india/in-navy-development.htm> (last visited: 07.07.2018).

⁴²⁰ Shukla A. Chinese warships return to South China Sea as Indian Navy continues heavy deployment around Maldives [Electronic resource] / Ajai Shukla // Business Standard. – 2018. - February 20. – Mode of access: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/chinese-warships-return-to-south-china-sea-118022000890_1.html (last visited: 07.07.2018).

⁴²¹ Baker B. Where Is the 'String of Pearls' in 2015? [Electronic resource] / Benjamin David Baker // the Diplomat. – 2015. – October 05. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2015/10/where-is-the-string-of-pearls-in-2015/> (last visited: 07.07.2018).

⁴²² Зайцев М.С. О военной стратегии Индии / М.С.Зайцев // Вестник МГИМО. – 2017. - №2(53). – С.52-70/

заметно активизировал контакты с Пекином на высшем и высоком уровнях, развивает двусторонние межчеловеческие и культурные связи. С другой стороны, неготовность КНР идти на компромисс в Кашмирском конфликте и стремление США глубже вовлечь Индию в дела АТР (чего стоит одна только подмена понятия «Азиатско-Тихоокеанский регион» на «Индо-Тихоокеанский регион») могут в обозримом будущем привести и к смене внешнеполитических приоритетов Нью-Дели.

Активное, если не «форсированное» продвижение иностранными политиками и экспертами термина «Индо-Тихоокеанский регион», где даже из самого названия ясно, что одним из системообразующих элементов этого геополитического образования должна стать Индия однозначно свидетельствует о планах коллективного Запада «перетянуть» эту важнейшую страну с ее огромным потенциалом на свою сторону, расширив тем самым собственные стратегические возможности. Льстит индийцам и почетный статус «самой многочисленной демократии мира», негласно противопоставленной «китайскому авторитаризму».

Согласно многочисленным оценкам зарубежных политологов и специалистов по проблемам Азии, концепция Индо-Тихоокеанского региона имеет явную антикитайскую направленность и создается в качестве противовеса основополагающей инициативе КНР «Один пояс - один путь». Что касается участия Индии в новом образовании, то здесь учитываются непростые отношения Дели с Пекином, соперничество двух стран на Азиатском континенте, разделяемая Индией с Соединенными Штатами, Японией и многими странами Азии озабоченность по поводу действий Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Таким образом, территориальные споры в ЮКМ могут стать весомым аргументом для сторонников концепции ИТР, стремящихся к переформатированию регионального пространства и «подтягивания» в данных регион союзников США, включая Индию.

Австралия является еще одним значимым актором, влияющим на происходящие в Восточной Азии политические процессы, во многом благодаря плотному многоформатному взаимодействию Канберры с государствами Юго-Восточной Азии⁴²³.

Весьма дружественный характер австралийско-асеановских отношений подтверждается хотя бы той легкостью, с которой ведущие региональные СМИ растиражировали некорректную цитату Президента Индонезии Дж. Видодо, якобы пригласившего Австралию вступить в АСЕАН⁴²⁴.

Естественно, что с учетом такого характера отношений территориальные споры в Южно-Китайском море не могли остаться вне поля зрения Канберры. По этому вопросу Австралия декларирует позицию равноудаленного нейтралитета. В основе ее позиции лежит предпосылка о необходимости неукоснительного соблюдения в этой акватории норм международного права, прежде всего, в сфере обеспечения свободы навигации. Одновременно здесь исходят из того, что политика на этом направлении не должна оказывать негативного эффекта на отношения с ключевыми партнерами в регионе⁴²⁵. Важное значение придается также поддержке процесса выработки и скорейшего заключения юридически обязывающего кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море, что с точки зрения Канберры, может повысить авторитет страны среди государств АСЕАН.

Рост нестабильности в Южно-Китайском море и связанных с ней угроз, таких как пиратство и терроризм, непосредственно затрагивают австралийские национальные интересы – около 60% ее морской торговли осуществляется через данную акваторию⁴²⁶. Обеспокоенность австралийских

⁴²³ Australia and Indonesia: no surprises [Electronic resource] // The Economist. – 2013. – November 23. – Mode of access: <https://www.economist.com/asia/2013/11/23/no-surprises> (last visited: 07.07.2018).

⁴²⁴ Indonesia open to idea of Australia as full ASEAN member [Electronic resource] // the Straits Times. – 2018. – March 16. – Mode of access: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/indonesia-wants-australia-as-full-asean-member> (last visited: 07.07.2018).

⁴²⁵ The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. – New York: Routledge, 2015. – 221 p.

⁴²⁶ Bateman S. What are Australia's interests in the South China Sea? [Electronic resource] / Sam Bateman // the Strategist. – 2015. – May 28. – Mode of access: <https://www.aspistrategist.org.au/what-are-australias-interests-in-the-south-china-sea/> (last visited: 07.07.2018).

властей вызывает и серьезная модернизация армии и флота восточноазиатских государств (во многом связанная с ростом напряженности ввиду нерешенных территориальных споров), что, с их точки зрения, лишает государства Запада существовавшего веками преимущества на море и дает им возможность в случае необходимости физически блокировать Австралию от остального мира. Косвенно эти опасения подтверждаются данными Стокгольмского международного института исследования проблем мира – в 2016 г. этот регион занял первое место по росту расходов на оборону (около 5%)⁴²⁷.

Еще один интерес Австралии в ЮКМ связан с задачами по развитию региональной интеграции и стимулированию международной торговли в этом регионе. С этой целью ею были подписаны соглашения о свободной торговле практически со всеми ключевыми государствами АТР. Канберра была одним из наиболее последовательных сторонников ВРЭП, даже несмотря на выход США из этого проекта. По мнению австралийских властей, поиск взаимоприемлемого решения территориальных споров в Южно-Китайском море мог бы придать новый политический импульс дальнейшему развитию интеграционных процессов. Стержневым элементом урегулирования здесь видится согласование юридически обязывающего кодекса поведения сторон в ЮКМ, содержащего конкретные меры по снижению напряженности и устанавливающего параметры создания многостороннего механизма разрешения споров. В то же время, по мнению австралийской стороны, подписание такого документа должно обязательно сопровождаться выработкой механизма гарантий его выполнения всеми прибрежными государствами.

Не исключают в Канберре и своего участия в решении споров в качестве посредника. В этом контексте обычно упоминаются австралийский вклад в создание Международной организации по оказанию помощи в развитии

⁴²⁷ SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security Summary [Electronic resource] // SIPRI. – 2017. – Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf> (last visited: 07.07.2018).

экономики государств Азиатского и Тихоокеанского регионов «План Коломбо» и продвижение образовательной инициативы «Новый план Коломбо»⁴²⁸, а также успешное участие в процессе мирного урегулирования в Камбодже⁴²⁹.

В качестве отправной точки к поиску решения конфликтной ситуации в Южно-Китайском море Австралия предлагает использовать уже имеющиеся наработки, в т.ч. подписанное в 2013 г. соглашение между Японией и Тайванем о рыболовстве в районе островов Дяоюйдао/Сенкаку в ВКМ⁴³⁰ или заключенный в 2015 г. аналогичный филиппино-тайванский договор по рыболовству в ЮКМ⁴³¹, в которых содержатся варианты компромиссного решения проблемы экономического освоения ресурсов спорных акваторий.

Руководство Австралии совместно с коллегами из США фокусирует свои усилия на привлечении внимания мирового сообщества к сюжету ЮКМ и вынесения его на повестку дня региональных многосторонних площадок. В Канберре подчеркивают, что возросшая активность КНР ведет к милитаризации АТР, создает риски для существующей системы обеспечения безопасности и свободы морской и воздушной навигации. Регулярно высказывается осуждение любых односторонних попыток изменить статус кво в спорных районах с помощью силы или угрозы ее применения, транслируется посыл о необходимости урегулирования исключительно политико-дипломатическими средствами на основе принципов международного права.

⁴²⁸ New Colombo Plan [Electronic resource] // Australia Department of Foreign Affairs and Trade. – Mode of access: <http://dfat.gov.au/people-to-people/new-colombo-plan/pages/new-colombo-plan.aspx> (last visited: 07.07.2018).

⁴²⁹ Evans G. Cambodia: The Peace Process [Electronic resource] / Gareth Evans // Australian National University. – Mode of access: <http://www.gevans.org/speeches/speech498.html> (last visited: 07.07.2018).

⁴³⁰ Republic of China (Taiwan) signs fisheries agreement with Japan Ministry of Foreign Affairs of Taiwan [Electronic resource] // Japan Ministry of Foreign Affairs. – 2013. – April 15. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=539A9A50A5F8AF9E&sms=37B41539382B84BA&s=E80C25D078D837BB (last visited: 07.07.2018).

⁴³¹ Taiwan and the Philippines sign agreement on law enforcement cooperation in fisheries matters [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Taiwan. – 2015. – November 11. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=1EADDCFD4C6EC567&s=200FD620B9CCE60B (last visited: 05.07.2018).

Китай также прилагает значительные усилия для лоббирования собственных интересов в австралийском правительстве: согласно только открытым источникам, с 2013 г. китайские корпорации предоставили австралийским партиям и политикам спонсорскую помощь в размере более 4 млн. долл. США⁴³². Существенное влияние оказывают и китайские инвестиции – австралийским властям даже пришлось заблокировать ряд крупных и весьма выгодных сделок с покупателями из КНР, чтобы не потерять контроль над крупнейшими национальными энергетическими корпорациями⁴³³.

Таким образом, Канберра оказалась перед нелегким выбором – смириться с доминированием Китая в Восточной Азии и выстраивать с ним взаимовыгодные торгово-экономические отношения или же остаться верными военно-политическому альянсу с США даже в ущерб собственным экономическим интересам.

Как отмечают западные эксперты, в Канберре осознают несовершенство своих нынешних подходов к территориальным проблемам в ЮКМ⁴³⁴. Подавляющее большинство австралийских специалистов высказывают опасения по поводу того, что проблематика ЮКМ приобретает ярко выраженный конфликтный потенциал, угрожающий «переливом» в форму локальной вооруженной конфронтации между США (в связке с их союзниками и основными асеановскими участниками территориальных споров) и КНР, а также подрывом архитектуры безопасности всего региона. Они сходятся во мнении, что Пекин сознательно проводит линию на дозированную дестабилизацию региональной обстановки путем «ползучего»

⁴³² Тимм Л. Как Китай пытается вытеснить Австралию из альянса с США [Электронный ресурс] / Лео Тимм // Великая Эпоха. – 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <https://www.epochtimes.ru/kak-kak-kitaj-pytaetsya-vytolknut-avstraliyu-iz-alyansa-s-ssha-99030237/> (дата обращения: 04.07.2018).

⁴³³ Rachman G. Why Australia's luck may be running out / Gideon Rachman // The Straits Times. – 2016. – August 17. – P.A21.

⁴³⁴ The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. – New York: Routledge, 2015. – 221 p.

превращения рифов в искусственные острова-базы и изменения таким образом регионального баланса сил в свою пользу.

В практическом плане ответная реакция Австралии на возросшую активность КНР в ЮКМ проявляется, в первую очередь, в уплотнении взаимодействия с США и Японией, включая наращивание оперативной и технической совместимости вооруженных сил, увеличение числа совместных учений, интенсификацию обменов в сфере развития военных технологий и НИОКР.

Продолжается процесс реализации договоренностей по дальнейшему расширению американского присутствия на территории «зеленого континента»: стратегической авиации, кораблей, ротационных (шесть месяцев в году) контингентов морских пехотинцев (к 2020 г. их численность планируется довести до 2500 чел.). Прорабатываются возможности создания дополнительной портовой инфраструктуры для захода судов надводного флота США. В финальной стадии находится проект формирования в Австралии регионального центра материально-технического обеспечения многофункциональных истребителей американского производства F-35A.

С приходом к власти в Индии в мае 2014 г. кабинета Н.Моди целенаправленно интенсифицировались усилия Канберры по военно-политическому «подтягиванию» к союзникам Нью-Дели: в июне 2015 г. был запущен стратегический диалог на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств в формате Австралия-Индия-Япония, с сентября 2015 г. проводятся австралийско-индийские учения VМС Ausindex, на ежегодной основе функционирует механизм консультаций между мининдел и минобороны двух стран в формате «2+2». Последовательно уплотняются связи Австралии с государствами ЮВА с акцентом на более тесный обмен информацией и разведданными в военно-морской сфере.

Вместе с тем, очевидно, что вариант втягивания Канберры в вооруженную конфронтацию с Пекином на стороне Вашингтона имеет низкую степень вероятности. Представляется, что в ближайшей перспективе

австралийцы все же сосредоточатся на попытках конструктивного вовлечения КНР в систему многостороннего регионального взаимодействия, основанную на общепризнанных принципах международного права. Однако это не исключает возможности участия кораблей австралийских ВМС и самолетов морской патрульной авиации в осуществляемых Вашингтоном операция по поддержанию «свободы навигации» в пределах 12-мильной зоны от намытых Пекином участков суши в спорных акваториях ЮКМ.

Россия является, пожалуй, одним из немногих значимых игроков в АТР, практически не вовлеченных в конфликт в Южно-Китайском море. В отличие от рассмотренных выше государств Россия стремится максимально дистанцироваться от участия в этих территориальных спорах и прилагает максимальные усилия, чтобы не быть втянутой в них на стороне одного из их участников.

Несмотря на тесные связи с Китаем и рядом стран АСЕАН, прежде всего, Вьетнамом, Москва традиционно выступает за проведение прямых переговоров между всеми вовлеченными сторонами в определяемом ими самими формате ⁴³⁵. Любые попытки интернационализации конфликта или посредничества нерегиональных сил рассматриваются нашей страной как контрпродуктивные.

В то же время Россия уделяет развитию событий в Южно-Китайском море пристальное внимание. Вмешательство третьих стран в территориальные споры в ЮКМ под предлогом обеспечения «свободы навигации», равно как и фактическое превращение ИЭЗ других стран в собственные внутренние воды под предлогом «исторического владения ими» представляются крайне опасными прецедентами в международно-правовой практике.

С другой стороны, нельзя не отметить, что нейтралитет в вопросе Южно-Китайского моря в определенной степени оказывает негативное влияние на отношения России с ее ключевыми партнерами в регионе – Китаем и

⁴³⁵ МИД РФ: Россия не будет втягиваться в споры в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 14 июля. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/3454520> (дата обращения: 04.07.2018).

Вьетнамом⁴³⁶, которые ожидают более активной позиции Москвы по этому вопросу. Особенно это актуально для Ханоя – сторонника максимальной интернационализации конфликта. При этом в экспертном сообществе достаточно распространена точка зрения, что российские подходы к проблематике ЮКМ все же ближе к китайским, т.к. оба государства выступают против втягивания в конфликт не участвующих в нем стран⁴³⁷.

Более того, в отдельные периоды российский нейтралитет был даже ближе к полному игнорированию данной проблемы, существующей далеко от ее границ и на фоне печального состояния страны после развала СССР, практически никак не влиявшей на ее интересы⁴³⁸.

В то же время в ситуации, когда наша страна активно восстанавливает свой статус как «глобального игрока», взаимодействие с Китаем и государствами Юго-Восточной Азии, ее «самоустранение» от такого серьезного вопроса, как ситуация в ЮКМ, уже не представляется возможным. С началом специальной военной операции на Украине, а особенно после провокационного визита спикера Палаты представителей Конгресса США Н.Пелоси на Тайвань, все чаще стали звучать мнения о том, что сложившаяся внешнеполитическая картина должна подтолкнуть Москву и Пекин к дальнейшему сближению позиций, в т.ч. и в вопросе Южно-Китайского моря. Отдельные исследователи считают, что в теории даже возможен вариант с «разменом» китайской поддержки по Украине на российскую в ЮКМ.

В связи с этим можно ожидать формирование в обозримом будущем более определенной позиции по данному вопросу и, возможно, даже концептуального «повышения» значимости для России региона Южно-

⁴³⁶ Федоров Н. В. Конфликт в Южно-Китайском море и российско-вьетнамские отношения / Н.В.Федоров // Управленческое консультирование. – 2016. - № 11. – С.27-38.

⁴³⁷ Цветов А.П. Вьетнамо-американское сближение в 2014-начале 2015 гг.: тенденции, мотивы, ограничения / А.П.Цветов // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2015. – № 26. – С.156–173.

⁴³⁸ Храмчихин А.А. Китайская дилемма России [Электронный ресурс] / А.А.Храмчихин // Независимая газета. – 2018. – 16 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/armies/2018-07-16/7_7267_dilemma.html (дата обращения: 11.09.2018).

Китайского моря в Концепции внешней политики Российской Федерации (на сегодняшний день он не обозначен там в качестве приоритета)⁴³⁹.

Отсутствие четкой позиции по проблеме Южно-Китайского моря в конечном итоге может привести к неспособности нашей страны вести самостоятельную внешнюю политику в этом регионе, т.к. восточноазиатские государства перестанут считать ее за реальную политическую силу.

Таким образом, для России ситуация в ЮКМ также является несет потенциальные риски. Фактическое отсутствие четкой позиции по данному сюжету, недооценивание происходящих в данном регионе процессов и самоустранение от них угрожает обернуться тем, что Россия «окажется за бортом» и не сможет оказать практически никакого воздействия на неизбежные изменения региональной подсистемы МО.

В этой связи нашей стране требуется придерживаться на этом направлении более определенной линии, максимизируя при этом свои выгоды при «размене» с заинтересованными сторонами по другим актуальным для нас сюжетам. Не меньшее значение играет и повышение роли и авторитета нашей страны на международной арене в целом за счет укрепления экономического потенциала и более активного применения «мягкой силы», продвижения позитивного имиджа и образа России как государства, с которой можно и нужно иметь дела.

Краткие выводы

1. Споры в ЮКМ приобретают все большее геополитическое, нежели экономическое значение. Напряженность вокруг ЮКМ часто используется как предмет торга или инструмент давления в отношениях между странами АСЕАН с Китаем и друг с другом.

⁴³⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // официальный сайт МИД России – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248

2. Несмотря на попытки ряда государств максимально интернационализировать проблемные моменты и разрешить территориальные споры при помощи международных структур, выработка жизнеспособного решения возможна только в формате серии двусторонних соглашений всех участников территориальных споров на основе норм международного права. В свою очередь договоренности, достигнутые в многосторонних форматах (например, по линии АСЕАН-КНР), могут выступать в качестве базовых установок для таких переговоров.
3. Установившийся в регионе статус-кво способствует более активному применению «мягкой силы» и расширению гуманитарного и культурного взаимодействия, которые в свою очередь используются в качестве инструментов форматирования регионального порядка.
4. Заметны попытки КНР превратить регион Восточной Азии в зону своего исключительного влияния. Демонстративно игнорируя нормы международного морского права о необходимости обеспечения «свободы навигации» в ЮКМ, апологетом которого являются США, КНР стремится показать свой статус державы-доминанта, по мощи и политическому влиянию не уступающей Соединенным Штатам (но только в масштабах региона). В то же время Пекину пока не удалось обеспечить военно-политическое и экономическое доминирование в указанном регионе.
5. Выработка комплексного и долгосрочного решения конфликтной ситуации в Южно-Китайском море представляется возможной только в случае наличия политической воли всех стран-участниц территориальных споров и дальнейшего продвижения мер по укреплению доверия. Развитие переговорного процесса по данной проблеме является одним из ключевых факторов, влияющим на внешнеполитический курс значительной части государств Восточной Азии.

6. Несмотря на имеющиеся различия в подходах США, Японии, Индии, Австралии и России к территориальным спорам в Южно-Китайском море и оценках притязаний участвующих в них сторон, все они сходятся на необходимости строгого соблюдения норм международного права в данной акватории. В то же время «вольные трактовки» самого термина «международное право» становится очередным инструментом изменения системы.
7. Фактор территориальных споров в ЮКМ постепенно превращается в геополитический инструмент сдерживания роста влияния КНР в Восточной Азии. При этом наиболее склонны его использовать Япония и США в целях создания внешней среды, неблагоприятной для продолжения дальнейшего успешного экономического развития КНР. Австралия и Индия придерживаются более сдержанной позиции, если ситуация в ЮКМ не затрагивает их национальных интересов. Россия же стремится и вовсе «абстрагироваться» от конфликта в Южно-Китайском море, пытаясь выстроить равноценные партнерские отношения с Китаем и государствами Юго-Восточной Азии.
8. Неурегулированность ситуации в Южно-Китайском море дает великим державам хороший предлог для усиления своего военного присутствия в регионе Восточной Азии, в т.ч. за счет расширения сети военных баз и проведения регулярных военно-морских учений.
9. Пассивность российской стороны по отношению к неправомерным с точки зрения международного права действиям участников территориальных споров, прежде всего Китая, в ЮКМ, потенциально может привести к существенному снижению ее влияния в странах Юго-Восточной Азии.

Заключение

В данном исследовании был проведен комплексный анализ территориальных споров в Южно-Китайском море и их роли в структурировании регионального порядка в Восточной Азии и форматировании Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений. В исследовании дан объективный обзор нормативно-правовых аспектов территориальных споров, а также экономического и геополитического значения ЮКМ для стран-участников Восточноазиатской региональной подсистемы международных отношений; рассмотрены основные элементы позиций сторон с точки зрения международного права; на основе теоретических моделей и концепций уточнена логика действий основных акторов ВРП МО, а также особенности их межгосударственных отношений, выявлена их роль в происходящих в этой связи политических процессах в АТР.

Данное исследование имеет ярко выраженное прикладное значение, которое заключается в возможности использования его результатов для лучшего понимания тактики и стратегии сторон в акватории Южно-Китайского моря, а также трендов и перспектив развития ситуации вокруг данного конфликта.

Сформулированные в главах диссертации по итогам анализа большого объема источников и литературы, а также фактологических материалов, в т.ч. о событиях 2015-2021 гг., выводы позволяют сделать некоторые обобщающие оценки.

Несмотря на достаточно длинную историю существования территориальных споров в Южно-Китайском море, определяющее значение для международных отношений этот конфликт приобрел только в 1990-х гг. в связи с фундаментальным изменением баланса сил, обусловленным крахом биполярной системы МО и переходом мира к реальной полицентричности, сопряженным с резким ростом экономического, политического и военного

потенциалов государств АТР. Не менее значимый фактор – обострение конкуренции Вашингтона и Пекина за возможность форматирования регионального порядка в собственных интересах. Представляется, что с этого периода развитие ситуации в Южно-Китайском море стало рассматриваться ими, а впоследствии и другими великими державами как геополитический инструмент влияния на региональную подсистему международных отношений.

Важно еще раз подчеркнуть, что территориальные споры в ЮКМ нельзя рассматривать как конфликт Китая с одной стороны и стран-членов АСЕАН с другой, как он нередко воспринимается не только властями ряда стран-членов «десятки», но и некоторыми западными экспертами-политологами. Помимо этого, необходимо четко разделять их на два направления: двустороннее китайско-вьетнамское противостояние из-за Парасельских островов и серия накладывающихся друг на друга претензий всех участников в отношении архипелага Спратли.

Принципиальное отличие территориальных споров в Южно-Китайском море от других региональных проблем заключается в том, что они ввиду своей комплексности и многофакторности не могут быть решены только великими державами. Таким образом, создается модель форматирования регионального порядка странами разной «весовой категории», но формально равными в рамках ООН. При этом сама международная организация и ее структуры в своем нынешнем виде на практике не имеют реальной возможности повлиять на этот процесс, де факто оставляя его «на откуп» заинтересованным сторонам.

Объективно недостаточен и потенциал АСЕАН как некоего «коллективного лидера», влияние которого могло бы составить альтернативу доминированию великих держав. Такая ситуация во многом связана с отсутствием у Ассоциации консолидированной позиции как в отношении территориальных споров в ЮКМ, так и касательно стратегии развития отношений с великими державами. Следовательно, государства Юго-Восточной Азии, за редким исключением, становятся не субъектами, а

объектами форматирования регионального пространства, осуществляемого великими державами.

К началу второго десятилетия XXI века сложилось два подхода к урегулированию ситуации в Южно-Китайском море. Первый – путем максимальной его интернационализации, т.е. поиска решения на площадках международных организаций или с участием международных посредников (США, Япония, Австралия, Вьетнам). Второй – на основе серии двусторонних договоренностей между всеми участниками конфликта (Китай, Россия). Здесь важно сделать оговорку, что все заинтересованные стороны, за исключением КНР (и здесь главное отличие китайской позиции от российской) подчеркивают, что решение, в каком бы формате оно не принималось, должно соответствовать общепризнанным нормам международного права.

Пекин, в свою очередь, сделал ставку на осторожное, но поступательное продвижение собственных интересов в ЮКМ, которое в целом способствовало укреплению его позиций и возможностей по контролю стратегических торговых путей и добычи природных ресурсов в данной акватории. При этом каких-либо существенных корректив в свой внешнеполитический курс на этом направлении китайские власти не вносили практически с возникновения рассматриваемого конфликта.

Таким образом, обострение ситуации и нарушение сложившегося в ЮКМ статуса кво выгодно не Китаю, а, наоборот, его основным соперникам в регионе – США и Японии, цель которых – создание внешней среды, неблагоприятной для продолжения дальнейшего успешного экономического развития КНР.

Позиция России, принципиально воздерживающейся от какого-либо участия в территориальных спорах в ЮКМ, хотя и была оправданной в прошлом, все же не соответствует уровню глобальной великой державы. Нейтралитет позволяет нашей стране углублять практическое взаимодействие со всеми государствами в АТР, но в перспективе несет риски серьезной потери влияния в данном регионе при условии отсутствия ее эволюции в будущем.

Важно также отметить, что споры в Южно-Китайском море приобретают все более геополитическое, нежели экономическое значение. Напряжённость вокруг ЮКМ часто используется как предмет торга или инструмент давления в отношениях между странами АСЕАН с Китаем и друг с другом. Так, характер китайско-вьетнамских связей с учетом глубины экономического взаимодействия и достигнутых договоренностей по Тонкинскому заливу дает основания предполагать, что в обозримом будущем стороны все-таки смогут достичь компромисса и по вопросу Парасельских островов. Данный архипелаг как предмет политического торга уже потерял для обоих государств практическую ценность – обе стороны понимают, что реальные шансы Ханоя вернуть эти территории весьма малы, а выгода от отказа от претензий в пользу КНР может быть весьма существенной. Также вероятен бесконфликтный сценарий развития ситуации и в случае с архипелагом Спратли, прежде всего, в отношении Брунея и Филиппин.

Наконец, в контексте «возвращения утраченных территорий» гораздо большую актуальность для Пекина представляет проблема Тайваня, без окончательного решения которой он вряд ли пойдет на серьезное обострение конфликта в Южно-Китайском море. По всей видимости, основной упор внешнеполитического курса КНР в обозримом будущем будет сделан на развитие практической кооперации без форсирования определения окончательного статуса островов Спратли.

Таким образом, выработка комплексного и долгосрочного решения конфликтной ситуации в Южно-Китайском море представляется возможной только в случае наличия политической воли всех стран-участниц территориальных споров и дальнейшего продвижения мер по укреплению доверия. Развитие переговорного процесса по данной проблеме является одним из ключевых факторов, влияющих на внешнеполитический курс значительной части государств Восточной Азии.

В заключение важно подчеркнуть, что к настоящему моменту конфликт в ЮКМ практически полностью потерял свою самостоятельность как вызов

региональной безопасности и приобрел новое геополитическое значение как инструмент воздействия великих и региональных держав на региональную подсистему международных отношений. Данной трансформации способствовал целый комплекс причин, в т.ч. резкое изменение баланса сил в регионе за счет значительного усиления КНР и определенного снижения присутствия США в АТР; постепенно набирающий обороты процесс стяжения регионов в макрорегион Большой Восточной Азии; сохраняющаяся десятилетиями неспособность современной ооноцентричной системы международных отношений адекватно отреагировать на вызов в ЮКМ в силу издержек и недостатков собственной структуры; неэффективность АСЕАН как политического объединения; как следствие – незаинтересованность основных акторов в поиске компромиссного варианта решения проблемы.

Парадоксально, но сохранение территориальных споров в ЮКМ в этой связи де факто выгодно ключевым крупным игрокам: Китай получает возможность оправдывать перед внутренним потребителем инвестиции в гражданскую и военную инфраструктуру на этих территориях, осваивать новые ресурсы, выстраивать сеть военно-политических альянсов; США, опираясь на сеть региональных военных баз, имеют повод оправдать свое присутствие в Восточной Азии, а также более оперативно и «легитимно» в глазах мировой общественности подтянуть туда своих ближайших союзников: Японию, Австралию, Индию и отчасти ЕС. Нормализация обстановки в ЮКМ на взаимовыгодных для участников терспоров условиях Вашингтону как раз не выгодна: в этом случае его военное присутствие там становится, как минимум, излишним. Кроме того, в США не могут не видеть непостоянство своих «опорных точек» в АСЕАН: и Вьетнам, и Филиппины, и тем более, Малайзия заметно склоняются то в одну, то в другую сторону в зависимости от политической конъюнктуры, и если вопрос с ЮКМ – главное противоречие с Пекином – будет успешно решен, ничто не мешает им променять «старую дружбу» с США на выгодные сделки с Китаем.

Единственные, кому действительно важно завершить конфликт – это страны АСЕАН, прежде всего Вьетнам и Филиппины – его условные «жертвы», у которых Пекин, с их точки зрения, отобрал острова. Они же несут основные экономические и военно-политические издержки, однако не имеют достаточных сил, даже коллективных, чтобы хоть как-то повлиять на обстановку.

Список использованных источников и литературы

Источники:

Национальные законодательные акты, концептуальные документы и официальные заявления:

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) [Электронный ресурс] // официальный сайт МИД России – Режим доступа: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248
2. ASEAN- India Relations [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of India. - 2017. - Mode of access: <http://mea.gov.in/aseanindia/20-years.htm> (last visited: 07.07.2018).
3. ASEAN Regional Forum Documents [Electronic resource] // ARF website. – Mode of access: <http://aseanregionalforum.asean.org/> (last visited: 05.07.2018).
4. Asia-Pacific Maritime Security Strategy // US Department of Defense. – 2015. – Mode of Access: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (last visited: 05.07.2018).
5. Chairman's Statement of the 20th ASEAN-China Summit [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – 2017. – November 13. – Mode of access: <http://asean.org/storage/2017/11/FINAL-Chairmans-Statement-of-the-20th-ASEAN-China-Summit-13-Nov-2017-Manila1.pdf> (last visited 17.02.2018).
6. DPP 10 Year Policy Outlook [Electronic resource] // DPP website. – 2011. – August 23. – Mode of access: <http://dpptaiwan.blogspot.com/2011/08/dpp-releases-10-yea-policy-outlook.html> (last visited: 05.05.2018).

7. EU-Japan [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/japan/> (last visited: 05.06.2018).
8. Fifth Japan-Australia Joint Foreign and Defense Ministerial Consultations (“2+2”) [Electronic resource] / MFA of Japan. – Mode of access: https://www.mofa.go.jp/a_o/ocn/au/page3e_000188.html (last visited: 09.09.2018).
9. Indian Maritime Doctrine [Electronic resource] / Indian Navy. – 2015. – Mode of access: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf> (last visited: 09.09.2018).
10. Joint Statement: Third India-Philippines Joint Commission on Bilateral Cooperation [Electronic resource] // Ministry of External Affairs of India. - 2015. - October 14. - Mode of access: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-detail.htm?25930/Joint+Statement++Third+IndiaPhilippines+Joint+Commission+on+Bilateral+Cooperation> (last visited: 07.07.2018).
11. Joint statement of the security consultative committee [Electronic resource] // MFA of Japan. – Mode of access: https://www.mofa.go.jp/na/st/page4e_000649.html (last visited: 09.09.2018).
12. MFA Press Release: Press Statement by the Chairman of the ASEAN Foreign Ministers' Retreat, Singapore [Electronic resource] // Singapore MFA official web-site. – 2018. – February 06. – Mode of access: <https://www1.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2018/02/Press-Statement-by-the-Chairman-of-the-ASEAN-Foreign-Ministers-Retreat-6-February-2018> (last visited: 05.07.2018).
13. National Security Strategy of the United States of America [Electronic resource] // The White House. – 2017. – December 18. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (last visited: 08.06.2018).

14. National Security Strategy (February 2015) [Electronic resource] // US National Archive. – Mode of access: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (last visited: 09.09.2018).
15. New Colombo Plan [Electronic resource] // Australia Department of Foreign Affairs and Trade. – Mode of access: <http://dfat.gov.au/people-to-people/new-colombo-plan/pages/new-colombo-plan.aspx> (last visited: 07.07.2018).
16. Overview of ASEAN-Japan Dialogue Relations [Electronic resource] // ASEAN. - Mode of access: <http://asean.org/storage/2012/05/Overview-ASEAN-Japan-Relations-As-of-8-March-2017.pdf> (last visited: 05.06.2018).
17. Philippine paper on ASEAN-China Zone of Peace, Freedom, Friendship and Cooperation (ZOPFF/C) in the WPS (SCS) [Electronic resource] // Maritime Institute of Malaysia. – Mode of access: <http://www.mima.gov.my/index.php/component/phocadownload/category/10-presentation-repository?download=140:2011-3-paper-01-philippines-perspective-and-options> (last visited: 17.10.2017).
18. Policy Speech by Prime Minister to the 192th Session of the Diet [Electronic resource] // Japan Prime Minister website. – 2016. – September 26. – Mode of access: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201609/1219316_11015.html (last visited: 02.10.2017).
19. Press Briefing by NSA for Strategic Communications Ben Rhodes and Admiral Robert Willard, US Pacific Command [Electronic resource] // The White House, Office of the Press Secretary. – 2011. – November 13. – Mode of access: www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/13/press-briefing-nsa-strategic-communications-ben-rhodes-and-admiral-rober (last visited: 05.07.2018).
20. Press Conference by Foreign Minister Fumio Kishida [Electronic resource] // Japan Ministry of Foreign Affairs. – 2016. – July 15. – Mode of access:

- http://www.mofa.go.jp/press/kaiken/kaiken5e_000290.html#topic4 (last visited: 02.10.2017).
21. Press Conference by Minister for Foreign Affairs Katsuya Okada [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. – 2010. – July 27. – Mode of access: http://www.mofa.go.jp/announce/fm_press/2010/7/0727_01.html (last visited: 13.03.2018).
 22. President Donald J. Trump's Foreign Policy Puts America First [Electronic resource] / the White House. – 2018. - January 30. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-foreign-policy-puts-america-first/> (last visited: 11.09.2018).
 23. President Ma proposes the East China Sea Peace Initiative, calls on all parties concerned to resolve Diaoyutai dispute peacefully [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=539A9A50A5F8AF9E&sms=37B41539382B84BA&s=8791CAB0BB21333B (last visited: 09.09.2018).
 24. President Ma addresses members of news media on their return from Taiping Island [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=8157691CA2AA32F8&sms=4F8ED5441E33EA7B&s=13CBC1E5343E58B7 (last visited: 09.09.2018).
 25. Republic of China (Taiwan) signs fisheries agreement with Japan Ministry of Foreign Affairs of Taiwan [Electronic resource] // Japan Ministry of Foreign Affairs. – 2013. – April 15. – Mode of access: https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=539A9A50A5F8AF9E&sms=37B41539382B84BA&s=E80C25D078D837BB (last visited: 07.07.2018).
 26. Status of activities by Chinese government vessels and Chinese fishing vessels in waters surrounding the Senkaku Islands committee [Electronic

- resource] // MFA of Japan. – 2016. – August 26. – Mode of access:
<https://www.mofa.go.jp/files/000180283.pdf> (last visited: 09.09.2018).
27. The government of the Republic of China (Taiwan) reiterates its sovereignty over the Spratly Islands and has proposed a Spratly Initiative that focuses on environmental protection instead of sovereignty disputes [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access:
https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=1EADDCFD4C6EC567&sms=5B9044CF1188EE23&s=61D41F36DC3331AE (last visited: 09.09.2018).
28. Statement of the Ministry of Foreign Affairs concerning the Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea signed by the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the People's Republic of China (PRC) in Cambodia on November 4, 2002 [Electronic resource] // Taiwan Ministry of Foreign Affairs. – Mode of access:
https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=0E7B91A8FBEC4A94&sms=220E98D761D34A9A&s=90E8913405634AB8 (last visited: 09.09.2018).
29. Taiwan and the Philippines sign agreement on law enforcement cooperation in fisheries matters [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Taiwan. – 2015. – November 11. – Mode of access:
https://www.mofa.gov.tw/en/News_Content.aspx?n=1EADDCFD4C6EC567&s=200FD620B9CCE60B (last visited: 05.07.2018).
30. 32nd ASEAN Summit - Outcome Documents [Electronic resource] // ASEAN website. – 2018. – April 27. – Mode of access:
https://www.asean2018.sg/Newsroom/Press-Releases/Press-Release-Details/Summit_Outcome_Documents (last visited: 05.07.2018).
31. 18th ASEAN Regional Forum (ARF) Ministerial Meeting [Electronic resource] / MFA of Japan. – Mode of access:
https://www.mofa.go.jp/announce/jfpu/2011/7/0727_02.html (last visited: 09.09.2018).

32. 2006 National Defense Report of the Republic of China [Electronic resource] // US-China Institute. – Mode of access: <https://china.usc.edu/sites/default/files/article/attachments/taiwan-2006-national-defense-report.pdf> (last visited: 05.07.2018).
33. 《中国的亚太安全合作政策》白皮书（全文）（Белая книга «Политика КНР по сотрудничеству в сфере безопасности в АТР»） [Электронный ресурс] // официальный сайт Госсовета КНР. - 2017. – 11 января. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1539907/1539907.htm> (дата обращения: 05.07.2018); Historical proof of Chinese rights for Spratly islands [Electronic resource] // MFA China website. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.cn/chn/pds/ziliao/tytj/t10648.htm> (last visited: 05.07.2018).
34. 中华人民共和国法律领海和毗连区域 (Закон КНР о территориальном море и прилегающей зоне) [Электронный ресурс] // официальный сайт ВСНП КНР. - 2000. – 5 декабря. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/05/content_4562.htm (дата обращения: 05.07.2018).
35. 《中国的军事战略》白皮书（全文）（Белая книга по военной стратегии КНР – Полный текст） [Электронный ресурс] // официальный сайт Пресс-службы Госсовета КНР. 2015. – 26 мая. – Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения: 11.03.2018).
36. 反分裂国家法 (Закон о территориальной целостности) [Электронный ресурс] // сайт ВСНП. – 2005. – 14 марта. – Режим доступа: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2005-05/08/content_341734.htm (дата обращения: 09.09.2018).
37. Indonesia Sebagai Poros Maritim Dunia (Индонезия как мировая морская ось) [Electronic resource] // official website

of the President of Indonesia. – 2015. – 13 November. – Mode of access: <http://www.presidenri.go.id/berita-aktual/indonesia-sebagai-poros-maritim-dunia.html> (last visited: 05.07.2018).

Международные соглашения и решения международных судебных органов:

38. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 04.12.2017).
39. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 04.03.2018).
40. Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде [Электронный ресурс] // UNEP/GEF South China Sea Project website. – Режим доступа: www.unepscs.org (дата обращения: 19.11.2017).
41. Соглашение об осуществлении положений Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г., которые касаются сохранения трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управления ими [Электронный ресурс] // Портал «Юридическая Россия». – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1293657> (дата обращения: 14.05.2018).
42. Соглашение об осуществлении Части XI Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву от 10 декабря 1982 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agreement_impl_lawsea.shtml (дата обращения: 14.05.2018).

43. Сан-Францисский мирный договор [Электронный ресурс] // История войны на Тихом океане. – Режим доступа: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (дата обращения: 09.09.2018).
44. Устав ООН [Электронный ресурс] // ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 09.09.2018).
45. ASEAN Charter [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – Mode of access: <http://asean.org/asean/asean-charter/> (last visited: 17.02.2018).
46. ASEAN Declaration on the South China sea [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – Mode of access: <http://www.asean.org/3634.htm> (last visited: 17.02.2018).
47. Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone [Electronic resource] // United nations. – Mode of access: https://www.gc.noaa.gov/documents/8_1_1958_territorial_sea.pdf (last visited: 09.09.2018).
48. Convention on the High Seas [Electronic resource] // United nations. – Mode of access: https://www.gc.noaa.gov/documents/8_1_1958_high_seas.pdf (last visited: 09.09.2018).
49. Convention on Fishing and Conservation of Living Resources of the High Seas [Electronic resource] // United nations. – Mode of access: https://www.gc.noaa.gov/documents/8_1_1958_fishing.pdf (last visited: 09.09.2018).
50. Convention on the Continental Shelf [Electronic resource] // Sedac. – Mode of access: <http://sedac.ciesin.columbia.edu/entri/texts/continental.shelf.1958.html> (last visited: 09.09.2018).
51. Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea [Electronic resource] // ASEAN. – 2012. – October 17. – Mode of access:

- http://asean.org/?static_post=declaration-on-the-conduct-of-parties-in-the-south-china-sea-2 (last visited: 28.08.2017).
52. Historical proof of Chinese rights for Spratly islands [Electronic resource] // MFA of China. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.cn/chn//pds/ziliao/tytj/t10648.htm> (last visited: 17.10.2017).
53. India-Korea Economic Partnership Agreement [Electronic resource] // Ministry of Ministry of Commerce and Trade of India. - 2009. - Mode of access: <http://commerce.nic.in/trade/INDIA%20KOREA%20CEPA%202009.pdf> (last visited: 07.07.2018).
54. Japan-India Economic Partnership Agreement [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. - 2011. - June 30. - Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/india.html> (last visited: 07.07.2018).
55. Memorandum of Understanding (MOU) On the Rules of Behavior for the Safety of Air and Maritime Encounters [Electronic resource] // US Department of Defense. -2014. – Mode of access: http://archive.defense.gov/pubs/141112_MemorandumOfUnderstandingRegardingRules.pdf (last visited: 05.07.2018).
56. The South China Sea Arbitration (The Republic of the Philippines v. the People's Republic of China) [Electronic resource] // PCA. 2016. – July 12. – Mode of access: <https://pcacases.com/web/sendAttach/1801> (last visited: 01.02.2018).
57. Treaty of Peace with Japan [Electronic resource] // Office of the Historian. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1951v06p1/d570> (last visited: 12.04.2018).

Статистические и фактологические данные:

58. Всероссийский научно-исследовательский институт геологии зарубежных стран [Электронный ресурс] // Росгеология. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.rosgeo.com/ru/content/oao-vserossiyskiy-nauchno-issledovatel'skiy-institut-geologii-zarubezhnyh-stran-oao> (дата обращения: 15.09.2017).
59. Состояние мирового рыболовства и аквакультуры. 2016 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i5555r.pdf> (дата обращения: 19.11.2017).
60. Annual Piracy and Armed Robbery against Ships in Asia. January-December 2017 Report [Electronic resource] // RECAAP. – 2018. – Mode of access: http://www.recaap.org/DesktopModules/Bring2mind/DMX/Download.aspx?Command=Core_Download&EntryId=605&PortalId=0&TabId=78 (last visited: 10.02.2018).
61. ASEAN Stats [Electronic resource] // ASEAN official web-site. – Mode of access: <https://data.aseanstats.org/trade.php> (last visited: 11.03.2018).
62. Assessment of Undiscovered Oil and Gas Resources of Southeast Asia [Electronic resource] // US Geographical Survey Fact Sheet 2010-2015. – 2010. – Mode of access: <http://pubs.usgs.gov/fs/2010/2015/pdf/FS10-2015.pdf> (last visited: 05.07.2018).
63. CIA World Factbook [Electronic resource] // CIA. – Mode of access: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ja.html> (last visited: 05.06.2018).
64. Center for Strategic and International Studies [Electronic resource] // CSIS website. – Mode of access: <https://www.csis.org/> (last visited: 05.07.2018).
65. Japan Customs database [Electronic resource] // Japan Customs. – Mode of access: <http://www.customs.go.jp> (last visited: 05.06.2018).

66. SIPRI Yearbook 2017: Armaments, Disarmament and International Security Summary [Electronic resource] // SIPRI. – 2017. – Mode of access: <https://www.sipri.org/sites/default/files/2017-09/yb17-summary-eng.pdf> (last visited: 07.07.2018).
67. South China Sea [Electronic resource] // US Energy Information Administration. - 2013. - February 7. - Mode of access: <https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.php?RegionTopicID=SCS> (last visited: 07.07.2018).
68. The South China Sea [Electronic resource] // US Energy Information Administration. – Electronic data. – 2013. – February 7. – Mode of access: www.eia.gov/countries/regions-topics.cfm?fips=SCS (last visited: 05.07.2018).
69. The Suez Canal Authority [Electronic resource] – Electronic data. – Mode of access: <http://www.suezcanal.gov.eg/sc.aspx?show=13#> (last visited: 05.07.2018); Panama Canal Authority [Electronic resource] – Electronic data. – Mode of access: <http://www.pancanal.com/eng/index.html> (last visited: 05.07.2018).
70. World Bank Open Data [Electronic resource] – Electronic database – Mode of access: <https://data.worldbank.org/> (last visited: 05.07.2018).
71. World Economic Forum Reports [Electronic resource] // World Economic Forum website. - Mode of access: <https://www.weforum.org/reports/> (last visited: 05.07.2018).

Исследовательская литература:

1. Агафонов Г.Д. Правовые аспекты морепользования в АТР. / Г.Д.Агафонов – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2004. – 204 с.
2. Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях глобализации : Темат. сб. / Дипломат.акад. МИД России. Ин-т актуал. междунар. проблем; [Редкол.: Е.П. Бажанов (отв. ред.) и др.]. - М. : Науч. кн., 2001. - 315 с.

3. Азиатско-Тихоокеанский регион: региональные проблемы, международные организации и экономические группировки. Справочник. - М.: Восток-Запад. - 2010. – 319 с.
4. Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Б. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
5. Арин О.А. Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. / О.А.Арин. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 435 с.
6. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии / А. А. Байков; отв. ред. А. Д. Богатуров. - М.: Аспект Пресс, 2012. - 256 с.
7. Богатуров А.Д. Очерки теории политического анализа международных отношений / А.Д.Богатуров, Н.А.Косолапов, М.А.Хрусталев. – М.: Мысль, 2002. – 380 с.
8. Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США / А.Д.Богатуров // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. Хрестоматия. Том третий. – М.: МГИМО, 2002. – С.200-214.
9. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945-1995) / А.Д.Богатуров. – М.: Конверт-МОНФ, 1997. – 353 с.
10. Богатуров А.Д. Синдром поглощения в международной политике // Шаклеина Т.А (сост.), Торкунов А.В. (ред.колл.). Внешняя политика и безопасность современной России, 1991– 2002. Т.1. Исследования. – М.: РОССПЭН, 2002. – 245 с.
11. Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации: научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 444 с.
12. Воскресенский А.Д. Китай во внешнеполитической стратегии России / А.Д.Воскресенский // Внешняя политика и безопасность современной

- России. 1991-2002. Хрестоматия. Том третий. – М.: МГИМО, 2002. – С.267-279.
13. Воскресенский А.Д. «Большая Восточная Азия»: Мировая политика и энергетическая безопасность / А.Д.Воскресенский. – М.: ЛЕНАНД, 2006. – 128 с.
 14. Воскресенский А.Д. Многофакторное равновесие в международных отношениях // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. М.: Издательский центр научных и учебных программ, 2000. – 210 с.
 15. Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. Учебное пособие / под редакцией А.Д. Воскресенского. — М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 528 с.
 16. Восточная Азия: между регионализмом и глобализмом / отв. ред. чл.-корр. РАН Г.И.Чуфрин. – М.: Наука, 2004. – 282 с.
 17. Гантман В.И. Система, структура и процесс развития современных международных отношений // ИМЭМО академия наук СССР, 1984. – 301 с.
 18. Границы Китая: история формирования / Под общ.ред. В.С.Мясникова и Е.Д.Степанова. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 470 с.
 19. Истомин И.А. Логика поведения государств в международной политике / И.А.Истомин. М.: Аспект пресс, 2018. — 296 с.
 20. Гудев П.А. Конвенция ООН по морскому праву: проблемы трансформации режима. М.: ИМЭМО РАН, 2014, 201 с.
 21. История международных отношений. 1945-2008: Учеб.пособие для студентов вузов / А.Д.Богатуров, В.В.Аверков. - М.: Аспект Пресс. – 2012. – 520 с.

22. Канаев Е.А. Конфликт из-за островов Южно-Китайского моря: история, характер урегулирования, перспективы эволюции / Е.А.Канаев. – М.: Готика, 2007. – 324 с.
23. Китай в мировой политике / редкол.: А.В. Торкунов (отв. ред.), А.Ю. Мельвиль, М.М.Наринский ; отв. ред.-сост.А.Д.Воскресенский ; вступ. ст. А.В.Торкунова ; МГИМО(У) МИД России. - М.: РОССПЭН, 2001. - 527 с.
24. Кокошин А.А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности России / А.А.Кокошин // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002. — Т. 1. — М.: РОССПЭН, 2002. – 539 с.
25. Колдунова Е.В. Безопасность в Восточной Азии: новые вызовы. – М.: Навона, 2010. – 240 с.
26. Кулматов К.Н. Мир в начале XXI века / К.Н.Кулматов. - М.: Известия, 2006. – 340 с.
27. Кун Т. Структура научных революций / Т.Кун. М., 2009. — 310 с.
28. Локшин Г. М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия / Г.М. Локшин; отв. ред. Е. В. Кобелев; Ин-т Дал. Востока РАН. М., 2013. – 240 с.
29. Мегатренды. Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Т.А. Шаклеина, А.А. Байков, Э.Я. Баталов, Н.А. Симония и др.; под ред. Т.А.Шаклеиной и А.А. Байкова. - М.: Аспект Пресс, 2013. - 448 с.
30. Малетин Н.П. Южно-Китайское море – море раздора? / Н.П.Малетин // Территориальный вопрос в Афро-Азиатском мире. – М.: Аспект Пресс, 2013. – С. 134-148.
31. Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. / В.В.Михеев. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 360 с.

32. Мировое комплексное регионоведение: учебник / под ред. проф. А.Д. Воскресенского. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2017. – 416 с.
33. Могилевский В.Д. Методология систем: вербальный подход / В.Д.Могилевский – М.: Экономика, 1999. – 251 с.
34. Мосяков Д.В. Политика Китая в Юго-Восточной Азии: от прошлого к настоящему / Д.В.Мосяков. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 220 с.
35. Никитина Ю.А. ОДКБ и ШОС: модели регионализма в сфере безопасности. – М.: Навона, 2009. – 200 с.
36. Оппенгейм Л. Международное право. Том I: Мир. Полутом 2 / Л. Оппенгейм; Перевод с 6-го английского издания А.Н. Ивенского, И.Я. Левина и И.А. Моро под редакцией и с предисловием проф. С.Б. Крылова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1949. – 547 с.
37. Поздняков Э.А. Системный подход и международные отношения / Э.А.Поздняков. – М. : Наука, 1976. – 158 с.
38. Примаков Е.М. Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Шаклеина Т.А (сост.), Торкунов А.В. (ред.колл.). Внешняя политика и безопасность современной России, 1991–2002. Т.1. Исследования. – М.: РОССПЭН, 2002. – 204 с.
39. Роль региональных «центров силы» в Азии / отв. ред. А.М.Хазанов, К.О.Саркисов, Н.Б.Лебедева. – М.: Наука, 1991; Международные отношения в Азии и новое политическое мышление / отв. ред. Хазанов А.М. - М.: Наука, 1990. – 401 с.
40. Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь мир, 2011. - 579 с.
41. Современные международные отношения и мировая политика: учебник для вузов / [Т.А.Алексеева и др.] под ред. А.В.Торкунова. - М.: Просвещение, 2004. - 990 с.
42. Степанов Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949-1994 гг.) / Е.Д. Степанов; Ин-т Дальнего

- Востока РАН, Центр науч. информации и банка данных. – М.: Б.и., 1996. – 96 с.
43. Степанов Е.Д. Экспансия Китая на море / Е.Д.Степанов. – М.: Международные отношения, 1980. – 160 с.
 44. Степанов Е.Д. Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949-1984 гг.) / Е.Д.Степанов. – Москва, 1986. – 348 с.
 45. Степанов Е.Д. Правовые аспекты территориальных споров в Южно-китайском море / Е.Д.Степанов. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 1997. – 92 с.
 46. Сулицкая Т.И. Страны АСЕАН и международные отношения в Юго-Восточной Азии / Т.И.Сулицкая. - М.: Наука, 1985. - 135 с.
 47. Сумский В.В. Юго-Восточная Азия в холодной войне и глобализирующемся мире / В.В.Сумский // Мировая экономика и международные отношения. - М., 2005. - № 4. - С. 60-67.
 48. Формирование новой системы транстихоокеанской безопасности и сотрудничества. Научный доклад / Отв. ред. – В.В.Михеев, В.Г.Швыдко.– М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 74 с.
 49. Хрусталева М.А. Системное моделирование международных отношений: Учеб.пособие / М. А. Хрусталева. – М.: МГИМО, 1987. – 115 с.
 50. Хрусталева М.А. Эволюция системы международных отношений и особенности ее современного этапа / М.А. Хрусталева // Космополис : Альманах. – 1999. – С. 48-51.
 51. Шаклеина Т.А. Великие державы и региональные подсистемы / Т.А.Шаклеина // Международные процессы. – 2011. – Том 9. – № 2. – С. 29-39.
 52. Almond G., Powell G. Bingham Comparative Political Systems // The Journal of Politics. – 1956. – Vol. 18. –No.3. – pp. 391-409.
 53. Apter D. Comparative Politics, Old and New // The Handbook of Political Science. – 1996. – 372 p.

54. Booth K., Wheeler N. The Security Dilemma: Fear, Cooperation, and Trust in World Politics // New York, 2008 – 384 p.
55. Buzan B. The United States and the Great Powers – World Politics in the Twenty-First Century / Barry Buzan. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 240 p.
56. Buzan B. Regions and Powers: The Structure of International Security / Barry Buzan, Ole Waever. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 588 p.
57. Chi Kin Lo. China's Policy towards Territorial Disputes: the Case of the South China Sea Islands / Chi Kin Lo. – London: Routledge, 1989. – 212 p.
58. Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective / Ed. by A.Acharya and A.I. Johnston. – N.Y.: Cambridge University Press, 2007. – 318 p.
59. Dutton P. An Analysis of China's Claim to Historic Rights in the South China Sea / P. Dutton // Major Law and Policy Issues in the South China Sea / Ed. By Yann-huei, Keyuan Zou. – Ashgate, 2014. - 326 p.
60. Easton D. The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. – New York: Alfred A. Knopf, 2011. – 330 p.
61. Fels E. Power Politics in Asia's Contested Waters Territorial Disputes in the South China Sea / Enrico Fels, Truong-Minh Vu. – New York: Springer, 2016– 536 p.
62. Freedman L. Strategy: a history. / L.Freedman. Oxford: Oxford University Press, 2013. – 768 p.
63. Goldstein A. Structural Realism and China's Foreign Policy: Much (But Never All) of the Story in Perspectives on Structural Realism / A. Goldstein. – New York: Palgrave Macmillan. – 2003. – 142 p.
64. Hackett S. Environmental and Natural Resources Economics Theory, Policy, and the Sustainable Society / Steven Hackett. – New York: Imprint Routledge, 2010. – 552 p.

65. Heintzig D. Disputed Islands in the South China Sea. Paracels, Spratlys, Pratas, Macclesfield Bank / Dieter Heintzig. - Wiesbaden: Harrassowitz, 1976. – 58 p.
66. Ho Khai Leong. ASEAN+1 or China+1? Regionalism and Regime Interests in ASEAN-China Relations / Ho Khai Leong // China and Southeast Asia / Ed. By Ho Khai Leong, Ku S. C.Y. – Singapore: Kaoshiung, 2005. - P. 195-210.
67. International Relations of Asia / ed. by D.Shambaugh, M.Yahuda. - Rowman & Littlefield Publishers: Maryland, 2008. – 402 p.
68. Kegley C. A Multipolar Peace? Great Power Politics in the Twenty-First Century. / Charles Kegley, Gregory Raymond. – New York: Bedford/st Martins, 1993. – 228 p.
69. Kipgen N. The Politics of South China Sea Disputes. / Nehginpao Kipgen. - Routledge India, 2020. – 201 p.
70. Gilpin R. The Political Economy of International Relations / Robert Gilpin. – Princeton, 1987. – 472 p.
71. Sakhuja V. Asian Maritime Power in the 21st Century: Strategic Transactions, China, India and Southeast Asia / Vinay Sakhuja // Singapore: ISEAS, 2011. – 363 p.
72. Samuels M. Contest for the South China Sea / Marwyn Samuels. – London: Routledge, 2015. – 250 p.
73. Sato Y. Three Norms of Collective Defense and Japan's Overseas Troop Dispatches / Yoichiro Sato // Norms, Interests, and Power in Japanese Foreign Policy / edited by Yoichiro Sato and Keiko Hirata. – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – P.93–110.
74. Shambaugh D. China Goes Global: The Partial Power / David Shambaugh. – Oxford University Press, 2013. – 409 p.
75. Shih Chih-yu. China's Just World: The Morality of Chinese Foreign Policy // Shih Chih-yu. – Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1993. - 244 p.

76. Storey I. Brunei's Contested Sea Border with China / Ian Storey // China and Its Borders: Twenty Neighbors in Asia / edited by Bruce Elleman, Stephen Kotkin and Clive Schofield. - New York: M.E. Sharpe, 2012. – P.37-46.
77. Power shift: China and Asia's new dynamics / ed. by D.Shambaugh. – Berkeley: University of California Press, 2005. – 383 p.
78. Regional Powers and Regional Orders / ed. by N. Godehardt, D. Nabers. – New York: Routledge, 2011. – 256 p.
79. The Law of the Sea in the Asian Pacific Region: Developments and Prospects / edited by James Crawford. – Dordrecht: Springer Netherlands, 1994. – 284 p.
80. The Rise of China and International Security: America and Asia Respond Asian Security Studies [Kevin J. Cooney and others] ; Edited by Kevin J. Cooney, Yoichiro Sato. – New York: Routledge, 2009. – 264 p.
81. The South China Sea Dispute: Navigating Diplomatic and Strategic Tensions / edited by Ian Storey and Chang-Yi Lin. – Singapore: ISEAS Publishing, 2016. – 307 p.
82. The South China Sea maritime dispute: political, legal, and regional perspectives / edited by Leszek Buszynski and Christopher B. Roberts. – New York: Routledge, 2015. – 221 p.
83. Swaine M.D., Tellis A.J. Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present, and Future / M.D. Swaine, A.J. Tellis. - Santa Monica, CA: Rand. – 2000. – 201 p.
84. Umbach F. Military Balance in the Asia-Pacific: Trends and Implications / Mely C. Anthony, Mohamed Jawhar Hassan // The Asia Pacific in the New Millennium. Political and Security Challenges. – Kuala Lumpur, 2001. – P. 331-386.
85. Wang Zhongchun. The Changes and Development of China's Periphery Security Environment and its Defense Policy / Wang Zhongchun // China's Transition into the 21st century. - Carlisle Barracks, PA: UNITED STATES Army War college. – 1996. – 37 p.

86. 季国兴. 中国的海洋安全和海域管辖 (Цзи Госин. Морская безопасность и управление акваториями Китая) /Цзи Госин. – Шанхай: Шанхай жэньмин чубаньшэ, 2009. – 356 с.
87. 余克礼. 国共两党关系 90 年图鉴 (Юй Кэли. К 90-летию отношений между партиями Гоминьдан и КПК) / Юй Кэли. – Табэй: Сунбо чубаньшэ, 2011. – 612 с.

Периодические издания:

88. Аватков В.А. Тенденции развития современных международных отношений / В.А.Аватков, Т.В.Каширина // Обозреватель – 2017. - №11. – С.5-15.
89. Богатуров А.Д. Динамика международной стабильности / А.Д.Богатуров, К.В.Плешаков // Международная жизнь – 1991. – №2. – С.35-46.
90. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе / А.Д.Богатуров // Международные процессы. – 2006. – № 3. – С. 5-15.
91. Болятко А.В. Стратегия США в АТР и отношения с Китаем / А.В.Болятко // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – Том 20. – С. 135-141.
92. Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства? / А.Д.Воскресенский // Международные процессы. - 2004. - Т.2. - №2(5). – С. 30-45.
93. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях / А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2012. - №2 (8) – С. 30-58.
94. Воскресенский А.Д. Новые тихоокеанские стратегии: возможность или реальность? Влияние «китайского фактора» на обстановку в Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе /

- А.Д.Воскресенский // Сравнительная политика. – 2018. – Т.9. - №3. – С.128-145.
- 95.Воскресенский А.Д. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности / А.Д.Воскресенский, Е.В.Колдунова, А.А.Киреева // Сравнительная политика. — 2017. — №2. — С. 37-57.
- 96.Власов Н.В. Современная политика КНР в Юго-Восточной Азии. / Н.В.Власов // Вестник МГИМО Университета. –2015. – № 3 (42). – С. 60-67.
- 97.Грин Д.П. Объяснение политики с позиций теории рационального выбора: почему так мало удалось узнать? / Д.П.Грин, И.Шапиро // Полис. – 1994 – №3. – С. 59-74.
- 98.Гудев П.А. Политико-правовые основы морских конфликтов в АТР / П.А. Гудев // Проблемы Дальнего Востока. - 2016. - №6. – С. 55- 67.
- 99.Гудев П.А. Американо-китайский антагонизм в использовании ресурсов мирового океана / П.А.Гудев // Пути к миру и безопасности. ИМЭМО. - 2013. - №1(44). с. 23-37
100. Гудев П.А. Конвенция ООН по-китайски. – Новый оборонный заказ. Стратегии. – 2017. – № 3. – С. 22-25.
101. Гудев П.А. Россия и Китай в «ловушке» правосудия: как проигрыш Пекина в международном Арбитраже затронет интересы Москвы? Часть 1. – Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – № 1(38). – С. 35-52.
102. Дикарев А.Д. Государства АСЕАН в политике Китая: курс на раскол или «новый консенсус»? / А.Д.Дикарев // Сравнительная политика. – 2018. - №3. С.75-87.
103. Другов А. Ю. Индонезия в 2014 г. / А.Ю.Другов // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2015. – №26. – С. 58-92.

104. Ефимова Л. М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шёлковый путь XXI века» / Л.М.Ефимова // Вестник МГИМО. — 2015. №6 (45). — С. 196-204.
105. Зайцев М.С. О военной стратегии Индии / М.С.Зайцев // Вестник МГИМО. — 2017. - №2(53). — С.52-70.
106. Зеленева И.В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в Юго-Восточной Азии / И.В. Зеленева // Азия и Африка сегодня. - 2017. - №1. - С. 16-20.
107. Канаев Е.А. Проблема Южно-Китайского моря: новые категории анализа / Е.А.Канаев // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2017. — №35. — С.32-44.
108. Киреева А.А. Соотношение сил великих держав в Восточной Азии: метод структурированной оценки / А.А.Киреева // Международные процессы. — 2013. — № 3-4 (34-35). — С.95-102.
109. Корсун В.А. Эволюция подходов китайского руководства к проблемам современных границ КНР / В.А.Корсун // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. - №21. — С.65-76.
110. Косолапов Н.А. Сила, насилие, безопасность: современная диалектика взаимодействия. / Н.А.Косолапов // Мировая экономика и международные отношения. — 1992. - №11. — С.34-45.
111. Курякова Е.С. Архипелаг Спратли в XXI в.: территориальные споры в Южно-Китайском море и претензии сторон / Е.С. Курякова // материалы конференции «Молодость, интеллект, инициатива». — 2016. — С. 115-117.
112. Лебедева Н.Б. Южно-Китайское море: «окно» Индии в АТР. Часть 1 / Н.Б. Лебедева // Азия и Африка сегодня - 2014. - №2. — С.9-13.
113. Локшин Г.М. АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море. / Г.М.Локшин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2013. - №20. — С. 17-39.

114. Локшин Г.М. Южно-Китайское море: острова раздора / Г.М. Локшин // Азия и Африка сегодня. – 2015. – №9. – С. 2-8.
115. Лунев С.И. Успехи высшего образования в большой Восточной Азии // Сравнительная политика. – 2016. – № 3. – С. 121-135
116. Лю Цинцай. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства / Лю Цинцай // Проблемы Дальнего Востока. - 2006. - №2. - С. 33-42.
117. Лычагин А.И., Комаров И.Д. Тайваньский вопрос: внешние и внутренние детерминанты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. № 3. Т. 17. 2017. С. 530-539.
118. Лычагин А.И., Комаров И.Д. Некоторые особенности радикальных перемен в отношениях Китайской Народной Республики, Соединенных Штатов Америки и Тайваня в конце 60-х-начале 70-х годов // Россия-Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Издательство Академии наук РТ. 2017. С. 390-393.
119. Лычагин А.И. Тайвань и частично признанные субъекты международного права в контексте современных международных отношений // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики. ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 243с. 2019. С. 155-161.
120. Лычагин А.И. Проблемы Тайваня и его дипломатических союзников в контексте существования квазигосударств // Россия-Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XI Международной научно-практической конференции. - Казань: Изд-во Академии наук РТ, -420с. 2018. С. 215-219.
121. Мазырин В.М. Россия–Вьетнам: 20 предложений по повышению эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства. Рабочая тетрадь № 23/2015 / [Мазырин В.М., Кобелев

- Е.В.]; [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2015. – 36 с.
122. Малетин Н.П. ЮКМ – бурное море Тихого океана / Н.П.Малетин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №29. – С. 5-25.
 123. Михневич С.В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. / С.В.Михневич // Вестник международных организаций. – 2016. - №1. – С. 92-125.
 124. Мосяков Д.В. О международной конференции «Безопасность и сотрудничество в регионе Южно-Китайского моря» / Д.В.Мосяков // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. - №21. - С. 8-15.
 125. Мосяков Д.В. Юго-Восточная Азия в современных политических и экономических процессах в Большой Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. - 2006. - №9. - С.10-19
 126. Мурашева Г.Ф. Есть ли альтернатива статус-кво в территориальном споре в Южно-Китайском море? / Г.Ф.Мурашева // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2013. – №20. – С. 5-16.
 127. Нгуен Динь Лиен. Вьетнамо-китайские отношения и проблемы Южно-Китайского моря / Нгуен Динь Лиен // Проблемы Дальнего Востока. - №6. - 2016. - С. 68-79.
 128. Новосельцев С.В. Концепция «китайской мечты» и её практическое применение / С.В.Новосельцев // Сравнительная политика. – 2016. – Том 7, №1(22). – С. 5-21.
 129. Новосельцев С.В., Рыжов И.В. — Внешнеполитические приоритеты США в АТР: влияние концепций “поворота в Азию” и

- “Америка прежде всего” на ситуацию в Южно-Китайском море // Конфликтология / nota bene. – 2021. – № 4. – С. 71 - 80.
130. Петрова О.Л. Инцидент в районе Натуна в свете индонезийско-китайских отношений / О.Л.Петрова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. – № 31. – С. 115-135.
 131. Понька Т.И. Двухвекторный подход КНР к разрешению территориальных споров в Южно-Китайском море / Т.И.Понька, А.С.Бельченко, А.А.Трусова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 518-529.
 132. Терских М.А. США в территориальных спорах в Южно-Китайском море / М.А.Терских // Армия и общество. – 2015. – № 4 (47). – С. 32-35.
 133. Райков Ю.А. Южно-Китайское море: зона сотрудничества или акватория конфликтов / Ю.А. Райков // Международная жизнь. - 2013. - № 6. – С. 38-51.
 134. Рогожин А.А. Россия–АСЕАН: проблемы и перспективы экономического сотрудничества / А.А.Рогожин // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2016. - №31. – С.12-18.
 135. Старкин С.В. Индо-Тихоокеанское геостратегическое пространство во внешнеполитическом дискурсе Индии и США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 3-1. С. 348-354. № 3. Т. 1. 2013. С. 348-354.
 136. Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический "разворот" США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения (МЭиМО). № 10. 2014. С. 49-56.
 137. Федоров Н.В. Конфликт в Южно-Китайском море и российско-вьетнамские отношения / Н.В.Федоров // Управленческое консультирование. – 2016. - № 11. – С. 27-38.

138. Федотов В.П. Перспективы формирования систем многосторонней безопасности в Северо-Восточной Азии / В.П.Федотов // Азиатско-Тихоокеанский регион в условиях глобализации. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2001. – С. 67-85.
139. Цветов А.П. Вьетнамо-американское сближение в 2014-начале 2015 гг.: тенденции, мотивы, ограничения / А.П.Цветов // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2015. – № 26. – С. 156–173.
140. Цветов А.П. Проблема Южно-Китайского моря в дискурсе отношений Вьетнам-США: динамика и значение / А.П.Цветов // Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития. – 2015. – №28. – С. 119-125.
141. Чжай Кунь. 1991-2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН - исторический обзор и стратегия на будущее / Чжай Кунь // Проблемы Дальнего Востока. - 2005. - № 5. - С. 32-43.
142. Янгель А.А. Отношения Китая со странами Юго-Восточной Азии: экономические и политические факторы (к созданию зоны свободной торговли Китай – АСЕАН) / А.А.Янгель // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. - №2. – С. 59-65.
143. Acharya A. The Emerging Regional Architecture of World Politics // World Politics. – 2007. – Vol. 59. – No.4. – pp. 629-652.
144. Buszynski L. ASEAN security dilemmas / Leszek Buszynski // Survival. Global Politics and Strategy. - 1992. - Vol. 34. - № 4. - P. 90-107.
145. De Castro R. The Revitalized Philippine-US Security Relations / Rodrigo De Castro // Asian Survey. - 2003. - Vol. 43. - № 6. - P. 971-988.
146. Gaddis J.L. International Relations Theory and the End of the Cold War. / John Lewis Gaddis // International Security. –1992/93. – Vol.17. - №3. – P. 5-58.

147. Garver J. China's Push through the South China Sea: The Interaction of Bureaucratic and National Interests / John Garver // The China Quarterly. - 1992. - №132. - P. 999-1028.
148. Hettne B. Beyond the "New" Regionalism / B.Hettne // New Political Economy. – 2005. - December 2005/ - Vol. 10. – № 4. – P.562-564.
149. Hettne B., Soderbaum F. Regional Cooperation: A Tool for Addressing Regional and Global Challenges // International Task Force on Global Public Goods, Achieving Global Public Goods. - Stockholm: Foreign Ministry, 2006 - pp. 179-244.
150. Hettne B., Soderbaum F. Theorizing the Rise of Regioness // New Regionalisms in the Global Political Economy / Ed. By Sh. Breslin, C.W. Hughes, N. Phillips and B. Rosamond. – N.Y.; Rountledge, 2002. – pp. 33-47.
151. Ieda O. Regional Identities and Meso-Mega Area Dynamics in Slavic Eurasia: Focused on Eastern Europe // Regio: Minorities, Politics, Society. - Budapest, 2004. - Issue 1. - P. 3-22.
152. Ji Guoxing. China versus South China Sea Security / Ji Guoxing // Security Dialogue. - 1998. - Vol. 29. - №1. - P.101-112.
153. Lampton D. Power Constrained: Sources of Mutual Strategic Suspicion in US- China Relations / D.Lampton // NBR Analysis. – June 2010. – p. 3-7.
154. Lee Lai To. China, the US and the South China Sea Conflicts / Lee Lai To // Security Dialogue. - 2003. - Vol. 34. - №1. - P. 25-39.
155. Liefer M. Chinese Economic Reform and Security Policy: the South China Sea Connection. / M.Liefer // Survival. Global Politics and Strategy. - 1995. - Vol. 37. - № 2. - P. 44-59.
156. Majumdar M. The ASEAN Way of Conflict Management in the South China Sea / Munmun Majumdar // Strategic Analysis. — 2015. – №1 (39). – P. 73-87.

157. Masahiro A. Use of Seas and Management of Ocean Space: Analysis of the Policy Making Process for Creating the Basic Ocean Law / Akiyama Masahiro // *Ocean Policy Studies*. – 2010. - №5. – P. 1-28.
158. Pan Shiyong. The Nansha Islands: a Chinese Point of View / Pan Shiyong // *Window*. – 1993. – September 3. - P. 23-37.
159. Pant H. India in Asia-Pacific: Rising Ambitions with an Eye on China / Harsh V. Pant // *Asia-Pacific Review*. –2007. – Vol.14. - №1. – P.54-71.
160. Rowan J.P. The U.S.-Japan Security Alliance, ASEAN, and the South China Sea Dispute / J.P.Rowan // *Asian Survey*. - 2005. - Vol. 45. - № 3. - P. 414-436.
161. Ryzhov I.V., Rogozhina E.M., Abidulin A.M., Savin I.S., Borodina M.Yu. Islamic Model of Political Leadership as a Potential Way to Start Negotiations Aimed at Resolving the Israeli-Palestinian Conflict // *Tarih Kultur Ve Sanat Arastirmalari Dergisi -Journal of History Culture and Art Research*. № 3. V. 8. 2019. P. 442-451.
162. Scott D. India's "Extended Neighborhood" Concept / David Scott // *India Review*. – 2009. – Vol. 8. - №2. – P.107-143.
163. Shambaugh D. The Insecurity and the Security: the PLA's Evolving Doctrines and Threat Perceptions towards 2000 / David Shambaugh // *Journal of Northeast Asian Studies*. - 1994. - Vol. 13. - № 1- P. 3-25.
164. Shee Poon Kim. The South China Sea in China's Strategic Thinking / Shee Poon Kim // *Contemporary Southeast Asia*. – 1998. - №19/4. – P.369–387.
165. Sheng Lijun. Beijing and the Spratlys / Sheng Lijun // *Issues and Studies*. - 1995. - Vol. 31. - № 7. - P. 18-46.
166. Starkin S.V. United States Military Strategy Concepts with Regards to China // *Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences*. №3. 2015. P. 81-108.

167. Storey I. Creeping Assertiveness: China, the Philippines and the South China Sea Dispute. / Ian Storey // Contemporary Southeast Asia. – 1999. – №1 (21). – P. 95-188.
168. Stuart-Fox M. Southeast Asia and China: The Role of History and Culture in Shaping Future Relations / Martin Stuart-Fox // Contemporary Southeast Asia. – 2004. - №26/1. – P. 116-139.
169. Sung Chul Jung. The Offensive Realists Are Not Wrong: China's Growth and Aggression, 1976–2001 / Sung Chul Jung, Kihyun Lee // Pacific Focus. - 2017. - №1. - P.86-108.
170. Tonnesson S. Sino-Vietnamese Rapprochement and the South China Sea Irritant / Stain Tonnesson // Security Dialogue. - 2003. - Vol. 34. - № 1. - P. 55-70.
171. Valencia M. Spratly Solution Still at Sea / Mark Valencia // The Pacific Review. - 1993. - Vol.6. - № 3. - P. 155-170.
172. Waltz K. The Emerging Structure of International Politics / Kenneth Waltz // International Security. – 1993. – Vol.18. - №2. – P.44-79.

Материалы печатных СМИ:

173. Alternative Belt and Road plan may be in the works // The Straits Times. – 2018. – February 20. – P.A13.
174. ASEAN–China Ties 'Multifaceted', Not Just About Sea Spat // The Straits Times. – 2014. – May, 21. – P.A15.
175. China hails breakthrough in tapping gas from 'ice' // the Straits Times. – 2017. – May 20. – P.A8.
176. Chong Koh Ping. China, Philippines hold first talks on South China Sea / Chong Koh Ping // The Straits Times. – 2017. – May 20. – P.A8.
177. Dancel R. Filipinos can fish again at disputed shoal / Raul Dancel / the Straits Times. – 2016. – October 29. – P.A12.
178. Dancel R. Philippines removes sandbar huts after Chinese complaints / Raul Dancel / the Straits Times. – 2017. – November 9. – P.A20.

179. Dancel R. S.China Sea ventures: Manila will consult ASEAN / Raul Dancel // the Straits Times. – 2017. – July 27. – P.A14.
180. Dancel R. South China Sea Disputes May Disrupt Trade in Asia / Raul Dancel // The Straits Times. – 2014. - June 5. – P. A20.
181. Dickey L. Security, marine environment in S.China Sea need tending to / Lauren Dickey // The Straits Times. – 2016. – October 27. – p.A27.
182. Duterte plans to discuss sea piracy with Najib, Jokowi // Sunday Times. – 2016. – October 30. – P.A18.
183. Ghosh N. China's 'overreach' provokes growing ire. / Nirmal Ghosh // The Straits Times. – 2020. - July 17. – P.A10.
184. Indonesia renames part of South China Sea // the Straits Times. – 2017. – July 15. – P.A16.
185. Japan ramping up activities in S.China Sea // the Straits Times. – 2016. – September 17. – P.A8.
186. Kor Kian Beng. Russia, China to hold joint naval drill in South China Sea. / Kor Kian Beng // The Straits Times. – 2016. – July 29. – P.A10.
187. Kor Kian Beng. China and ASEAN to launch hotline, adopt code on encounters at sea / Kor Kian Beng // The Straits Times. – 2016. – 17 August. – P.A18.
188. Laos appears ready to tilt away from China // the Straits Times. – 2016. – August 29. – P.A10.
189. Le Hong Hiep. Understanding Vietnam's rocket launcher deployment in the Spratlys / Le Hong Hiep // the Straits Times. – 2016. – August 27. – P.A21.
190. No recent China intrusions? Malaysian minister's claims rebutted by predecessor // The Straits Times. – 2020. – July 17. – P.A10.
191. Quek A. South China Sea as seen through the Lookong Glass / Audrey Quek // the Straits Times. – 2018. – June 6. – P.A17.
192. Padin M.G. China pledges \$7.34 B for Phl infra / Mary Grace Padin // the Philippine Star. – 2017. – November 15. – P.1.

193. Tan Dawn Wei, Benjamin Kang Lim. Could the US-China cold war turn hot? / Tan Dawn Wei, Benjamin Kang Lim // The Sunday Times. – 2020. – August 16. – P.A18.
194. Rachman G. Why Australia's luck may be running out / Gideon Rachman // The Straits Times. – 2016. – August 17. – P.A21.
195. Rodzi N. Malaysia sets boats ablaze / Nadirah H.Rodzi // The Straits Times. – 2017. – August 31. – p.A14.
196. Soeriaatmadja W. Jokowi backs peaceful end to sea spats / Wahyudi Soeriaatmadja // the Straits Times. – 2016. – August 17. – P.A14.
197. Sin W. Singapore welcomes a more active Japan in region: PM / Walter Sim // the Straits Times. – 2016. – September 29. – P.A8.
198. Velloor R. Deceptive lull in South China Sea / Ravi Velloor // the Straits Times. – 2017. – July 28. – P.A26.
199. Velloor R. Manila caught between a shoal and a hard place / Ravi Velloor // the Straits Times. – 2016. – September 2. – P.A24.
200. Velloor R. To China's 40 years of reforms, yam seng! / Ravi Velloor // The Straits Times. – 2018. – February 02. – P. A17.
201. Xi praises Cambodia for being a good neighbor // the Straits Times. – 2016. – October 14. – P.A16.
202. Yong C. ASEAN stresses self-restraint in S.China Sea activities / Charissa Yong // The Straits Times. – 2018. February 07. – P.A8.
203. Yong C. US Formally rejects China claims over S.China Sea / Charissa Yong // The Straits Times. – 2020. – July 15. – P.A11.

Электронные ресурсы:

204. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года / З.Бауман [Электронный ресурс] // Полит.ру. – 2011. – Режим доступа: <https://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (дата обращения: 21.01.2022).

205. Визингр Л. Новые авианосцы. Китайский ученик превосходит своего учителя [Электронный ресурс] / Лукаш Визингр // Россия Сегодня. – 2017. – 15 мая. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/military/20170515/239346234.html> (дата обращения: 11.02.2018).
206. Гукасов А.В. Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья) / А.В.Гукасов, Г.В.Косов [Электронный ресурс] // Вопросы элитологии. – 2020. – №4 – Режим доступа: <https://elitology-journal.com/index.php/ioe/article/view/38/33> (дата обращения: 21.01.2022).
207. Индонезия стала следующей жертвой претензий Пекина в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] // Обзор.Press. – Режим доступа: <https://obzor.press/press/11428-indoneziya-stala-sleduyushhej-zhertvoj-pretenzij-pekina-v-yuzhno-kitajskom-more> (дата обращения: 19.09.2017).
208. Интервью Посла России в Таиланде К.М.Барского газете «Дэйли Ньюз» [Электронный ресурс] // официальный сайт МИД России. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/maps/th/-/asset_publisher/UhQB5xrATSUO/content/id/2486513 (дата обращения: 11.02.2018).
209. Исаев М. Strategist: США превратились в бумажного тигра в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] / Максим Исаев // REGNUM. – 2018. - 15 июня. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2432212.html> (дата обращения: 05.07.2018).
210. Кашин В.Б. Южно-Китайское море — Гаагский суд и военная напряженность [Электронный ресурс] / В.Б.Кашин // РСМД. – 2016. – 14 июля. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=7924#top-content (дата обращения: 05.07.2018).

211. Китай выступил против замены ДРСМД многосторонним соглашением [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2019. – 30 июля. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190730/1556993372.html> (дата обращения: 26.09.2020).
212. Китай и АСЕАН подписали Кодекс поведения в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс] // РИА-новости. – 2016. – 07 сентября. – Режим доступа: <https://ria.ru/world/20160907/1476329230.html> (дата обращения: 19.09.2017).
213. Картунов А.В. Индо-Пацифика или Сообщество единой судьбы? [Электронный ресурс] / А.В.Картунов // Эксперт. – 2018. – 7 июля. – Режим доступа: <http://expert.ru/2018/05/28/indo-patsifika-ili-soobschestvo-edinoj-sudbyi/> (дата обращения: 07.07.2018).
214. Картунов А.В. Китай и США в Азии: четыре сценария на будущее [Электронный ресурс] / А.В.Картунов // РСМД. – 2018. – 8 июня. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-ssha-v-azii-chetyre-stsenariya-na-budushchee/> (дата обращения: 08.06.2018).
215. Кувалдин С. У Китая появился свой Крым [Электронный ресурс] / С.Кувалдин // Газета.ру. – 2015. – 2 июня. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2015/06/02_a_6742713.shtml (дата обращения: 15.07.2018).
216. Мануков С. В Южно-Китайском море нарастает риск военного конфликта между Китаем и США / Сергей Мануков // Expert Online. – 2016. - Режим доступа: <http://expert.ru/2016/08/18/ssha-kitaj/> (дата обращения: 05.07.2018).
217. МИД РФ: Россия не будет втягиваться в споры в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 14 июля. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/3454520> (дата обращения: 04.07.2018).
218. СМИ: российско-китайские учения призваны восстановить баланс в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2016. – 06

- сентября. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3596658> (дата обращения: 11.02.2018).
219. С мирными целями: в ВМФ прокомментировали морские учения России и Китая [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2016. – 12 сентября. – Режим доступа: <https://ria.ru/east/20160912/1476647271.html> (дата обращения: 12.09.2017).
220. Спецпроект о споре в Южно-Китайском море 3: Подход Китая к решению проблемы [Электронный ресурс] // CCTV. – 2016. – 27 мая. – Режим доступа: <http://russian.cctv.com/2016/05/27/VIDEKjmgMnCAeXCcuhadYfjs160527.shtml> (дата обращения: 17.10.2017).
221. Стяжкина С. Арктический совет вам да любовь [Электронный ресурс] / С.Стяжкина // Эксперт. – 2013. – 20 мая. – Режим доступа: <http://expert.ru/2013/05/20/arkticheskij-sovet-vam-da-lyubov/> (дата обращения: 15.05.2018).
222. Сумский В.В. США и Китай в Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] / В.В.Сумский // ПИР-Центр. – 2-13. – 16 октября. – Режим доступа: <http://www.pircenter.org/blog/view/id/144> (дата обращения: 07.07.2018).
223. Терехов В. Китайская “опознавательная зона ПВО”: ошибка или стратегически выверенный шаг? [Электронный ресурс] / Владимир Терехов // Новое восточное обозрение. – 2014. – 08 января. – Режим доступа: <https://ru.journal-neo.org/2014/01/08/kitajskaya-opoznavatel-naya-zona-pvo-oshibka-ili-strategicheski-vy-verenny-j-shag/> (дата обращения: 07.07.2018).
224. Тимм Л. Как Китай пытается вытеснить Австралию из альянса с США [Электронный ресурс] / Лео Тимм // Великая Эпоха. – 2016. – 5 сентября. – Режим доступа: <https://www.epochtimes.ru/kak-kak-kitaj-pytaetsya-vytolknut-avstraliyu-iz-alyansa-s-ssha-99030237/> (дата обращения: 04.07.2018).

225. Храмчихин А.А. Китайская дилемма России [Электронный ресурс] / А.А.Храмчихин // Независимая газета. – 2018. – 16 июля. – Режим доступа: http://www.ng.ru/armies/2018-07-16/7_7267_dilemma.html (дата обращения: 11.09.2018)
226. Хроленко А. Камрань в фокусе тихоокеанских приоритетов России [Электронный ресурс] / А.Хроленко // РИА-Новости. – 2015. – 04 апреля. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20150403/1056421003.html> (дата обращения: 15.09.2017).
227. Хроленко А. Конфликт интересов КНР и США в Южно-Китайском море [Электронный ресурс] / А.Хроленко // РИА-Новости. – 2015. – 24 июля. – Режим доступа: <https://ria.ru/analytics/20150724/1145591659.html> (дата обращения: 15.09.2017).
228. Энтин М. Против возвращения в юридическое Средневековье / М.Энтин, Е.Энтина // Вся Европа. – 2018. – Режим доступа: <http://alleuropalux.org/?p=15794> (дата обращения: 09.09.2018).
229. Япония национализировала спорные острова [Электронный ресурс] // Вести. – 2012. – 11 сентября. – Режим доступа: <http://radiovesti.ru/news/506481/> (дата обращения: 07.07.2018).
230. Australia and Indonesia: no surprises [Electronic resource] // The Economist. – 2013. – November 23. – Mode of access: <https://www.economist.com/asia/2013/11/23/no-surprises> (last visited: 07.07.2018).
231. Amurao G. China eyes Philippines' strategic eastern shores. [Electronic resource] / George Amurao // Asia Times. – 2018. – January 18. – Mode of access: <http://www.atimes.com/article/china-eyes-philippines-strategic-eastern-shores/> (last visited: 11.03.2018).
232. Baker B. Where Is the 'String of Pearls' in 2015? [Electronic resource] / Benjamin David Baker // the Diplomat. – 2015. – October 05. – Mode of

- access: <https://thediplomat.com/2015/10/where-is-the-string-of-pearls-in-2015/> (last visited: 07.07.2018).
233. Bateman S. What are Australia's interests in the South China Sea? [Electronic resource] / Sam Bateman // the Strategist. – 2015. - May 28. – Mode of access: <https://www.aspistrategist.org.au/what-are-australias-interests-in-the-south-china-sea/> (last visited: 07.07.2018).
234. Bateman S. State Practice Regarding Straight Baselines in East Asia - Legal, Technical And Political Issues [Electronic resource] / Sam Bateman // IHO. - 2008. - Mode of access: https://www.iho.int/mtg_docs/com_wg/ABLOS/ABLOS_Conf5/Papers/Session7-Paper1-Bateman.pdf (last visited: 01.04.2018).
235. Baviera A. The Philippines and the South China Sea Dispute: Security Interests and Perspectives [Electronic resource] / Aileen Baviera. – Mode of access: <http://ac.upd.edu.ph/index.php/resources/faculty-publications-summaries/945-the-philippines-and-the-south-china-sea-dispute-security-interests-and-perspectives-by-dr-aileen-baviera-2> (last visited: 05.07.2018).
236. Brattberg E. Why Trump's Tariffs May Push Europe Toward China and Russia [Electronic resource] / Erik Brattberg // the National Interest. – 2018. – June 3. – Mode of access: <http://nationalinterest.org/feature/why-trumps-tariffs-may-push-europe-toward-china-russia-26100?page=2> (last visited: 07.07.2018).
237. Birdwell I. Expansionism, Projecting Power, and Territorial Disputes: The South China Sea / Birdwell I., Taherian S. [Electronic resource] // Old Dominion University ODU UN Day 2020 Issue Brief. - Mode of access: <https://www.odu.edu/content/dam/odu/offices/mun/docs/un-day-sc-south-china-sea.pdf> (last visited: 23.07.2021)
238. Brooks S., Wohlforth W. The Once and Future Superpower [Electronic resource] / Stephen Brooks and William Wohlforth // Foreign Affairs. – 2016. - Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2016-04-13/once-and-future-superpower> (last visited: 01.04.2018).

239. Brunei takes a back seat in South China Sea dispute [Electronic resource] // The Economist. – Mode of access: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=1264194510&Country=Brunei&topic=Politics&subtopic=Forecast&subsubtopic=International+relations&u=1&pid=2025237386&oid=2025237386&uid=1> (last visited: 17.10.2017).
240. China isn't the only one building islands in the South China Sea Sea [Electronic resource] // Business Insider Singapore. – 2016. – May 16. – Mode of access: <http://www.businessinsider.sg/vietnam-building-islands-in-south-china-sea-2016-5/?r=US&IR=T> (last visited: 17.02.2018).
241. China, ASEAN 'affirm hope' to complete code of conduct for South China Sea disputes: Ng Eng Hen [Electronic resource] // Channel News Asia. – 2018. – February 17. – <https://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/china-asean-affirm-hope-to-complete-code-of-conduct-for-south-9968630> (last visited: 11.03.2018).
242. China, ASEAN to hold joint meeting on DOC implementation in Vietnam [Electronic resource] // Xinhua. – 2018. – 28 February. – Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2018-02/28/c_137006272.htm (last visited: 11.03.2018).
243. Cronin P.M., Kaplan R.D. US Strategy and the South China Sea [Electronic resource] / P.M.Cronin, R.D.Kaplan // CNAS. - Mode of access: http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_CooperationFromStrength_Cronin_1.pdf (last visited: 01.04.2018).
244. De Treglode B. Maritime Boundary Delimitation and Sino-Vietnamese Cooperation in the Gulf of Tonkin (1994-2016) [Electronic resource] / Benoit de Treglode // China Perspectives. – 2017. – September, 01. - Mode of access: <http://chinaperspectives.revues.org/7030> (last visited: 19.11.2017).
245. DFA: Treaty obliges US to defend PH if attacked [Electronic resource] // Rappler. – 2014. – April 30. – Mode of access:

- <https://www.rappler.com/nation/56845-ph-treaty-obliges-us-west-ph-sea>
(last visited: 07.07.2018).
246. Dongsha Island in the South China Sea opens for eco tours [Electronic resource] // Taiwan News. – 2017. – March 1. – Mode of access: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3105928> (last visited: 09.09.2018)
247. Duterte bows to China's demand not to raise flag on disputed island [Electronic resource] // The Japan Times. – 2017. – April 13. – Mode of access: <http://www.japantimes.co.jp/news/2017/04/13/asia-pacific/duterte-bows-chinas-demand-not-raise-flag-disputed-island/#.WRg5btLyhPa> (last visited: 17.10.2017).
248. Evans G. Cambodia: The Peace Process [Electronic resource] / Gareth Evans // Australian National University. – Mode of access: <http://www.gevans.org/speeches/speech498.html> (last visited: 07.07.2018).
249. Fabbri D. Piracy and armed sea robberies on the rise in Asia, Singapore Straits [Electronic resource] / Dewi Fabbri // Channel News Asia. – 2018. – January 16. – Mode of access: <https://www.channelnewsasia.com/news/singapore/piracy-and-armed-sea-robberies-on-the-rise-in-asia-singapore-9866456> (last visited 04.07.2018).
250. Freedom to Use the Seas: India's Maritime Military Strategy (2007) [Electronic resource] // Adelis.net . – 2007. – Mode of access: <http://aldeilis.net/mumbai/1686.pdf> (last visited: 07.07.2018).
251. Full text of Premier Li Keqiang's speech at the 44th Singapore Lecture [Electronic resource] // Official website of the State Council of the People's Republic of China. – 2018. – November 15. – Mode of access: http://english.www.gov.cn/premier/speeches/2018/11/15/content_281476391325308.htm (last visited: 26.09.2020).
252. FULL TEXT: President Duterte's speech at the 75th UN General Assembly [Electronic resource] // Rappler. – 2020. – September 23. – Mode of access: <https://www.rappler.com/nation/full-text-duterte-unga-speech-2020> (last visited: 13.10.2020).

253. Ghosh N. South China Sea consensus 'shows up ASEAN fault lines' [Electronic resource] / Nirmal Ghosh // The Straits Times. – 2016. April 25. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/asia/se-asia/south-china-sea-consensus-shows-up-asean-fault-lines> (last visited: 11.03.2018).
254. Glaser B. Conflict in the South China Sea: Contingency Planning Memorandum Update [Electronic resource] / Bonnie S. Glaser // Council on Foreign Relations. – 2015. – April 07. – Mode of access: <https://www.cfr.org/report/conflict-south-china-sea> (last visited: 05.07.2018).
255. Gould J. US advances three arms sales packages to Taiwan [Electronic resource] / Joe Gould // Defense News. – 2020. – October 13. – Mode of access: <https://www.defensenews.com/congress/2020/10/12/us-advances-three-arms-sales-packages-to-taiwan/> (last visited: 18.10.2020).
256. Green M.J. The Legacy of Obama's "Pivot" to Asia [Electronic resource] / Michael J. Green // Foreign Policy. – 2016. - September 03. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2016/09/03/the-legacy-of-obamas-pivot-to-asia/> (last visited: 12.02.2018).
257. Haddick R. Salami Slicing in the South China Sea [Electronic resource] / Robert Haddick. – 2012. – August 3. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2012/08/03/salami-slicing-in-the-south-china-sea/> (last visited: 05.07.2018).
258. Han Guo Xiong D. Malaysia's South China Sea Policy: Contradictions or Domestic Confusion? [Electronic resource] / David Han Guo Xiong // RSIS. – Mode of access: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/rsis/co16088-malaysias-south-china-sea-policy-contradictions-or-domestic-confusion/#.WRgKbtLyhPY> (last visited: 05.07.2018).
259. Huang K. China enlists top scientists in mission to become military tech superpower [Electronic resource] / Kristin Huang // South China Morning Post. 2018. – January 26. – Mode of access: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy->

- defence/article/2130777/china-enlists-top-scientists-mission-become-military (last visited: 11.02.2018).
260. India - Navy Modernization [Electronic resource] // Global Security. – Mode of access: <https://www.globalsecurity.org/military/world/india/in-navy-development.htm> (last visited: 07.07.2018).
261. Indian navy prepared to deploy to South China Sea [Electronic resource] / Reuters. – 2012. – December 3. – Mode of access: <https://in.reuters.com/article/south-china-sea-india-navy-oil-ongc/indian-navy-prepared-to-deploy-to-south-china-sea-idINDEE8B209U20121203> (last visited: 11.09.2018).
262. Indonesia open to idea of Australia as full ASEAN member [Electronic resource] // the Straits Times. – 2018. – March 16. – Mode of access: <https://www.straitstimes.com/asia/se-asia/indonesia-wants-australia-as-full-asean-member> (last visited: 07.07.2018).
263. Japan vows to help Philippines amid China sea row [Electronic resource] // The Straits Times. – 2013. – June 27. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/asia/japan-vows-to-help-philippines-amid-china-sea-row> (last visited: 13.04.2018).
264. Kato Y. China's Naval Expansion In the Western Pacific [Electronic resource] / Yoichi Kato // Global Asia. – Mode of access: https://www.globalasia.org/v5no4/cover/chinas-naval-expansion-in-the-western-pacific_yoichi-kato (last visited: 09.09.2018)
265. Keck Z. India's South China Sea Gambit [Electronic resource] / Zachary Keck // the Diplomat. – 2012. – December 05. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2012/12/indias-south-china-sea-gambit/> (last visited: 07.07.2018).
266. Kipgen N. The Philippines' South China Sea Flip-Flop [Electronic resource] / Nehginpao Kipgen // the Diplomat. – 2017. – March 02. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/03/the-philippines-south-china-sea-flip-flop/> (last visited: 05.07.2018).

267. Lee G. Audacity of Hope Deferred: Obama's East Asia Policy [Electronic resource] / Lee Geun // Global Asia. – Mode of access: https://www.globalasia.org/v5no4/feature/audacity-of-hope-deferred-obamas-east-asia-policy_geun-lee (last visited: 09.09.2018).
268. Lee Yinghui. A South China Sea Code of Conduct: Is Real Progress Possible? [Electronic resource] / Lee Yinghui // The Diplomat. – 2017. – November 18. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/11/a-south-china-sea-code-of-conduct-is-real-progress-possible/> (last visited: 12.02.2018).
269. Martina M. China says has agreement with Vietnam on managing S.China Sea dispute [Electronic resource] / Michael Martina, Mai Nguyen // Reuters. – 2017. – November 04. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/southchinasea-china-vietnam-idAFL4N1N91DS> (last visited: 11.03.2018).
270. Mearsheimer J. Can China Rise Peacefully? [Electronic resource] / John J. Mearsheimer // National Interest. - 2014. - October 25. - Mode of access: <http://nationalinterest.org/commentary/can-china-rise-peacefully-10204> (last visited: 05.07.2018).
271. No one should be allowed to throw Asia into chaos: Xi warns. [Electronic resource] // The Economic Times. 2013. – April 07. – Mode of access: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/no-one-should-be-allowed-to-throw-asia-into-chaos-xi-warns/articleshow/19425788.cms> (last visited: 11.03.2018).
272. Panda A. Chinese Vice FM Proposes New Regional Mechanism for South China Sea States [Electronic resource] / Ankit Panda // The Diplomat. –2017. – March 27. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2017/03/chinese-vice-fm-proposes-new-regional-mechanism-for-south-china-sea-states/> (last visited: 05.07.2018).
273. Panda A. South China Sea: US Destroyer Conducts Freedom of Navigation Operations Near Scarborough Shoal [Electronic resource] / Ankit

- Panda // The Diplomat. – 2018. January 21. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/01/south-china-sea-us-destroyer-conducts-freedom-of-navigation-operations-near-scarborough-shoal/> (last visited: 11.03.2018).
274. Panda A. Vietnam Requests Spain's Repsol Suspend Work in Disputed South China Sea Oil Block [Electronic resource] / Ankit Panda // The Diplomat. – 2018. – March 25. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/03/vietnam-requests-spains-repsol-suspend-work-in-disputed-south-china-sea-oil-block/> (last visited: 25.05.2018).
275. Parameswaran P. India, Singapore Hold Army Exercise [Electronic resource] / Prashanth Parameswaran // the Diplomat. – 2017. – March 21. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2017/03/india-singapore-hold-army-exercise/> (last visited: 07.07.2018).
276. Parameswaran P. A Big Deal? US, Philippines Agree First 'Bases' Under New Defense Pact [Electronic resource] / Prashanth Parameswaran // The Diplomat. – 2016. – March 16. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2016/03/a-big-deal-us-philippines-agree-first-bases-under-new-defense-pact/> (last visited: 17.02.2018).
277. Perlez J. Rodrigo Duterte and Xi Jinping Agree to Reopen South China Sea Talks [Electronic resource] / Jane Perlez // The New York Times. – 2016. – October 20. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2016/10/21/world/asia/rodrigo-duterte-philippines-china-xi-jinping.html> (last visited: 25.05.2018).
278. Philippines, China sign \$24-B deals [Electronic resource] // The Philippines Star. – 2016. – October 22. – Mode of access: <http://www.philstar.com/headlines/2016/10/22/1636102/philippines-china-sign-24-b-deals> (last visited: 17.10.2017).
279. Philippines' Duterte praises China on Beijing visit [Electronic resource] // Channel News Asia. 2016. – October 19. – Mode of access:

- <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/philippines-duterte-praises-china-on-beijing-visit/3219034.html> (last visited: 17.10.2017).
280. Piracy incidents along Straits of Malacca and Singapore surge in 2019 [Electronic resource] // South China Morning Post. – 2019. – December 28. – Mode of access: <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/3043744/piracy-incidents-along-straits-malacca-and-singapore-surge> (last visited: 12.10.2020).
281. PM Lee, Trump renew key defence pact on US use of Singapore air, naval bases [Electronic resource] // The Straits Times. – 2019. – May 24. – Mode of access: <https://www.straitstimes.com/world/pm-lee-trump-renew-key-defence-pact-on-us-use-of-singapore-air-naval-bases> (last visited: 14.10.2020).
282. Rajagopalan R.P. India, Malaysia Kick Off Military Exercise [Electronic resource] / Rajeswari Pillai Rajagopalan // the Diplomat. – 2018. – May 04. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2018/05/india-malaysia-kick-off-military-exercise/> (last visited: 07.07.2018).
283. Rees E. Conflict and Cooperation in the South China Sea [Electronic resource] / Evan Rees // Stratfor. – 2016. – August 31. – Mode of access: <https://www.stratfor.com/analysis/conflict-and-cooperation-south-china-sea> (last visited: 25.05.2018).
284. Rowan C. Powder Keg in the Pacific [Electronic resource] / Callick Rowan // Foreign Policy. – 2012. – August 22. – Mode of access: <http://foreignpolicy.com/2012/08/22/powder-keg-in-the-pacific/> (last visited: 17.10.2017).
285. Sato Y. Southeast Asian Receptiveness to Japanese Maritime Security Cooperation [Electronic resource] / Yoichiro Sato // Asia-Pacific Center for Security Studies. – 2007. – Mode of access: <http://apcss.org/Publications/Maritime%20security%20cooperation%20Japan-SE%20Asia%20Sato.pdf> (last visited: 11.08.2018).

286. Scott D. Conflict Irresolution in the South China Sea [Electronic resource] / David Scott // WordPress. – 2017. – Mode of access: <https://dscottcom.files.wordpress.com/2017/03/scs-irresolution.pdf> (last visited: 17.02.2018).
287. Septiari D. Indonesia joins neighbors in protesting Beijing's claims in South China Sea [Electronic resource] / Dian Septiari // The Jakarta Post. – 2020. – June 1. – Mode of access: <https://www.thejakartapost.com/news/2020/06/01/indonesia-joins-neighbors-in-protesting-beijings-claims-in-south-china-sea.html> (last visited: 14.10.2020).
288. Shukla A. Chinese warships return to South China Sea as Indian Navy continues heavy deployment around Maldives [Electronic resource] / Ajai Shukla // Business Standard. – 2018. - February 20. – Mode of access: https://www.business-standard.com/article/economy-policy/chinese-warships-return-to-south-china-sea-118022000890_1.html (last visited: 07.07.2018).
289. Singapore Exercises with India, Japan, the Philippines and the United States Navies in Group Sail to Exercise RIMPAC [Electronic resource] // Ministry of Defense of Singapore. – 2018. – June 24. – Mode of access: https://www.mindef.gov.sg/web/portal/mindef/news-and-events/latest-releases/article-detail/2018/june/24jun18_nr (last visited: 07.07.2018).
290. Storey I. Arctic Lessons: What the South China Sea Claimants Can Learn from Cooperation in the High North [Electronic resource] / Ian Storey // Academia. – 2013. – Mode of access: http://www.academia.edu/5435334/Arctic_Lessons_What_the_South_China_Sea_Claimants_Can_Learn_from_Cooperation_in_the_High_North (last visited: 05.07.2018).
291. Storey I. Chinese Premier Li Calls for South China Sea Code of Conduct by 2021 [Electronic resource] / Ian Storey // ISEAS. – 2018. – November 15. – Mode of access:

- <https://www.iseas.edu.sg/media/commentaries/chinese-premier-li-calls-for-south-china-sea-code-of-conduct-by-2021-by-ian-storey/> (last accessed: 14.10.2020).
292. Taking ASEAN-China ties to the next level [Electronic resource] // The Straits Times. 2017. – July 15. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/opinion/taking-asean-china-ties-to-the-next-level> (last visited: 11.03.2018).
293. Teo Cheng Wee. South China Sea - Part Three: China's front-line fishermen [Electronic resource] / Teo Cheng Wee // the Straits Times. – 2016. – April 5. – Mode of access: <http://www.straitstimes.com/asia/east-asia/south-china-sea-part-three-chinas-front-line-fishermen> (last visited: 05.07.2018).
294. Thayer C. 4 Reasons China Removed Oil Rig HYSY-981 Sooner Than Planned [Electronic resource] / Carl Thayer // The Diplomat. – 2014. – July 22. – Mode of access: <https://thediplomat.com/2014/07/4-reasons-china-removed-oil-rig-hysy-981-sooner-than-planned/> (last visited: 05.07.2018).
295. Thayer C. Vietnam's strategies in the South China Sea [Electronic resource] / Carlyle Thayer // East Asia Forum. – 2017. – July 28. – Mode of access: <http://www.eastasiaforum.org/2017/07/28/vietnams-strategies-in-the-south-china-sea/> (last visited: 17.02.2018).
296. Valencia M. J. The South China Sea: Back to the Future? [Electronic resource] / Mark J. Valencia // Global Asia. – Mode of access: https://www.globalasia.org/v5no4/cover/the-south-china-sea-back-to-the-future_mark-j-valencia (last visited: 09.09.2018).
297. Valencia M. Foreign military activities in Asian EEZs: conflict ahead? NBR special report [Electronic resource] / Mark Valencia // The National Bureau of Asian Research. – 2011. – Mode of access: http://www.nbr.org/publications/specialreport/pdf/Preview/SR27_EEZs_preview.pdf (last visited: 17.02.2018).
298. Vietnam's Sovereignty over Hoang Sa and Truong Sa archipelagos [Electronic resource] // CIA. – Mode of access:

- <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP08C01297R000300180007-5.pdf> (last visited: 17.02.2018).
299. Vijay S. Search and rescue cooperation could soothe South China Sea tensions [Electronic resource] / Sakhuja Vijay // Asian Review. – Mode of access: <http://asia.nikkei.com/magazine/20150924-The-REBIRTH-of-SALIMGROUP/Viewpoints/Vijay-Sakhuja-Search-and-rescue-cooperation-could-soothe-South-China-Sea-tensions?page=2> (last visited: 07.07.2018).
300. Yong C. Asean voices concern over activities in South China Sea [Electronic resource] / Charissa Yong // The Straits Times. – 2020. – September 13. – Mode of Access: <https://www.straitstimes.com/world/united-states/asean-voices-concern-over-activities-in-south-china-sea> (last visited: 18.10.2020).
301. 美媒：中国海军采取“安全不专业”方式驱逐美军舰 (СМИ: ВМС КНР «безопасными методами» вытеснили американские корабли) [Электронный ресурс] // China.com. – 2018. – 31 мая. – Режим доступа: <http://military.china.com/important/11132797/20180531/32472299.html> (дата обращения: 05.07.2018).
302. 中国这一外交政策还能延续多久 (Сколько еще может длиться такая внешняя политика Китая) [Электронный ресурс] // DWNews. – 2017. – 25 декабря. – Режим доступа: <http://culture.dwnews.com/history/news/2017-12-25/60031574.html> (дата обращения: 05.07.2018).
303. 李彤。中国能源安全与中国北极战略定位(Ли Син.Безопасность Китая и Арктическая стратегия КНР) [Электронный ресурс] / Ли Син. – 2011. – 18 февраля. – Режим доступа: http://vbn.aau.dk/files/47402669/Chinese_energy_security_Li_Xing.pdf (дата обращения: 14.03.2018).
304. 2016 年 2 月 18 日外交部发言人洪磊主持例行记者会 (18 февраля 2016 г. официальный представитель МИД КНР провел очередную пресс-

- конференцию) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД КНР. – 2016. – 18 февраля. – Режим доступа: http://www.fmprc.gov.cn/web/wjdt_674879/fyrbt_674889/t1341558.shtml (дата обращения: 04.03.2018).
305. **菲 律 宾 南 海 重 磅 表 态：不 愿 意 被 他 国 利 用 挑 战 中 国** (Филиппинская точка зрения: страна не хочет быть использована внешними силами для осуществления провокаций в адрес Китая) [Электронный ресурс] // Ifeng.com. – 2018. – 02 октября. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/a/20180210/55938401_0.shtml (дата обращения: 11.03.2018).
306. **国 防 部 新 闻 发 言 人 吴 谦 就 美 舰 擅 自 进 入 中 国 南 沙 群 岛 有 关 岛 礁 邻 近 海 域 发 表 谈 话** (Официальный представитель Министерства обороны КНР У Цянь прокомментировал заход американского корабля в территориальные воды Китая в районе островов Спратли) [Электронный ресурс] // официальный сайт Министерства обороны КНР. 2017. – 11 августа. – Режим доступа: http://www.mod.gov.cn/info/2017-08/11/content_4789001.htm (дата обращения: 11.03.2018).
307. **中 美 贸 易 战 号 角 声 响 起！刘 芸 如 2018 年 4 月 4 日 联 合 早 报** (Раздаются отзвуки торговой войны между Китаем и США!) [Электронный ресурс] / Лю Юньжу // LianheZaobao. – 2018. – 04 апреля. – Режим доступа: <https://www.zaobao.com.sg/znews/international/story20180404-848135> (дата обращения: 05.07.2018).
308. **国 际 法 庭 宣 布 南 中 国 海 案 裁 决：中 国 主 张 非 法 无 效** (Международный суд в Гааге огласил свое решение по Южно-Китайскому морю: Китай считает его незаконным и не имеющим силы) [Электронный ресурс] // VOA. – 2016. – 07 декабря. – Режим доступа: <https://www.voachinese.com/a/china-Philippine-maritime-dispute-20160712/3414662.html> (дата обращения: 19.11.2017).

309. 国台办:回到“九二共识”,两岸关系才能重回和平发展光明大道
(Канцелярия по делам Тайваня при Госсовета КНР: только вернувшись к консенсусу 1992 г. можно обеспечить процветающее будущее обеим берегам Тайваньского пролива) [Электронный ресурс] // Синьхуаю – 2018. – 28 марта. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/2018-03/28/c_1122604319.htm (дата обращения 09.09.2018).
310. 两岸专家学者联合发表报告提出南海合作刻不容缓 (Эксперты из Китая и Тайваня выступили с совместным докладом о сотрудничестве в Южно-Китайском море) [Электронный ресурс] // TaiwanChina.org. – 2011/ - 08 ноября. – Режим доступа: http://www.taiwan.cn/jl/qt/201108/t20110809_1955054.htm (дата обращения 09.09.2018).
311. Marboen A. Anggota DPR desak China hormati Laut Natuna Utara. [Электронный ресурс] / AdeMarboen // AntaraNews. – 2017. – July 21. – Режим доступа: <http://www.antaranews.com/berita/641745/anggota-dpr-desak-china-hormati-laut-natuna-utara> (дата обращения: 19.09.2017).

Приложения

Приложение 1. Наложение «девятипунктирной» линии КНР (красная) на территориальные воды и ИЭЗ стран АСЕАН.

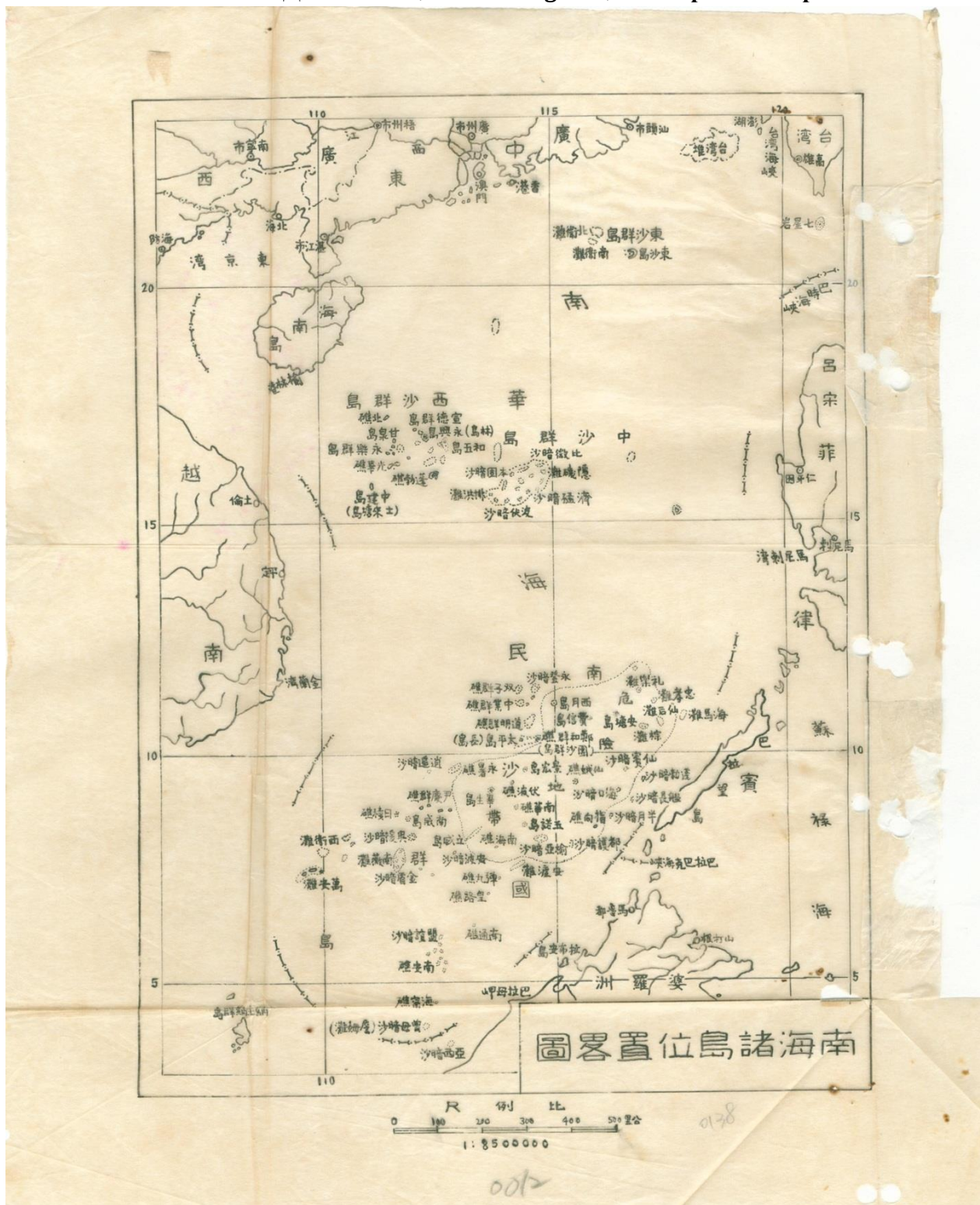
Источник: сайт ООН⁴⁴⁰

⁴⁴⁰ International Law Relating to Islands. Part I: Islands, Rocks, and Low-Tide elevations [Electronic resource] // UN website. - Mode of access: https://legal.un.org/avl/pdf/ls/murphy_presentation.pdf (last visited: 22.05.2021).

Приложение 2: Китайские карты Южно-Китайского моря 1947, 2009 и 2014 гг.

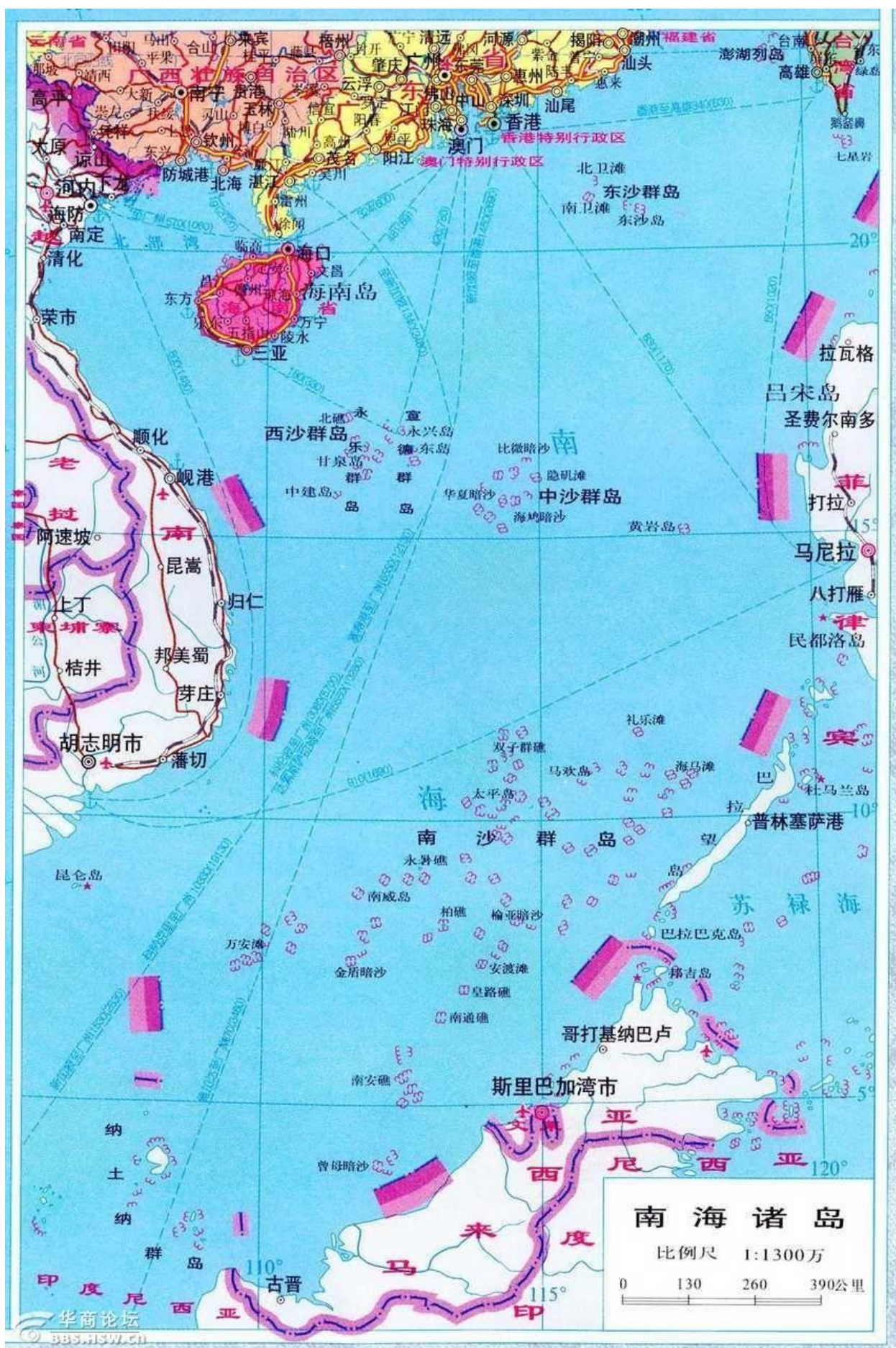
Источники: МИД Японии⁴⁴¹, The Strategist⁴⁴², Университет Пердью⁴⁴³

⁴⁴¹ Historic Waters and Rights Revisited: UNCLOS and Beyond [Electronic resource] // MOFA Japan website. - Mode of access: <https://www.mofa.go.jp/files/000074505.pdf> (last visited: 22.05.2021).

⁴⁴² Graham E. China's New Map: Just Another Dash? [Electronic resource] / Euan Graham // The Strategist. - Mode of access: <https://www.aspistrategist.org.au/chinas-new-map-just-another-dash/> (last visited: 22.05.2021).

⁴⁴³ Chapman B. China's Nine-Dashed Map: Continuing Maritime Source of Geopolitical Tension [Electronic resource] / Bert Chapman // Purdue University. - Mode of access: <https://core.ac.uk/download/pdf/77942061.pdf>

**Приложение 3. Оценка доказанных запасов нефти и газа в акватории ЮКМ.
Источник: Управление энергетической безопасности США⁴⁴⁴**

Страна	Запасы нефти (млрд. баррелей)	Запасы природного газа (трлн. куб.метров)
Бруней	1.5	0,4
КНР	1.3	0,4
Индонезия	0.3	1,6
Малайзия	5.0	2,3
Филиппины	0.2	0,1
Таиланд	-	0,02
Вьетнам	3.0	0,56
Всего	11.2	5,4

Приложение 4. Соотношение значимости отношений с КНР и «асеановской солидарности» во внешней политике стран-членов АСЕАН

Готовность идти на политические уступки КНР в обмен на экономическое взаимодействие / инвестиции	Стремление к «асеановской солидарности» во внешней политике, в т.ч. по вопросу ЮКМ			
		<i>низкая</i>	<i>средняя</i>	<i>высокая</i>
	<i>низкая</i>		Таиланд	Вьетнам, Индонезия
	<i>средняя</i>	Лаос	Малайзия	Сингапур
	<i>высокая</i>	Камбоджа, Мьянма	Филиппины, Бруней	

⁴⁴⁴ South China Sea [Electronic resource] // US Energy Information Administration. - 2013. - February 7. - Mode of access: <https://www.eia.gov/beta/international/regions-topics.php?RegionTopicID=SCS> (last visited: 07.07.2018).